

Е. МАРКОВЪ

ГРѢХИ И НУЖДЫ.

НАШЕЙ СРЕДНЕЙ ШКОЛЫ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., 13

1900

Дозволено цензурою 15 мая 1900 г. С.-Петербургъ.

СОДЕРЖАНИЕ.

	СТРАН.
«Живая душа въ школѣ». (Мысли и воспоминанія стараго педагога).	1
Книжный изморь. (Въ защиту дѣтей)	33
Классическое суевѣріе. (Мысли стараго педагога о нашей школѣ).	49
Какая школа нужна нашимъ дѣтямъ? (Мысли стараго педагога).	72
Не балуйте дѣтей! (Мысли стараго педагога).	116

„Живая душа“ въ школѣ.

Мысли и воспоминанія стараго педагога.

I.

Давно уже почувствовало наше общество внутреннее недомоганіе, разѣдающее у насъ молодое поколѣніе, и въ печати также давно раздаются голоса, сисящіеся уяснить причины такого недомоганія, установить его діагнозъ и способы леченія. Многое, какъ будто, уже понято, много сказано правды, но сдѣлано пока очень мало; да и понято, и сказано еще далеко не все, и едва ли самое главное. Конечно, прежде всего нужно признаться, что ни въ какія другія эпохи нашей общественной жизни юношество у насъ не пребывало въ идеальномъ равновѣсіи духа, не отличалось какими-нибудь идиллическими стремленіями... Это и понятно, само собою: въ молодомъ нарастающемъ поколѣніи всѣ духовные элементы, свойственные самому обществу, волнуются, сталкиваются и бродятъ еще гораздо сильнѣе и тревожнѣе, чѣмъ въ установившихся уже слояхъ общества; а такъ какъ наше общество съ конца 50-хъ годовъ само переживаетъ очень критическую эпоху своей исторической жизни, заканчивая чуть не средневѣковой полуазиатскій строй

своего внутренняго быта и съ тяжелыми усилями вступая полноправнымъ членомъ въ просвѣщенную семью европейскихъ народовъ,— то было бы странно ожидать спокойнаго и правильнаго роста самой впечатлительной, самой неустойчивой части этого общества, въ которой, какъ въ молодомъ, еще не отстоявшемся винѣ, играютъ соки будущаго...

Вотъ почему въ вопросѣ воспитанія молодого поколѣнія, какъ и во всякомъ серьезномъ практическомъ вопросѣ, необходимо прежде всего намъ самимъ полное спокойствіе духа; только оно одно можетъ представить намъ въ истинномъ свѣтѣ, безъ болѣзненныхъ преувеличеній, безъ тенденціознаго окрашиванія, наше важнѣйшее общественное и государственное дѣло.

Приступать же къ обсужденію его, а тѣмъ болѣе къ практическимъ мѣрамъ въ немъ, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ возмущающихъ насъ мимолетныхъ явленій, когда событія минуты невольно представляются ихъ свидѣтелямъ и участникамъ въ гораздо болѣе тревожномъ и опасномъ свѣтѣ, — значитъ съ своей стороны помогать дальнѣйшему неправильному ходу дѣла и ошибочно принимать болѣзненные вспышки организма за нормальную фізіологическую дѣятельность его.

Я, самъ отецъ, воспитавшій нѣсколькихъ сыновей и дочерей, довольно долго былъ педагогомъ, искренно увлеченнымъ этимъ призваніемъ; самъ родился въ очень многочисленной семьѣ братьевъ и сестеръ; зналъ хорошо своихъ многочисленныхъ товарищей по гимназіи и университету, своихъ многочисленныхъ учениковъ и ученицъ; поддерживаю и до сихъ поръ отношенія съ близкою мнѣ учащеюся молодежью,— и потому считаю себя достаточно знакомымъ съ психологіею нашего юношества, съ его очень большими недостатками, но и съ очень добрыми сторонами.

Мой долголѣтній опытъ оставилъ во мнѣ глубокое убѣжденіе, что наше юношество очень доступно нравственному вліянію, и что разумный человѣкъ съ прямымъ, устойчивымъ характеромъ, съ честными принципами, а прежде всего искренно расположенный къ молодежи, можетъ безъ особеннаго труда направлять жизнь юношеской толпы по спокойному и плодотворному руслу. Опытъ убѣдилъ меня, что почти всѣ такъ называемые «исторіи» и «беспорядки» нашихъ учебныхъ заведеній если не вызываются, то поддерживаются неумѣлымъ, несправедливымъ или безучастнымъ отношеніемъ къ молодежи тѣхъ, кто бы долженъ жить съ нею душа въ душу и ея интересы сдѣлать своимъ, такъ сказать, семейнымъ интересомъ.

Сколько разъ случалось мнѣ убѣждаться, что одно только искреннее вхожденіе честнаго воспитателя въ подробности возникшаго недоразумѣнія, одно сердечное и разумное объясненіе съ молодыми людьми, чуждое всякаго популярничанья, простое и даже сурово-откровенное,—разводило, точно какой-нибудь громоотводъ, накопившееся въ молодыхъ умахъ электричество негодованія и возмущенія, и нечувствительно устанавливало въ этой сферѣ набѣжавшей грозы тихую и ясную душевную погоду.

Такие разумные и вліятельные воспитатели, любившіе дѣтей и любимые дѣтьми, были всегда, конечно, рѣдки, какъ рѣдки были и учебныя заведенія, гдѣ дѣло обходилось безъ «исторій» и «беспорядковъ» разнаго рода. Но они, однако, были даже и въ то время, когда мы вообще были бѣднѣе педагогическими и образовательными силами.

Трудно сомнѣваться, чтобы ихъ не нашлось еще больше теперь, когда общественные нравы стали вообще гуманнѣе, когда образованіе разлилось гораздо шире въ русскомъ народѣ, и когда каждому изъ насъ

стали яснѣе и обязательнѣе наши нравственные и гражданскіе идеалы. Если же въ практикѣ нашихъ нынѣшнихъ учебныхъ заведеній мы слишкомъ рѣдко встрѣчаемъ эти крайне желательныя и совершенно необходимыя отношенія воспитателей къ ученикамъ, то причину этого нужно искать въ томъ омертвѣніи внутренней жизни этихъ заведеній, въ томъ уничтоженіи всякой воспитательной самостоятельности ихъ, которая явились роковымъ послѣдствіемъ строгой канцелярской централизаціи учебнаго дѣла. Система недовѣрія къ учителю, къ ученику, къ главнымъ руководителямъ учебнаго заведенія, къ обществу, къ самимъ родителямъ, вызванная, можетъ быть, историческими обстоятельствами, мертвою рукою легла на наше воспитательное дѣло и обратила его въ механическое отправленіе служебной обязанности, подобно всякому другому чиновничьему «присутственному мѣсту». Въ указанномъ часу всѣ приходили въ классы; до указанного часа по указанной книгѣ проходили указанное число страницъ, отвѣчали на экзаменахъ на указанные высшимъ начальствомъ вопросы, и даже за проступки должны были нести то наказаніе, которое было заранѣе предназначено въ утвержденной разъ навсегда и для всѣхъ таблицъ наказаній. Все было до того предусмотрѣно и предоставлено заранѣе чиновничьею инстанціею, живущею за тридевять земель отъ воспитывающагося юношества, и до того механизировано, что какой-нибудь Эдиссонъ могъ бы, кажется, изобрѣсти машинку, вполне способную замѣнить эти прямолинейные распорядки учебнаго начальства. Учитель, воспитатель, директоръ—потеряли всякій живой интересъ къ живому дѣлу, которымъ механически правила издали чужая, холодная, но тѣмъ не менѣе властная рука. Естественно, что люди, преданные сердцемъ дѣлу воспитанія, вынуждены были,

въ такихъ условіяхъ, при первой возможности покидать его и искать другихъ занятій, а ряды педагоговъ невольно пополнялись людьми иныхъ взглядовъ, смотрѣвшихъ на свое призваніе, исключительно какъ на средство получать жалованье и выслуживать пенсіонъ. Механизація проникла даже въ религіозную жизнь учебныхъ заведеній, и какія-нибудь обязательныя колѣнопреклоненія цѣлой корпораціи въ извѣстные моменты церковныхъ службъ, напоминающія гораздо болѣе исполненіе воинской команды, чѣмъ искреннее движеніе растроганнаго сердца, стали требоваться начальствомъ въ замѣнъ воспитанія въ дѣтяхъ ихъ собственнаго религіознаго чувства.

При такой системѣ, обезличившей одинаково и воспитателя, и воспитанника, обратившей ихъ въ безучастныя колесики учебной машинки, бывшее значеніе педагогическихъ совѣтовъ, составлявшихъ въ болѣе счастливыя эпохи нашей учебной жизни «живую душу» и двигающій импульсъ заведенія, совершенно уничтожилось; никакіе воспитательные и учебные опыты, никакія отступленія отъ строго предписанныхъ формъ и нормъ, иначе сказать, никакая искренняя внутренняя дѣятельность учебнаго заведенія не допускалась и сдѣлалась невозможною. На съѣзды учителей, ихъ конференціи, публичныя чтенія, на всякое участіе «казеннаго педагога» въ духовной жизни мѣстнаго общества стали смотрѣть, какъ на вредную ересь, какъ на признакъ служебной неблагонадежности, и дошли по этому пути до того, что въ нѣкоторыхъ извѣстныхъ мнѣ губернскихъ городахъ учителя среднихъ учебныхъ заведеній, составляющіе въ сущности главную и чуть не единственную просвѣщенную силу мѣстнаго общества, подъ страхомъ быть на дурномъ счету у начальства, не осмѣливались принимать участіе ни въ народныхъ чтеніяхъ, ни въ пуб-

личныхъ лекціяхъ, ни въ общественныхъ бібліотекахъ, ни въ какомъ вообще просвѣтительномъ учрежденіи, предпринятомъ внѣ предписаній начальства,

Понятно, что такой неестественный мертвящій строй нашихъ учебныхъ заведеній отразился самымъ вреднымъ образомъ не только на впечатлительной натурѣ учащихъ, но и на отношеніи къ заведенію самихъ учителей и воспитателей. Привыкнувъ къ родственно-близкимъ отношеніямъ воспитанниковъ моего времени къ воспитавшему ихъ заведенію, къ ихъ благодушнымъ воспоминаніямъ о своихъ даже плохихъ и чудаковатыхъ учителяхъ, къ ихъ радостно дружественнымъ встрѣчамъ съ бывшими своими наставниками,—я съ искреннимъ изумленіемъ видѣлъ и слышалъ кругомъ себя всякаго рода выраженія вражды и полного отчужденія бывшихъ учениковъ послѣдней формации къ тому заведенію, въ которомъ они провели лучшіе годы своего дѣтства и юности. А гдѣ нѣтъ любви, уваженія и привязанности, тамъ какое же можетъ быть полезное нравственное вліяніе, сколько бы вы ни прививали дѣтямъ почтительности и благонаравія сажаньемъ подъ арестъ и плохими баллами за поведеніе!

Восемь или девять-десять лѣтъ самаго чуткаго и опаснаго возраста, когда въ подрастающемъ юношѣ складываются всѣ его будущіе вкусы, расположенія и взгляды на жизнь и людей, провести въ такомъ враждебномъ и отрицательномъ настроеніи—это, какъ хотите, не можетъ не отразиться глубоко и на будущемъ студентѣ, который невольно осужденъ входить въ сравнительно свободную сферу своей новой жизни безъ всякихъ нравственныхъ устоевъ и тормозовъ, безъ внутренняго запаса любви и мира, если, конечно, ему не посчастливилось собрать этотъ драгоцѣнный запасъ въ какой-нибудь исключительно благопріятной семейной обстановкѣ своей.

Лекарство противъ этого зла указывается самимъ же этимъ зломъ. Уничтожить механическое бездушіе нашего воспитательнаго дѣла, измѣнить его канцелярски-чиновническій характеръ, возвратить учебнымъ заведеніямъ ихъ живую, искреннюю жизнь, ихъ естественную фізіономію, не всегда похожую на всѣ другія,—вотъ что одно необходимо теперь. Это, конечно, не достигается предписаніями. Нельзя приказать человеку: будь искрененъ, интересуйся дѣломъ, люби тѣхъ, кого ты воспитываешь! Но можно и должно поставить людей въ такое положеніе, что они сами, наконецъ, станутъ искренно интересоваться дѣломъ и безъ предписанія начальства привяжутся сердцемъ къ питомцамъ своимъ. Для этого прежде всего нужно, чтобы люди, которымъ поручается дѣло, почувствовали себя сколько-нибудь хозяевами его, сознали бы, что ихъ личныя дружныя усилія могутъ достигнуть чего-нибудь, что они свободны выбирать для достиженія поставленной цѣли тѣ средства, въ которыя они вѣрятъ, которыхъ силу они испытали... Слѣдите внимательно за тѣмъ, что и какъ они дѣлаютъ, требуйте отчета, давайте совѣты, беспощадно устраняйте неумѣлыхъ или нерадивыхъ, строго выбирайте своихъ работниковъ,—но не мѣшайте тѣмъ, кому вы вѣрите, вести дѣло по мѣрѣ ихъ разумѣнія, на ихъ отвѣтственность, не стѣсняйте свободы внутренней жизни заведенія однообразными предписаніями, безчисленными формальными требованіями и, главное, пагубнымъ недовѣріемъ, которое убиваетъ все живое и искреннее...

II.

Я считаю вполне уместнымъ привести здѣсь небольшую иллюстрацію къ только-что высказаннымъ мыслямъ изъ своихъ личныхъ воспоминаній о другой,

давно уже прошедшей, эпохъ нашей педагогической жизни, которую вѣрнѣе всего назвать «эпохою Пирогова», и въ которой, несмотря на нѣкоторыя ея увлеченія и ошибки, жило высоко-нравственное и плодотворное начало. Я въ правѣ считать себя однимъ изъ скромныхъ дѣятелей той далекой эпохи, принципы которой я старался проводить и въ своей позднѣйшей педагогической дѣятельности, при совершенно уже измѣнившихся общихъ условіяхъ.

Мнѣ посчастливилось въ ранней молодости быть дѣятельнымъ членомъ очень своеобразнаго педагогическаго улья, о которомъ когда-то довольно много говорилось и писалось, о которомъ, конечно, теперь совершенно забыли, но о которомъ особенно кстати вспомнить именно теперь, какъ о противоположномъ полюсѣ своего рода нашихъ современныхъ учебныхъ заведеній.

Я говорю о тульской гимназіи конца 50-хъ и начала 60-хъ годовъ.

Свѣтлая эпоха русскаго возрожденія застала эту гимназію въ самомъ плачевномъ состояніи, напоминавшемъ художественныя картины педагогическаго быта въ романѣ «Кто виноватъ». Новый попечитель московскаго учебнаго округа, генералъ Исаковъ, связавшій потомъ свое имя съ широкимъ подъемомъ нашего военно-учебнаго образованія, хотя самъ былъ мало знакомъ съ вопросами педагогіи, но обладалъ большимъ тактомъ и очень здравымъ умомъ, который помогалъ ему удачно выбирать людей, заслуживавшихъ довѣрія и вполне пригодныхъ къ дѣлу. Остановившись на такомъ человѣкѣ, онъ предоставлялъ ему возможную свободу дѣйствій и, сознавая тогдашнее прискорбное состояніе нашего учебнаго дѣла, охотно шелъ навстрѣчу самымъ смѣлымъ педагогическимъ опытамъ по новому, свѣжему пути. Тульскую гимназію, обратившуюся чуть не въ «бурсу»,

необходимо было пересоздать и воскресить совсѣмъ заново. Исаковъ посылаетъ туда директоромъ—съ самыми широкими полномочіями удалять и приглашать, кого онъ сочтетъ нужнымъ—одного изъ замѣчательныхъ учителей московскихъ гимназій, И. Ѳ. Гаярина, человекъ очень солиднаго филологическаго образованія, серьезнаго теоретическаго ума и чрезвычайно стойкаго характера.

Гаяринъ, рѣшившійся сразу очистить «Авгіевы конюшни» тульской гимназіи, собираетъ вокругъ себя кучку свѣжихъ молодыхъ людей, только-что окончившихъ университетскіе курсы, совсѣмъ не того типа, изъ котораго обыкновенно набирался нашъ учительскій персоналъ. Со свойственною ему убѣдительностью, онъ уговариваетъ посвятить себя плодотворному дѣлу воспитанія молодыхъ поколѣній возрождающейся Россіи нѣсколькихъ даровитыхъ кандидатовъ университета, готовившихся къ ученой карьерѣ, и по своему матеріальному и общественному положенію вовсе не нуждавшихся въ такой скромной службѣ, какъ мѣсто учителя гимназіи.

Нѣкоторые изъ этихъ молодыхъ людей были мои близкіе пріятели. Я жилъ тогда за границею, слушая лекціи въ нѣмецкихъ университетахъ и готовясь къ магистерскому экзамену по одному изъ предметовъ естественнаго факультета, такъ какъ тоже предполагалъ посвятить себя ученой карьерѣ, вовсе не мечтая объ учительствѣ. Вдругъ получаю страстное посланіе отъ своихъ пріятелей. Цѣлое воззваніе идти вмѣстѣ съ ними—спасать отечество, воспитывать новаго гражданина для обновленнаго отечества.—Можетъ ли идти въ сравненіе съ этимъ великимъ плодотворнымъ дѣломъ жизни, съ этимъ возвышеннымъ гражданскимъ подвигомъ сухое занятіе какою-нибудь зоологіею или ботаникою!—убѣждали меня мои пріятели.

Я не заставилъ ждать себя; перспектива посвятить себя такому плодотворному дѣлу, какъ воспитаніе новаго русскаго гражданина, увлекла меня такъ же, какъ и моихъ товарищей. Они писали такія «хорошія вещи» о новомъ директорѣ, его свѣтлыхъ взглядахъ и широкихъ планахъ, что я безъ сожалѣнія бросилъ свои заграничныя ученныя занятія и поспѣшилъ на родину—скорѣе приниматься за насущно-необходимую и живую работу. Мы были всѣ холостые и—кромѣ Гаярина—всѣ очень молодые. Никакихъ чиновничьихъ отношеній между нами не полагалось. Я сейчасъ же перетянулъ въ тульскую гимназію меньшого брата своего, только-что кончившаго въ это время курсъ въ московскомъ университетѣ; мы наняли вчетверомъ—Гаяринъ, мы двое и еще одинъ нашъ пріятель—большое общее помѣщеніе, закупили всякихъ книгъ и пособій, навыписали педагогическихъ журналовъ и стали жить и трудиться совсѣмъ по-товарищески, посвящая всѣ дни самой одушевленной работѣ въ гимназіи, значительную часть ночи проводя за приготовленіями къ завтрашнимъ урокамъ не только по русскимъ, тогда еще немногочисленнымъ, но, главнымъ образомъ, по иностраннымъ источникамъ, и вырабатывая путемъ жаркихъ споровъ и обмѣна мыслей powerful взгляды на мало еще знакомые намъ вопросы преподаванія и воспитанія. Мы четверо составляли своего рода центральное ядро нашего педагогическаго кружка, были запѣвалами его; но всѣ вопросы, выработанные или намѣченные въ нашихъ домашнихъ бесѣдахъ, непременно обсуждались всесторонне и съ полнѣйшею свободою въ педагогическихъ совѣтахъ гимназіи, которые собирались очень часто и кипѣли самою искреннею жнзнью. Конечно, главною направляющею силою въ нихъ былъ все-таки Гаяринъ, особенно въ первое время, пока мы,

слишкомъ еще молодые и неопытные, не успѣли усвоить себѣ изъ своего энергическаго опыта самостоятельныхъ взглядовъ на дѣло, съ которыми потомъ пришлось, разумѣется, очень считаться.

Благодаря полному довѣрію попечителя округа и замѣчательному дару Гаярина подчинять людей своему образу мыслей, тульская гимназія безъ всякихъ формальныхъ разрѣшеній мало-по-малу совсѣмъ отступила отъ официальныхъ программъ преподаванія и воспитанія и превратилась, такъ сказать, въ дѣятельную педагогическую лабораторію, гдѣ испробовались и примѣнялись разныя педагогическія системы и методы. Многое, что вошло потомъ въ обиходъ нашихъ учебныхъ заведеній, было введено, какъ первый опытъ, въ тульской гимназіи того времени. Въ двухъ первыхъ классахъ гимназіи, на примѣръ, кромѣ Закона Божія, оставшагося за священникомъ, всѣ предметы преподавались однимъ хорошо образованнымъ «класснымъ учителемъ», съ тою цѣлью, чтобы дѣти, еще не знакомыя съ порядками учебнаго заведенія, только-что вышедшія изъ семьи, могли находиться подъ однимъ и тѣмъ же систематическимъ вліяніемъ воспитателя, всецѣло отвѣчавшаго за ихъ успѣхи и нравственное направленіе и становившагося по отношенію къ нимъ въ своего рода родительскія отношенія, особенно понятныя и привычныя дѣтямъ. При этомъ порядкѣ учитель самымъ близкимъ образомъ узнавалъ своихъ учениковъ, входилъ въ ихъ нужды и затрудненія и не могъ обременять ихъ непосильными трудами, какъ это невольно дѣлается при наличности восьми или десяти различныхъ учителей, требующихъ каждый свое, не желающихъ и не могущихъ знать всей совокупности подчасъ непосильныхъ требованій съ ребенка, недавно только научившагося читать и писать.

Тульская гимназія ввела первая «классныхъ надзирателей», распредѣливъ всѣ классы, гдѣ учили многіе преподаватели, между самыми ревностными и надежными членами гимназіи; директоръ и инспекторъ также имѣли каждый по своему классу. «Классный надзиратель» являлся своего рода опекуномъ класса, его нравственнымъ руководителемъ, помощникомъ и защитникомъ. Онъ долженъ былъ сглаживать ту неравномѣрность въ учебныхъ требованіяхъ отдѣльныхъ учителей, о которой я сейчасъ говорилъ; онъ слѣдилъ за поведеніемъ и ученіемъ дѣтей, разслѣдовалъ и, насколько могъ, устранялъ причины ихъ неуспѣховъ; входилъ въ сношенія съ ихъ родными; на педагогическихъ совѣтахъ давалъ необходимыя свѣдѣнія о своихъ ученикахъ и защищалъ ихъ законные интересы.

Пресловутый типъ «надзирателей» стариннаго фазона, обыкновенно подававшій поводъ живымъ и веселымъ мальчишкамъ къ выходкамъ и школярству всякаго рода, въ тульской гимназіи былъ замѣненъ дневными дежурствами, за особую плату, образованныхъ и наиболѣе популярныхъ учителей; а прежніе надзиратели обращены были въ «ночныхъ надзирателей» за пансіонерами, такъ какъ оставлять безъ надзора по ночамъ многолюдное скопище дѣтей и юношей было бы совсѣмъ не педагогично; требовать же этого надзора отъ того же лица, которое въ конецъ измучилось своею дневною вознею съ толпами мальчугановъ,—какъ это дѣлалось прежде,—мы считали просто безчеловѣчнымъ.

Отношенія инспектора, учителей, надзирателей, классныхъ наставниковъ—къ дѣтямъ, особенно же къ пансіонерамъ, постоянно жившимъ въ гимназіи, сдѣлались мало-по-малу самыми близкими и простыми. Родители съ изумленіемъ и удовольствіемъ видѣли и не разъ передавали это намъ, что дѣти ихъ не со страхомъ и

уныніемъ, какъ прежде, а съ радостнымъ чувствомъ отпралялись въ гимназію и рассказывали о ней своимъ домашнимъ самымъ дружелюбнымъ вещи. Не разъ, бывало, приходилось мнѣ, будучи инспекторомъ, съ братомъ и другими воспитателями, уводить подъ свободный день толпу дѣтишекъ куда-нибудь въ Малиновую-Засѣку или въ другой лѣсъ, верстъ за 15 и 20, ночевать съ ними въ лѣсу вокругъ костра, аппетитно поужинавъ кашею изъ котелка, да яичницею, изготовленною самими же ребятишками, бесѣдуя съ ними какою-нибудь чудною лунною ночью обо всемъ, что интересовало ихъ, собирая по пути насѣкомыхъ и растенія и объясняя имъ кстати любопытныя явленія природы. А тутъ и веселыя игры на вольномъ воздухѣ, и перегонки, и борьба, и лазанье по деревьямъ, дружныя хоровыя пѣсни и сказки, напоминавшія привязчивой дѣтворѣ покинутыя ими родныя поля и села. Такія непритязательныя, совсѣмъ домашнія прогулки сближаютъ воспитанника съ воспитателемъ иногда въ одну свѣтло и радостно проведенную ночь болѣе, чѣмъ цѣлые годы холодныхъ начальническихъ отношеній, и заставляютъ его потомъ вспоминать о пріютившемъ его заведеніи такъ же тепло, какъ и о родномъ домѣ.

Старшій, болѣе его знающій и болѣе его опытный человекъ, всегда къ нему справедливый и участливый, не забывающій его молодой потребности въ радостномъ отдыхѣ, въ сердечныхъ отношеніяхъ, можетъ съ полною увѣренностью относиться строго и къ его дурнымъ поступкамъ, къ его лѣни и шалостямъ, и плодотворно вліяетъ на его нравственныя влеченія.

Безъ этой же душевной близости воспитателя къ дѣтямъ, всѣ его нравоученія и взысканія будутъ сродни тому вліянію, которое оказываетъ тюремный смотритель на своихъ арестантовъ.

Учебная часть подверглась въ нашей гимназiи огромнымъ измѣненiямъ. Латынь была урѣзана до-нельзя и сведена почти на необязательный предметъ, къ большому огорченiю нашего латиниста; въ маленькихъ классахъ ея вовсе не было, а въ большихъ читались большею частью классическiе авторы. Зато русскiй языкъ, исторiя, географiя, физика, естественная исторiя, новые языки, французскiй и нѣмецкiй, получили сильное расширенiе; математика оставалась безъ ослабленiя; по физикѣ и естественнымъ наукамъ прiобрѣтались всякаго рода наглядныя пособiя и инструменты, все объяснялось демонстративно и при дѣятельномъ участiи самого класса, такъ что ученики увлекались этими предметами болѣе всего. Въ двухъ старшихъ классахъ по русскому языку, исторiи, географiи—дѣлался уже нѣкоторый переходъ къ университетскому преподаванiю. Читались и объяснялись очень серьезно авторы; выбирались болѣе крупныя историческiя эпохи и обрабатывались по новѣйшимъ источникамъ гораздо подробнѣе и интереснѣе, чѣмъ помѣщалось въ учебникахъ; географiя проходила научная, а не дѣтская, въ своихъ общихъ законахъ, а не въ бесполезной номенклатурѣ, и при сильнѣйшемъ участiи всякихъ наглядныхъ пособiй, чертежей, картъ, рисунковъ, этнографическихъ моделей и пр. Иностранные преподаватели иностранныхъ языковъ были значительно сокращены въ своей дѣятельности, весьма рѣдко приносящей пользу по совершенному незнакомству ихъ съ русскимъ языкомъ и требованьями дидактики. Въ самыхъ маленькихъ классахъ ихъ вытѣснили русскiе «классные учителя», а въ самыхъ высшихъ часть ихъ уроковъ была отобрана, для чтенiя съ учениками лучшихъ нѣмецкихъ и французскихъ авторовъ, въ руки тѣхъ изъ насъ, кто основательно зналъ эти языки и могъ прiучить учениковъ къ правильному переводу съ нихъ на русскiй языкъ.

Оригинальные педагогическіе порядки и приемы тульской гимназіи обратили на себя вниманіе печати и общества, и много лицъ официальныхъ и неофициальныхъ, не говоря уже объ окружномъ начальствѣ, пріѣзжало нарочно въ Тулу познакомиться съ устройствомъ ея гимназіи. Изъ рижскаго округа были присланы даже нѣсколько молодыхъ людей, готовившихся въ учителя,—поучиться нѣкоторымъ русскимъ предметамъ въ тульской гимназіи. Предсѣдатель ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, Ал. Ст. Вороновъ, и членъ этого комитета, Н. Х. Вессель, издававшій тогда вмѣстѣ съ Паульсономъ извѣстный педагогическій журнала «Учитель», также посѣтили тульскую гимназію и, подробно ознакомившись со всѣми своеобразными чертами ея, дали о ней въ свое время самый благопріятный отзывъ, сильно поднявшій репутацію нашего заведенія. Авторитетъ его въ мѣстномъ обществѣ выросъ очень высоко, и къ намъ старались отдавать дѣтей изъ другихъ, сосѣднихъ губерній.

Несомнѣнно, далеко еще не все было хорошо у насъ; много было ошибокъ, увлеченій, недосмотровъ, человѣческихъ слабостей. Но за одно можно было ручаться,—что въ нашей гимназіи любили дѣтей, старались о дѣтяхъ и не жалѣли себя для нихъ (говорю, конечно, о лучшихъ руководящихъ силахъ гимназіи); любили зато и дѣти гимназію и ея дѣятелей, и даже теперь, сорокъ лѣтъ спустя, вспоминаютъ ихъ добромъ и любовью, какъ мнѣ приходилось много разъ убѣждаться.

III.

Въ мѣстномъ обществѣ того времени, особенно въ мѣстной администраціи, конечно, были элементы, враждебно относившіеся къ гимназіи и главнымъ работникамъ ея именно за тотъ ея неформальный и семейный

характеръ, о которомъ я сейчасъ говорилъ, за принципиальное изгнаніе изъ нея всякаго чиновническаго духа. Надо отдать справедливость Гаярину, что онъ былъ непоколебимъ въ этихъ взглядахъ своихъ, и въ проведеніи ихъ доходилъ иногда до очень серьезнаго риска. Чиновничество, канцелярщина до того заѣли и задавили дореформенную Россію, что людямъ, вдохновлявшимся возрождающимся идеалами новаго царствованія, было такъ естественно видѣть въ этой бездушной казенной формалистикѣ чуть не главнаго врага народнаго благополучія и бороться противъ нея всѣми силами своими. Какъ характеристическую черту настроеній и людей того времени, я расскажу здѣсь два выдающихся случая изъ жизни тульской гимназіи или, вѣрнѣе, ея энергическаго и рѣшительнаго директора. Вмѣстѣ съ тѣмъ, одинъ изъ этихъ случаевъ еще лишній разъ, сверхъ многихъ другихъ, обрисовываетъ удивительную доброту и мягкость сердца покойнаго Царя-Освободителя.

Пріѣзжаетъ императоръ Александръ II-й въ Тулу, въ самые первые годы своего царствованія. Представляются ему всѣ мѣстные чиновники. Получаетъ, конечно, повѣстку и директоръ гимназіи, или, какъ онъ тогда именовался, директоръ училищъ Тульской губерніи. Директоръ недавно только пріѣхалъ на свое мѣсто, и въ своемъ отчужденіи отъ всякихъ чиновничьихъ вкусовъ, даже не успѣлъ обмѣнять своего стараго учительскаго мундиришка на директорскій. Какъ ему ѣхать такъ къ Царю, да и зачѣмъ онъ тамъ? Какой онъ чиновникъ, и можетъ ли Государь замѣтить отсутствіе такой скромной единицы?—думаетъ себѣ Гаяринъ,—махнулъ рукой и не поѣхалъ.

Вдругъ совсѣмъ неожиданно Государь спрашиваетъ:—А гдѣ же директоръ гимназіи?

Губернаторъ растерялся и бросился въ прихожую,

гдѣ полиціймейстеръ только-что получилъ отъ него списокъ генералитета, приглашеннаго къ столу Его Величества.

— Директора гимназіи пригласите къ Государю!— торопливо крикнулъ онъ ему, и сейчасъ же возвратился въ пріемную.

Полиціймейстеръ, вѣроятно, собралъ, что пріемъ сейчасъ кончится, и что не можетъ же Государь давать отдѣльную аудіенцію директору, а что, безъ сомнѣнія, приказано пригласить его вмѣстѣ съ другими къ обѣду.

Ѣдетъ въ гимназію и при всей педагогической корпораціи торжественно объявляетъ опѣшившему Гаярину монаршее приглашеніе къ Высочайшему столу.

Разумѣется, такая невиданная и неслыханная для гимназіи честь тотчасъ же разносится гимназистами по всему городу, и всѣ видятъ въ этомъ приглашеніи знаменательное событіе новаго царствованія, отступающаго отъ вѣковой рутины и желающаго публично выказать особенное вниманіе къ дѣлу народнаго просвѣщенія.

Гаяринъ, до-нѣльзя смущенный и своимъ отсутствіемъ на представленіи, и необходимостью явиться къ Высочайшему столу безъ надлежащаго мундира,—тѣмъ не менѣе, самъ смотритъ на свое приглашеніе, какъ на фактъ высоко угѣшительный и много обѣщающій въ будущемъ для судебъ образовательнаго дѣла. Не ѣхать, во всякомъ случаѣ, невозможно, и онъ, скрѣпя сердце, Ѣдетъ въ домъ губернатора, гдѣ остановился Государь, нацѣпивши свой смиренный, учительскій мундиръ съ какою-то одинокою жалкою медалькою, наглядно указывающею на отсутствіе всякихъ знаковъ отличія.

— Вы зачѣмъ же сюда?—спрашиваетъ его изумленный губернаторъ, сильно не любившій Гаярина. «Гордость» его и за «либеральныя мнѣнія».

— Вамъ лучше знать, — отвѣчаетъ съ дѣланнымъ спокойствіемъ Гаяринъ:—вашъ же полиціймейстеръ вашимъ именемъ пригласилъ меня къ Высочайшему столу.

— Помилуйте, это какое-нибудь огромное недоразумѣніе!—горячится старый генералъ.—Вы не приглашены къ обѣду, и я прошу васъ уѣхать какъ можно скорѣе, потому что сейчасъ выйдетъ Государь!

— Все это такъ странно и неожиданно, что дайте мнѣ минутку подумать, какъ мнѣ поступить!—заявляетъ окончательно растерявшійся директоръ.

Черезъ минуту губернаторъ опять около него:

— Что вы дѣлаете? Ради Бога, уѣзжайте! Говорятъ вамъ,—Государь сейчасъ выйдетъ...

Но Гаяринъ уже успѣлъ собраться съ мыслями и рѣшилъ, что ему дѣлать.

— Видите ли,—говоритъ онъ:—какъ Ив. Оед. Гаяринъ, я, конечно, сейчасъ бы уѣхалъ; но я тутъ не Гаяринъ, а директоръ гимназіи, и долженъ поддерживать честь своего учрежденія. Я не хочу, чтобы сказали, будто директоръ затесался на царскій обѣдъ и его оттуда выгнали. Меня пригласили, я явился и отсюда не уйду. Пусть отвѣчаютъ за это тѣ, кто приглашалъ меня... Это—мое послѣднее слово.

Напрасно растерянный старикъ упрашивалъ непреклоннаго педагога и приводилъ увѣщевать его лицъ царской свиты. Гаяринъ всѣмъ отвѣчалъ то же, объявивъ, что онъ лично готовъ понести за это всякаго рода отвѣтственность, но считаетъ долгомъ поддержать достоинство представителя учебнаго вѣдомства.

Въ жару горячихъ споровъ и уговоровъ дверь растворяется настежь и появляется Государь. Идутъ въ столовую, гдѣ мѣста, разумѣется, строго рассчитаны. Гаяринъ, блѣдный, съ мучительнѣйшимъ чувствомъ внутри, спѣшитъ сѣсть около единственной фигуры

въ гражданскомъ платьѣ,—лейбъ-медика Енохина; садятся и другіе, но одинъ какой-то генераль растерянно мечется кругомъ стола, не находя себѣ мѣста.

— Прибора нѣтъ!—замѣчаетъ Государь.

Приборъ, конечно, сейчасъ же является, а сидящій около Государя генераль-адъютантъ сообщаетъ ему потихоньку уже дошедшую до него новость о причинѣ, почему недостало приборовъ.

Сидѣвшіе противъ Гаярина лица свиты, какъ онъ рассказывалъ мнѣ, весь обѣдъ прожигали его враждебными и насмѣшливыми взглядами, перешептывались на его счетъ между собою, и только добрый лейбъ-медикъ, догадавшійся, вѣроятно, о происшедшемъ недоразумѣніи, очень любезно подливалъ все время вино своему злополучному сосѣду, едва имѣвшему силы досидѣть до конца обѣда. Было приказано нарядить слѣдствіе по этому поводу, и разслѣдовать дѣло поручено было тому же тульскому губернатору, врагу Гаярина. Гаяринъ въ своемъ отзывѣ откровенно изложилъ все, какъ было, объяснивъ и побужденія, заставившія его предпочесть непрошенное присутствіе за обѣдомъ позорному удаленію. Дѣло осталось безъ всякихъ послѣдствій, но авторитетъ Гаярина въ мѣстномъ обществѣ послѣ такого смѣлаго поступка выросъ неимоверно. Въ иностранныхъ газетахъ писали тогда объ этомъ случаѣ всякія небылицы, и я хорошо помню, что въ «Kölnische Zeitung» случай съ Гаяринымъ описывался какъ характерное для той эпохи столкновение гражданского элемента съ военнымъ, при чемъ сообщалось, будто народъ на улицахъ кричалъ Гаярину ура, какъ герою, и кидалъ вверхъ шапки! Разумѣется, ничего подобнаго не было.

Другой случай вышелъ нѣсколько комичнымъ. Пріѣзжаетъ въ Тулу новый губернаторъ Шидловскій; бывшій потомъ начальникомъ III-го Отдѣленія и товари-

щемъ министра внутреннихъ дѣлъ, человекъ очень крутыхъ взглядовъ на свою административную власть, откровенно объявившій на первомъ же представленіи чиновниковъ, какъ тогда намъ рассказывали, что его лишили, за строгость, командованія полкомъ, и что, очень можетъ быть, лишатъ за то же и губернаторства; но что, тѣмъ не менѣе, онъ намѣренъ со всею строгостью взыскивать за всякія нарушенія служебнаго порядка, ибо иначе дѣйствовать не можетъ...

Въ силу своихъ убѣжденій, что педагоги вовсе не чиновники, и гимназія вовсе не присутственное мѣсто, Гаяринъ, получивъ, на ряду съ прочими вѣдомствами, повѣстку о томъ, что «г. начальникъ губерніи желаетъ ознакомиться съ начальствомъ и преподавателями губернской гимназіи такого-то числа въ такомъ-то часу», сдѣлалъ видъ, будто понялъ повѣстку какъ желаніе губернатора посѣтить въ назначенное число нашу гимназію, и, не приглашая учебный персоналъ на представленіе въ губернаторскій домъ, объявилъ по гимназіи, что новый губернаторъ хотѣлъ быть въ ней такого-то числа.

Губернаторъ былъ очень разсерженъ, что никто изъ учебнаго вѣдомства не явился на общее представленіе чиновниковъ, и выражалъ это многимъ нашимъ знакомымъ. Черезъ мѣсяць или полтора Гаярину понадобилось, въ качествѣ члена губернскаго училищнаго совѣта, переговорить съ губернаторомъ о какихъ-то дѣлахъ, касающихся народныхъ школъ. Онъ надѣваетъ черный фракъ и отправляется къ Шидловскому. Не успѣли окончиться переговоры о дѣлѣ, какъ Гаяринъ самъ затрогиваетъ щекотливый вопросъ.

— А мы на васъ въ маленькой претензіи,—съ спокойною любезностью заявляетъ онъ:—вы обѣщали посѣтить нашу гимназію; мы ждали васъ,—а вы до сихъ поръ не заглянули къ намъ...

— Я обѣщаль? когда?—изумленно спрашиваетъ директора губернаторъ.

— А какже: мы получили отъ васъ повѣстку, что вы желаете ознакомиться, въ такое-то число, съ начальствомъ и преподавателями гимназіи...

— Ахъ, да... но я предполагалъ, что вы будете такъ добры, пожалуете ко мнѣ... вѣдь это былъ день общаго представленія чиновниковъ по случаю моего вступленія въ должность...

— Ну, а мы поняли совсѣмъ иначе: мы думали, что познакомиться съ нами вы могли, только посѣтивъ заведеніе и ознакомившись на мѣстѣ, какъ ведемъ мы въ немъ дѣло, тѣмъ болѣе, что былъ будній день, и преподаватели во всякомъ случаѣ не могли бы бросить гимназію и прекратить классы безъ особаго разрѣшенія министерства... Я еще объявилъ во всѣхъ классахъ, что вы будете къ намъ, и васъ всѣ ждали...—поучаетъ его Гаяринъ.

— Ахъ, извините, пожалуйста... Тутъ, вѣроятно, вышло какое-нибудь недоразумѣніе съ повѣсткою... Мой начальникъ канцеляріи еще такъ мало опытенъ, вѣчно путаетъ...

Совсѣмъ сконфуженный, губернаторъ звонитъ дежурнаго чиновника, приказываетъ, очевидно только для формы, навести какія-то справки, а Гаяринъ тѣмъ временемъ раскланивается и уходитъ. Въ залѣ ждалъ его выхода знакомый намъ предводитель дворянства, который рассказалъ намъ въ тотъ же вечеръ конецъ этого дипломатическаго свиданія.

— Вхожу,—говоритъ,—въ кабинетъ: губернаторъ ходитъ въ какомъ-то смущеніи по комнатамъ и потираетъ себѣ лобъ; потомъ вдругъ останавливается и говоритъ мнѣ:—«Знаете, мнѣ много говорили про выходы Гаярина, но того, что онъ сейчасъ продѣлалъ со мною, я ужъ никакъ не ожидалъ. Представьте себѣ,

что этотъ нахаль, сдѣлавшій противъ меня, какъ вы знаете, величайшее невѣжество,—заставилъ меня, двѣ минуты тому назадъ, извиниться передъ нимъ за его же нахальство»!..

И этотъ поступокъ Гаярина иные могутъ признать безтактнымъ и некорректнымъ съ служебной точки зрѣнія; но чтобы оцѣнить его, нужно стать на точку зрѣнія того переходнаго времени, когда, послѣ погрома на окровавленныхъ развалинахъ Севастополя безплодныхъ принциповъ формалистики, такъ долго державшихъ могучій народъ нашъ въ состояніи автомата, всѣ свѣжія силы русскаго общества запросили жадно и страстно, какъ изсушенная земля жаждетъ воды, живительныхъ началъ простоты и правды, дѣла, а не показа, человѣка, а не мундира,—словомъ, захотѣли, наконецъ, по счастливому выраженію Пирогова, ставшему девизомъ своего времени,—«быть, а не казаться».

Нечего говорить, сколько самыхъ серьезныхъ неприятностей, столкновеній и тяжелой борьбы вызвало это новое искреннее отношеніе къ воспитательному дѣлу не только для главнаго руководителя гимназіи, но и для тѣхъ изъ насъ, кто болѣе другихъ сочувствовалъ новому направленію и энергичнѣе помогать укоренять его. Доносы именные и безыменные сыпались на насъ, и только благодаря свѣтлому взгляду попечителя округа, Исакова, и тогдашняго министерства народнаго просвѣщенія,—обрушивались безсильною грязью на головы тѣхъ, кто посылалъ ихъ.

Что дѣло въ тогдашней тульской гимназіи шло дѣйствительно хорошо, что въ немъ дѣйствительно работали добрые работники,—доказываетъ судьба этихъ дѣятелей ея послѣ того, какъ рѣзкая переменна взглядовъ въ высшихъ сферахъ министерства народнаго

просвѣщенія вынудила разлетѣться врознь ея дружно работавшій педагогическій улей.

Попечителемъ московскаго округа былъ назначенъ генераль Левшинъ, который рѣшительно не могъ понять возможности учебнаго заведенія безъ буквального выполненія разныхъ канцелярскихъ параграфовъ и статей. Продолжать при немъ дѣло такъ, какъ оно велось, стало невозможно, и мы всѣ рѣшились разойтись.

Гаяринъ получилъ мѣсто сначала окружного инспектора въ Москвѣ, а потомъ члена учебнаго совѣта при военно-учебныхъ заведеніяхъ; я былъ назначенъ директоромъ гимназіи въ Симферополь, что было соединено въ то время и съ обязанностями директора всѣхъ училищъ Таврической губерніи; брата моего перетянули въ Петербургъ во 2-ю военную гимназію, гдѣ подъ руководствомъ генерала Даниловича работали лучшіе наши педагоги, и очень скоро перевели оттуда инспекторомъ одной изъ губернскихъ гимназій, а потомъ и директоромъ; изъ другихъ учителей Скопинъ, Гавриловъ получили мѣста въ Петербургѣ и выдвинулись тамъ, какъ отличные преподаватели; Шишкинъ, Янчинъ, Фуксъ и Завьяловъ перешли въ Москву, гдѣ первые трое сейчасъ же открыли, вмѣстѣ съ Поливановымъ, лучшую и оригинальнѣйшую изъ частныхъ гимназій Москвы, а послѣдній сдѣлался весьма уважаемымъ учителемъ одной изъ казенныхъ столичныхъ гимназій.

Мужская тульская гимназія создала и женскую гимназію, можно сказать, изъ ребра своего, потому что при основаніи своемъ это совсѣмъ еще новое, небывалое на Руси учрежденіе было лишено почти всякихъ средствъ существованія, и только настойчивость и энергія Гаярина по примѣру, котораго всѣ мы долгое время безмездно преподавали въ этой юной жен-

ской гимназіи, — помогли ей стать мало-по-малу на свои ноги. Женская гимназія была плотью отъ плоти, костью отъ костей мужской гимназіи и велась съ тѣмъ же искреннимъ одушевленіемъ, съ тѣмъ же строгимъ отношеніемъ учившихъ и воспитывавшихъ къ своему долгу и съ тою же живою свободою и самостоятельностью преподаванія, какими руководилась и гимназія-основательница.

Въ главныя руководительницы женской гимназіи были привлечены личности высокаго нравственнаго характера и широкаго образованія; между двумя учебными заведеніями установилась тѣснѣйшая духовная связь и искреннее единоклюбіе педагогическихъ взглядовъ; женская гимназія съ первыхъ же лѣтъ своего существованія приобрѣла такую же популярность въ мѣстномъ обществѣ, какъ и мужская, и стала во множествѣ привлекать къ себѣ желающихъ учиться, какъ еще ни мало укоренилось тогда въ среднихъ слояхъ нашего пробуждающагося общества сознание необходимости женскаго образованія.

IV.

Къ тому же времени относится и близкое отношеніе къ нашимъ обоимъ учебнымъ заведеніямъ гр. Л. Н. Толстого, который, будучи мировымъ посредникомъ, находился тогда въ порѣ общаго увлеченія народнымъ воспитаніемъ, открывалъ много школъ для крестьянъ въ селеньяхъ своего мирового участка, а въ имѣніи своемъ Ясная-Поляна самъ велъ образцовую школу съ помощью разныхъ помощниковъ, издавая вмѣстѣ съ тѣмъ и свой оригинальный педагогическій журналъ «Ясная-Поляна» съ приложеніями. Левъ Николаевичъ очень интересовался нашими учебными опытами и часто бывалъ и въ мужской, и въ

женской гимназіи, близко познакомившись съ главными руководителями ихъ. Мы тоже, особенно же я лично, часто посѣщали графа въ Ясной-Полянѣ и слѣдили за изумительными успѣхами его лапотныхъ школьниковъ, среди которыхъ иные бойкіе мальчуганы, оторванные прямо отъ бороны или отъ стада овецъ, всего черезъ нѣсколько мѣсяцевъ ученія уже могли свободно писать довольно грамотныя сочиненія, которыя, пропущенныя слегка черезъ художественную вѣялку славнаго романиста и очищенныя отъ кое-какого сора, печатались имъ въ его замѣчательныхъ прибавленіяхъ къ журналу «Ясная-Поляна». Этими почти невѣроятными результатами яснополянская школа была обязана, разумѣется, не нѣмцу изъ Іены, преподававшему тамъ черченіе и геометрію, и не тѣмъ часто мѣнявшимся учителямъ, которые появлялись на короткое время въ Ясной-Полянѣ, въ числѣ которыхъ были, между прочимъ, и такіе способные люди, какъ Николай Успенскій, когда-то извѣстный авторъ народныхъ разсказовъ, и такіе опытные, основательно образованные педагоги, какъ нашъ достоуважаемый собиратель русскихъ пѣсенъ П. В. Шейнъ,—а исключительно обаятельному таланту преподаванія и внутреннему жизненному огню Льва Николаевича, который непобѣдимо захватывалъ и поднималъ съ собою въ высоту и ширь самый вялый умъ, самое невпечатлительное сердце. Мнѣ посчастливилось вести знакомство съ Львомъ Николаевичемъ въ самый мужественный расцвѣтъ его колоссальнаго таланта, видѣть его въ его ежедневномъ быту, и учителемъ, и пасѣчникомъ, и охотникомъ, и музыкантомъ, и семьяниномъ, и художникомъ. Я слушалъ его мастерское, исполненное правды и простоты, чтеніе еще въ рукописяхъ и «Казаковъ», и «1805 годъ», послужившій основою «Войны и мира»; я проводилъ съ нимъ чуд-

ные вечера на тягѣ вальдшнеповъ; охотился съ нимъ на волковъ и зайцевъ; наслаждался его своеобразными опытами старинной классической музыки. Я былъ свидѣтелемъ и первыхъ дней семейнаго счастья Льва Николаевича, и зналъ другой милый оригиналъ, давшій ему поводъ создать граціознѣйшій и вмѣстѣ сердечнѣйшій типъ русской дѣвушки въ чудномъ образѣ Наташи.

Могу сказать съ полною искренностью, что годы моего знакомства съ нашимъ геніальнымъ романистомъ были одними изъ плодотворнѣйшихъ лѣтъ моей жизни; я никогда, ни прежде, ни послѣ, не встрѣчалъ человѣка, который бы былъ способенъ такъ могуче зажигать въ другомъ человѣкѣ внутренній пламень его дѣха. Отъ духовнаго соприкосновенія съ нимъ, отъ обмѣна съ нимъ мыслей, отъ слушанья его одушевленныхъ и образныхъ рассказовъ,—точно влетали въ меня, въ самую глубь души моей, какія-то невидимыя электрическія искры, возбуждавшія электрической токъ своего рода и во всемъ моемъ молодомъ тогда существѣ, порождавшія во мнѣ цѣлые потоки мыслей, намѣреній, рѣшеній.

Насколько я мало сочувствую теперешнему философскому направленію гр. Толстого, настолько же восторженно всегда относился я и отношусь до сихъ поръ къ его могучимъ художественнымъ силамъ. Я горжусь тѣмъ, что въ своей статьѣ по поводу «Казаковъ», озаглавленной: «Народные типы въ нашей литературѣ», и помѣщенной въ «Отечественныхъ Запискахъ» 1862 г., первый изъ всѣхъ русскихъ критиковъ призналъ графа Л. Н. Толстого величайшимъ изъ русскихъ художниковъ, хотя въ общемъ мнѣніи слава Тургенева еще затемняла тогда всѣ другія литературныя имена. Мнѣ вообще пришлось не разъ посвящать свои критическія статьи произведеніямъ графа

Толстого и между прочимъ сравненію его съ Тургеневымъ (см. «Голосъ» 1875 года). Но статья моя: «Теорія и практика яснополянскоѣ школы», въ которой я старался подробно разобрать всѣ исключительныя практическія условія яснополянскоѣ педагогіи, объяснявшія ея удивительныя успѣхи, и вмѣстѣ все глубокое заблужденіе странныхъ педагогическихъ теорій Льва Николаевича,—повидимому, задѣла за живое талантливаго педагога-самоучку, и горячимъ возраженіемъ на мою статью онъ навсегда закончилъ изданіе своего журнала: «Ясная-Поляна», хотя эта полемика нисколько не отразилась на нашихъ личныхъ отношеніяхъ.

Статья моя о яснополянскоѣ школѣ, напечатанная въ очень распространенномъ тогда «Русскомъ Вѣстникѣ», обратила на себя вниманіе учебнаго вѣдомства; меня вызвали въ Петербургъ, гдѣ предсѣдатель учебнаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, А. С. Вороновъ, предложилъ мнѣ мѣсто при ученомъ комитетѣ, а бывшій тогда попечителемъ с.-петербургскаго учебнаго округа И. Д. Деяновъ уговаривалъ меня перейти на службу въ одну изъ петербургскихъ гимназій, съ обѣщаніями мнѣ самыхъ блестящихъ служебныхъ перспективъ. Но я не рѣшился разорвать связи съ тульской гимназіей, ставшей для меня родною, и отказался отъ этихъ лестныхъ петербургскихъ предложеній.

Не могу не привести здѣсь кстати характернаго эпизода, который очень мало кому извѣстенъ, но который послужилъ причиною прекращенія педагогической дѣятельности гр. Л. Толстого. Какъ мировой посредникъ перваго призыва, горячо сочувствовавшій дѣлу освобожденія крестьянъ, гр. Толстой дѣйствовалъ, разумѣется, въ такомъ духѣ, который страшно ожесточилъ противъ него огромное большинство по-

мѣщиковъ. Онъ получалъ множество писемъ съ угрозами всякаго рода: его собирались и побить, и застрѣлить на дуэли; на него писались доносы. Какъ нарочно, въ то самое время, когда онъ сталъ издавать журналъ «Ясная-Поляна, въ Петербургѣ появились прокламаціи разныхъ тайныхъ противогосударственныхъ партій, и тогдашняя полиція дѣятельно разыскивала, гдѣ скрывается печатающая ихъ типографія. Кто-то изъ озлобленныхъ на Толстого мѣстныхъ обывателей тонко сообразилъ, что гдѣ же и печататься тайнымъ листкамъ и подметнымъ воззваніямъ, какъ не въ типографіи журнала, издаваемого—*horribile dictu!*—не въ городѣ, какъ у всѣхъ честныхъ людей, а въ деревнѣ, позабывъ, однако, взглянуть на обертку журнала, гдѣ достаточно четкимъ шрифтомъ было изображено, что журналъ печатается вовсе не въ деревнѣ, а въ самой благонамѣренной типографіи М. Н. Каткова въ Москвѣ. Тѣмъ не менѣе, доносъ произвелъ цѣлую бурю. Левъ Николаевичъ, всегда отличавшійся мнительностью и, послѣ смерти старшаго брата своего, Николая, вообразившій, что у него тоже развивается чахотка, отправился въ это самое время на кумысь въ самарскія степи. Онъ снарядилъ себѣ просторную рогоженную повозку тройкою, надѣлъ извозчичью «александринскую» рубашку съ лаптовками и мужицкіе штаны въ сапоги, забралъ съ собою, не помню, четырехъ или пятерыхъ мужицкихъ ребяташекъ побойчѣе, изъ своихъ же школьниковъ, и отправился «на долгихъ» за Волгу.

«Не буду ни газетъ, ни писемъ получать; забуду, что такое книга; буду валяться на солнцѣ брюхомъ вверхъ, пить кумысь да баранину жрать! Самъ въ барана обращаюсь, вотъ тогда выздоровлю!»—шутливо говорилъ онъ самъ, отъѣзжая.

Тогда онъ былъ еще холостой, и въ домѣ его проживала хозяйкой старушка тетка Юшкова да гостила съ дѣтьми родная сестра графа, Марія Николаева, по мужу тоже графиня Толстая. Я и нашъ общій пріятель Г. А. Ауэрбахъ проводили это лѣто съ своими семьями верстахъ въ пяти отъ Ясной-Поляны, снявъ внаймы домъ одного помѣщика въ той же Малиновой-Засѣкѣ, среди которой была и Ясная-Поляна. Вдругъ рано утромъ къ намъ верховой изъ Ясной-Поляны. Насъ просятъ поскорѣе пріѣхать по важному дѣлу. Мы съ Ауэрбахомъ садимся въ шарабанъ и катимъ, что есть духу. Въѣзжаемъ на дворъ, смотримъ—тамъ цѣлое нашествіе! Почтовые тройки съ колокольчиками, обывательскія подводы, исправникъ, становые, сотскіе, понятые и въ довершеніе всего жандармы. Жандармскій полковникъ во главѣ этой грозной экспедиціи, со звономъ, шумомъ и трескомъ подкатившей вдругъ къ мирному дому Льва Николаевича, къ безконечному изумленію деревенскаго люда. Насъ едва пропустили въ домъ. Бѣдныя дамы лежатъ чуть не обморокѣ. Вездѣ кругомъ сторожа, все разрыто, раскрыто, перевернуто, ящики столовъ, шкапы, комоды, сундуки, шкатулки. Въ конюшнѣ поднимаютъ ломомъ полы; въ прудкахъ парка стараются выловить сѣтью преступный типографскій станокъ, вмѣсто котораго попадаютъ только одни невинные караси да раки. Понятно, что злополучную школу и подавно вывернули вверхъ дномъ, но, не найдя ничего, отравились такимъ же шумнымъ и люднымъ свадебнымъ поѣздомъ, гремя колоколами и гремушками, по всѣмъ (кажется, 17-ти) школамъ мирового участка, перевортывая столы и шкапы, забирая тетради и книги, арестовывая учителей и поселяя, конечно, въ темной мужицкой толпѣ,—безъ того не особенно дружелюбной къ школѣ и ученію,—самыя нелѣпыя предположенія.

По возвращеніи своемъ, Левъ Николаевичъ, глубоко оскорбленный такимъ, ничѣмъ не вызваннымъ, подозрѣніемъ, высказалъ свою жалобу на дѣйствія полицейскихъ властей въ письмѣ на Высочайшее имя, не имѣвшемъ, однако, никакихъ существенныхъ послѣдствій. Съ тѣхъ поръ Левъ Николаевичъ уже не возобновлялъ школъ и прекратилъ изданіе журнала.

Несмотря на простоту и близость нашихъ отношеній къ дѣтямъ, они смотрѣли на насъ очень серьезно и хорошо знали, что не встрѣтятъ въ насъ поблажки, никакой распущенности, ни нравственной, ни умственной, ни физической. Оттого, при всей сравнительной свободѣ и нестѣсненности учениковъ тогдашней тульской гимназіи,—изъ рядовъ ея не вышло ни одного вредоноснаго мечтателя, ни одного врага государственнаго порядка и, сколько мнѣ извѣстно, ни одного тяготящагося жизнью, пессимистически настроеннаго человѣка, но зато среди ея бывшихъ питомцевъ можно указать на многихъ достойныхъ дѣятелей и въ профессурѣ, и въ педагогіи, и въ государственной службѣ, и въ земствѣ...

Помню, когда я, въ качествѣ инспектора, исправлялъ временно должность уѣхавшаго за границу директора, гимназію нашу посѣтилъ нашъ бывший попечитель округа, тогда уже главный начальникъ военно-учебныхъ заведеній, генераль-адъютантъ Н. В. Исаковъ. Онъ очень былъ озабоченъ подъемомъ воспитательнаго дѣла въ тульскомъ отдѣленіи кадетскаго корпуса, только-что превращеннаго тогда въ военную гимназію, и въ интимной бесѣдѣ со мною просилъ меня объяснить причину успѣховъ въ этомъ отношеніи нашей тульской гимназіи. Когда я откровенно изложилъ ему главныя основы нашихъ дѣйствій, генераль вздохнулъ и сказалъ:

— Да, я вижу, что такіе порядки создаются только сердечнымъ отношеніемъ къ дѣлу, и никакими предписаніями тутъ не поможешь!...

Но, тѣмъ не менѣе, онъ просилъ насъ подѣлиться нашими мыслями о воспитаніи съ назначеннымъ имъ инспекторомъ корпуса и ознакомить его подробно съ заведенными у насъ порядками.

Совсѣмъ иначе отнесся къ этимъ порядкамъ и къ нашимъ мыслямъ и воспитанію другой сановный по-сѣтитель тульской гимназіи, также бывший когда-то попечителемъ, да еще и прославленнымъ попечителемъ, московскаго учебнаго округа—графъ С. Г. Строгановъ, воспитатель покойнаго наслѣдника цесаревича Николая Александровича. Цесаревичъ совершалъ тогда свое извѣстное путешествіе по Россіи, обставленное съ небывалою еще у насъ научною основательностью, подъ главнымъ руководствомъ своего сіятельнаго воспитателя, въ сопутствіи лучшихъ тогдашнихъ профессоровъ университета, К. П. Побѣдоносцева, И. К. Бабста, художника Боголюбова и др. лицъ. Мнѣ пришлось, за отсутствіемъ директора, принимать въ гимназіи, водить по классамъ и пансіону Его Высочество и свиту его. Графъ Строгановъ, твердо знавшій установленныя программы гимназій, съ изумленіемъ и неудовольствіемъ убѣждался, что въ тульской гимназіи все устроено по-своему, на особый ладъ, въ явное нарушеніе разныхъ правилъ и министерскихъ циркуляровъ...

— Отчего у васъ то, почему это?—негодующе спрашивалъ онъ меня, не давая себѣ труда вникнуть въ результаты «того» и «этого» и возмущаясь одною только возможностью нашей дерзкой попытки на самобытное веденіе учебнаго дѣла.

Я спокойно объяснилъ ему, что всѣ эти отступленія отъ программъ и правилъ сдѣланы съ разрѣше-

нія и вѣдома окружного начальства, что о нихъ извѣстно давно въ министерствѣ, писалось въ разныхъ педагогическихъ журналахъ...

Строгий графъ слышать ничего не хотѣлъ и только сурово твердилъ, махая рѣшительно рукою:

— Это все надо перемѣнить, все перемѣнить!

Все это и перемѣнилось очень скоро...

Книжный изморъ.

(Въ защиту дѣтей).

«Non scholae, sed vitae discendum est»... «Нужно учить не для школы, а для жизни».

СЕНЕКА.

Почти тѣми же словами, какъ мудрецъ Рима, одинъ изъ мудрецовъ XVIII вѣка швейцарецъ Ж. Ж. Руссо, болѣе другихъ думавшій въ свое время о правильномъ воспитаніи юношества, опредѣлилъ цѣль образованія въ мѣткомъ афоризмѣ, примѣненномъ къ его «Эмилю»: «vivre—est le métier que je lui veux apprendre»—жить вотъ ремесло, которому я хочу его научить».

Научить ребенка жить — вотъ столько же простая, сколько трудная и высокая задача педагогій.

Но нельзя, къ сожалѣнію, сказать, чтобы эта простая вѣковѣчная задача оказалась по силамъ современной нашей педагогій и даже чтобы она была понята ею.

«Если бы наши часовые мастера знали свое дѣло такъ, какъ знаютъ свое дѣло педагоги, то міръ, конечно, не зналъ бы, какой теперь часъ», съ безпощадною правдою отозвался одинъ остроумный нѣмецкій педагогъ о своихъ собратіяхъ...

Чтобы не входить въ излишнія подробности, можно прямо сказать, что современная школа наша не воспитываетъ человѣкъ, а только набиваетъ его мозгъ обрывками разнородныхъ знаній.

Но знаніе безъ умѣнія, — «wissen ohne können», какъ выражаются нѣмцы, — едва ли можно считать за дѣйствительную силу въ жизни, особенно то мнимое знаніе, которое получается при господствующей у насъ системѣ сообщать ребенку мелко изрубленный винигретъ всевозможныхъ свѣдѣній, до сихъ поръ оправдывая этимъ ѣдкую иронию довольно уже стараго Пушкинскаго стиха: «мы всѣ учились понемногу чему-нибудь и какъ-нибудь».

Такое поверхностное и чисто теоретическое ученіе порождаетъ не дѣйствительное познаніе духовныхъ свойствъ человѣка и естественныхъ законовъ природы, дающее человѣку по выходѣ изъ школы необходимые способы для гармоническаго развитія духа и тѣла своего для направленія на пользу человѣчества и силъ природы и собственныхъ силъ, а одну только вредную иллюзію всезнанья, осужденную на жесточайшія разочарованія при первыхъ серьезныхъ столкновеніяхъ съ жизнью, оставляющую человѣка безпомощнымъ и безнадежнымъ въ самыя критическія его минуты. Кому теперь не ясно, что огромное большинство нашихъ образованныхъ людей, прошедшихъ пресловутую классическую школу, — совсѣмъ негодны для житейской борьбы ни въ физическомъ, ни въ духовномъ смыслѣ. Все это большею частью слабовольные и слабосильные люди книжки, канцеляріи, клубовъ и ежемѣсячно обезпеченныхъ казенныхъ окладовъ, а не люди смѣлой предприимчивости, упорной вѣры въ свои силы, не люди характера и воли. Природы они не знаютъ, природы они боятся, отъ природы они бѣгутъ; карточный столъ и кресло душнаго театральнаго зала, —

одни развиваютъ ихъ легкія и выковываютъ ихъ характеры. Всѣ они похожи другъ на друга, какъ два сапога одной пары, всѣ усиленно стремятся стереть съ себя, съ своей духовной личности, точно такъ же, какъ съ своей одежды и своихъ житейскихъ привычекъ, малѣйшій отгѣнокъ индивидуальности, собственнаго вкуса, собственнаго выбора, обращая этимъ себя въ одну безцвѣтную и безхарактерную толпу, гдѣ уже напрасно будете искать оригинальныхъ фizioномій и самобытныхъ поступковъ.

Все это люди разговоровъ, разсужденій, а не люди дѣла. Все это люди лѣни и малодушія своего рода, которымъ тяжело даже подумать, что завтрашній день можетъ начаться не такъ, какъ вчерашній, что недостаточно прочесть въ книжкѣ о хорошихъ вещахъ и поговорить о нихъ съ пріятелемъ, а нужно еще напрягать свой умъ, свою изобрѣтательность, свою волю, чтобы на самомъ дѣлѣ достигъ этихъ хорошихъ вещей и отбиться отъ всякой скверны, стоящей на пути.

Отъ этого книжно-канцелярскаго и клубно-гостиннаго строя жизни люди сдѣлались повально слабыми, нервными, робкими духомъ, практически неумѣлыми. Веселый человѣкъ исчезъ изъ нашего общества вмѣстѣ съ здоровымъ человѣкомъ. Дѣды наши, ѣздившіе верхами въ отѣзжія поля, встававшіе въ 3 часа утра, чтобы осматривать деревенскія работы, служившіе на конѣ въ разныхъ драгунскихъ и гусарскихъ полкахъ, ѣли, пили, «любили», кутили не подѣ стать намъ, обращались съ ними и въ школахъ и на службѣ тоже намъ не подѣ стать, но они все-таки остались здоровыми, веселыми и могучими, доживая до глубокой старости, хохотали отъ души, наслаждались отъ души, радовались и горевали отъ души, потому что не разрывали связи съ всевозрождающею матерью природою, рѣже были дома, чѣмъ на открытомъ воздухѣ,

и сызмальства не боялись борьбы ни съ какими житейскими невзгодами и препятствіями, пріученные къ суровой простотѣ тогдашняго быта.

Воспитаніе нашихъ дѣдовъ, конечно, не идеаль для насъ, но одна важная сторона этого воспитанія, сохранявшая имъ ихъ жизнерадостное настроеніе, ихъ тѣлесное здоровье и практическую смѣтливость ихъ здороваго природнаго ума,—достойна всякаго вниманія и всякаго подражанія въ вашъ вѣкъ анемичныхъ, неврастениковъ, утомленныхъ жизнью и неумѣющихъ жить.

Если русское общество не страдаетъ въ такой степени, какъ нѣмецкое, тою «*üferlose Leserei*»¹⁾, противъ которой возставали здравомыслящіе германскіе писатели еще въ концѣ XVIII вѣка, то все-таки для очень многихъ изъ насъ книжка до сихъ поръ замѣняетъ жизнь и заслоняетъ жизнь. А книжничество—это замѣна живого смѣлаго дѣла пассивною идеологіей, безсильной обратиться въ реальный фактъ, это оскудѣніе въ людяхъ характера и воли на счетъ излишняго развитія въ нихъ воображенія и теоретическихъ взглядовъ, не провѣренныхъ дѣйствительностью. Въ этомъ смыслѣ извѣстный англійскій философъ Гоббъ со свойственною ему рѣзкою парадоксальностью выразился о людяхъ книжки: «если бы я читалъ такъ много книгъ, какъ другіе, я сталъ бы такъ же глупъ, какъ другіе».

«Книги не умнѣе людей, и истинныя книги отыскиваются съ такимъ же трудомъ, какъ истинные люди»,—очень вѣрно сказалъ въ одной изъ своихъ публичныхъ лекцій «о выборѣ книгъ» («*On the choise of books*») другой, уже современный намъ англичанинъ Фр. Гарисонъ. А между тѣмъ, говоря его же

¹⁾ «Безбрежное читательство»

словами, «на современное человечество немилосердно и непрерывно изливается цѣлый водопадъ чернилъ въ видѣ различнаго рода печатныхъ произведеній».

Водопадъ этотъ вовсе не представляетъ собою какого-нибудь невиннаго буколическаго пейзажа. Нѣтъ, это могучій и бурный, и очень часто мутный потокъ со всѣми его созидательными и разрушительными свойствами, силу котораго необходимо хорошенько взвѣснить и умѣло направить, чтобы онъ обратился не на гибель людей.

Мильтонъ, страстный до болѣзненности почитатель книгъ; недаромъ разсматривалъ ихъ, какъ живыя существа и называлъ убійствомъ цензурное преслѣдованіе ихъ.

«Книги полны такой же живучести и такой же мощной производительности, какъ зубы мифологическаго дракона, и гдѣ ихъ посѣешь, тамъ могутъ вырасти изъ нихъ вооруженныя дружины; убить книгу — это все равно, что убить человѣка!» — говорилъ о книгахъ этотъ поэтъ-священникъ.

Мы не думаемъ возражать ему, не думаемъ возвращать крестовый походъ противъ книги и мысли.

Мы, конечно, не собираемся поднимать старое, хотя нѣкогда и оригинальное, знамя Ж. Ж. Руссо, на которомъ этотъ гениальный парадоксалистъ написалъ съ дерзкою откровенностью: «L'état de réflexion est un état contre nature, et l'homme qui médite est un animal dégradé» («состояніе размышленія — неестественно, и человѣкъ размышляющій есть развращенное животное»).

Нѣтъ, мы сами въ значительной степени дѣти книги, сами отчасти вспоены чернилами вмѣсто молока и не можемъ чувствовать ненависти къ печатному слову, къ жизни мыслию.

Мы только хотимъ присоединить свой голосъ къ другимъ, болѣе сильнымъ и авторитетнымъ голосамъ, которые все чаще и чаще начинаютъ предостерегать наше близорукое общество, руководящееся гораздо болѣе табуннымъ чувствомъ, чѣмъ здравымъ разсудкомъ, противъ болѣзненнаго поглощенія книгою и чернилами нашего юношества, а черезъ него и всей нашей жизни.

«Книги не составляютъ не только исключительнаго, но даже и главнаго средства для должнаго развитія человѣка»,—писалъ Томасъ Карлейль одному юношѣ, просившему его указать лучшія книги для чтенія, — «учитесь добросовѣстно исполнять каждое дѣло, какое въ настоящемъ положеніи вашемъ будетъ на васъ возложено: вотъ ваша обязанность».

Это мудрое правило человѣка, котораго, кажется, трудно упрекнуть во враждѣ къ умственному развитію человѣчества, должно было служить руководящею нитью нашего воспитанія.

Безпристрастное наблюденіе надъ міромъ прошлаго и надъ міромъ настоящаго одинаково убѣждаетъ насъ, что люди дѣлаются сильными, славными, богатыми, даже мудрыми—вовсе не книгою, а упорнымъ трудомъ, стойкою волею и нравственною высотой своихъ идеаловъ.

Книга во всѣ времена имѣла и будетъ всегда имѣть великое значеніе, какъ возбудитель труда и воли, какъ незамѣнимый просвѣтитель сердца и разума человѣческаго. Но книга, ставшая цѣлью сама себѣ, «an sich und für sich», книга, разросшаяся до уродливыхъ размѣровъ, подавившая собою и голову и душу человѣка, сама ставшая этою головою и этою душою, заслонившая отъ глазъ человѣка живую жизнь и окунувшая его выше макушки въ марево своихъ собственныхъ фикцій, такая книга является уже не

радостной помощницей человѣку, а чудовищнымъ паразитомъ, истощающимъ всѣ живые соки его. Эта книжная зараза прежде всего поражаетъ нашихъ дѣтей, наше юношество. Отъ 6 до 25 лѣтъ его купаютъ въ чернилахъ и кормятъ однѣми книгами. Слова, слова, слова,—только и слышать, только и видѣть кругомъ себя все это длинное двадцатилѣтне злополучный ребенокъ, злополучный молодой человѣкъ, попавшій въ сложныя колеса нашей педагогической машины. Ничего, кромѣ словъ, наскоро нахватанныхъ, насильственно втиснутыхъ, словъ безчисленныхъ, какъ песокъ морской, словъ обо всѣмъ, о чемъ только могутъ говорить взрослые люди, но о чемъ еще долго не будетъ думать его собственная голова и къ чему еще долго не будетъ стремиться его юношеское сердце.

Это безумное упрежденіе жизни книгою, эта замѣна дѣйствительности словами и теоретическими представленіями, быть можетъ, легли въ основу многихъ глубокихъ язвъ нашего современнаго общества. Трудно, напримѣръ, видѣть тѣсной связи этого великаго воспитательнаго заблужденія съ близорукимъ самомнѣніемъ, безапелляціонными приговорами и презрѣніемъ къ опыту прошлаго, которымъ нерѣдко отличаются молодя поколѣнія нашего общества. Да и вообще односторонній раціонализмъ убѣжденій есть самый обычный неестественный плодъ замѣны жизни книжною. Сейчасъ же за дверью школы такого юношукнижника ждетъ другой еще болѣе необъятный потокъ словъ, еще болѣе торопливое навязываніе книжныхъ взглядовъ въ лицѣ ежедневной, еженедѣльной, ежемѣсячной печати. Отъ книги, отъ печатнаго листа нигдѣ укрыться нельзя. Химики и физики воображаютъ, что воздухъ, которымъ дышитъ человѣчество, состоитъ изъ кислорода и азота съ ни-

чтожною примѣсью какой-нибудь угольной кислоты, амміака и другихъ газовъ. Но они вводятъ насъ въ обманъ, потому что въ этомъ воздухѣ несравненно болѣе важную роль, чѣмъ всѣ эти азоты и угольныя кислоты, играетъ стихія, не попавшая до сихъ поръ ни въ какой учебникъ химіи или физики.

Мы дышемъ типографскими чернилами чуть ли не болѣе, чѣмъ кислородомъ. Жить некогда, мыслить не успѣваешь,—едва есть время пробѣжать газеты, слѣдить за журналами, поглощаться въ конторахъ, канцеляріяхъ, классахъ, аудиторіяхъ, кабинетахъ, вознею съ цѣлыми стопами бумагъ, съ цѣлыми библіотеками книгъ.

А ужъ оглянуться на свѣтлый міръ Божій, помечтать, насладиться природою,—когда же тутъ? Когда же узнавать не только другого челоуѣка, но даже себя самого? Вѣдь и въ себя самихъ почти никому изъ насъ некогда заглянуть... Да и къ чему? Когда въ газетѣ и журналѣ безъ всякой борьбы и труда вамъ будутъ поднесены готовыми всѣ нужныя вамъ мысли, всѣ требующіеся къ дѣлу взгляды...

Немудрено, что намъ такъ искренно кажется, будто мы неизмѣримо умнѣе нашихъ отцовъ и дѣдовъ. Когда принимаешь за свой собственный умъ тѣ чужія мысли и знанія, что, безчисленными волнами мелькаютъ мимо насъ въ поглотившемъ насъ книжномъ морѣ, ничего намъ не стоя, ни къ чему насъ не обязывая, то какъ же не возгордиться духомъ передъ наивными и скромными людьми далекаго прошлаго, которымъ приходилось добывать собственнымъ потомъ и кровью, изживать жизнью, а не мечтою каждый самый первобытный и безхитростный выводъ ума. А между тѣмъ все существенное для челоуѣка, всѣ коренныя основы его благополучія, всѣ величайшія завоеванія его духа—сдѣланы были не теперешними

людьми-книжниками, а тѣмъ сравнительно глупымъ стариннымъ человѣчествомъ, которое давало такъ мало мѣста въ своей жизни черниламъ и бумагѣ, но которое зато такъ много и сильно жило...

Грекъ создалъ искусство, философію, государство,—живя въ тѣни своихъ зеленыхъ рощъ, купаясь въ своемъ голубомъ морѣ, тѣшась борьбою и играми.

Римъ, почти еще не зная школъ, уже завоевалъ міръ, а грубые нормандскіе бароны, не умѣвшіе подписать своихъ именъ, сумѣли добыть себѣ «великую хартію свободы», ставшую основою государственнаго строя Англии и идеаломъ современнаго европейскаго либерализма.

Іоанны д'Аркъ, Вильгельмы Телли, Минины и Сусанины совершали свои подвиги безъ всякихъ вліяній книгъ и школы, а рыбаки-апостолы безъ пособія чернилъ и бумаги просвѣтили цѣлый міръ...

Для подвига, для великаго дѣла нужны великіе характеры, страстная вѣра, любовь къ людямъ, а характеры создаются жизнью, а не книгою, точно такъ же, какъ любовь и вѣра рождаются изъ живого общенія съ людьми, а не изъ чернильныхъ строкъ...

Мы забыли это поученіе вѣковъ и нечувствительно обратили жизнь своихъ дѣтей, свою собственную жизнь—въ одно «безбрежное читательство». Вѣ наши школы селятся набить наши мозги разными поверхностными знаніями, какъ набиваютъ табакомъ пустую гильзу папирсы; и ни одна изъ нихъ не заботится о томъ, чтобы воспитать человѣка здороваго тѣломъ и свѣтлаго духомъ; ни одна не беспокоится даже о томъ, чтобы сообщаемое ею теоретическое знаніе обратилось въ практическое умѣніе.

Жанъ-Жакъ Руссо, несмотря на свою односторонность и свои увлеченія, вполне вѣрно понималъ основную задачу воспитанія и ставилъ ее на видъ

всѣмъ, «Celui d'entre nous qui sait le mieux supporter les biens et les maux de cette vie—est à mon gré le mieux élevé»¹⁾, весьма здраво рассуждалъ онъ.

Но эти здравые взгляды казались только талантливыми парадоксами оригинала-философа и не въ силахъ были побѣдить надменную своими мнимыми «научными знаніями» установившуюся школу книжничества. Только немногіе частные педагоги поднимали изрѣдка свой возмущенный голосъ противъ новой схоластики, губившей человѣчество поколѣнія за поколѣніями.

Практическій геній англичанъ, поставившій ихъ въ этомъ отношеніи надъ многими другими націями, помогъ имъ въ этомъ важномъ вопросѣ. Англійская школа устроилась ближе всего къ идеалу древней греческой школы. Она учитъ немногому, но глубоко и полно. Она воспитываетъ волю и мускулы рядомъ съ развитіемъ ума. Гонка на лодкахъ и игра въ мячъ входятъ въ ея программу точно такъ же, какъ геометрія Эвклида или рѣчи Цицерона.

Въ Англій цѣнится по ихъ настоящей цѣнѣ, гораздо выше всякихъ праздныхъ знаній и блестящихъ украшеній ума, житейская сила характера и настойчивость воли.

Зато Германія недавно еще была обѣтованною землею школьнаго книжничества, и типъ ея геллертера сталъ художественнымъ олицетвореніемъ непрактичности, своего рода антиподомъ англичанина.

По мѣткому выраженію русскаго поэта.

Онъ изучалъ Санхуньятона,
Зубрилъ «Республику» Платона,
И тиснулъ длинную статью
О божествахъ Самоэракійскихъ,
Чтобъ жизнь убогую свою
Провести среди дворянъ російскихъ...

¹⁾ «Тотъ изъ насъ, кто умѣетъ лучше всѣхъ переносить блага и горе жизни, — тотъ, по-моему, воспитанъ лучше всѣхъ».

Германія недавняго времени, можно сказать, выпила до дна чашу книжничества и теперь жадно стремится избавиться отъ этой язвы; а мы, грѣшныя, постоянно толкающіеся за иностранцами, постоянно изыскивающіе себѣ господъ и учителей гдѣ-нибудь за моремъ, при Гостомыслѣ такъ же, какъ при Петрѣ, мы стали рабски копировать нѣмцевъ въ своихъ школьныхъ программахъ и планахъ. Нѣмецкаго гелертера мы къ себѣ не пересадили и многого другого нѣмецкаго не сумѣли пересадить, но зато успѣли привить къ своему простодушному русскому юношеству хвастливое полужнаніе, скуку жизни, раздраженное недовольство дѣйствительностью и полную неспособность къ практическому труду...

Александръ Гумбольдтъ, какъ извѣстно, иронически выражалъ нашему министру народнаго просвѣщенія графу Уварову, хваставшемуся программами русскихъ гимназій, свою зависть къ счастливому русскому школьнику, знающему еще на школьной скамьѣ гораздо болѣе предметовъ, чѣмъ знаетъ онъ, великій европейскій энциклопедистъ... Но хотя Гумбольдтъ называлъ наши гимназіи Прокрустовымъ ложемъ и признавался, что самъ онъ до 18-ти лѣтъ не зналъ ровно ничего, однако программа, его пугавшая, казалась еще слишкомъ бѣдною усерднымъ ревнителямъ нашего книжничества и вмѣсто 7 классовъ гимназіи признано было необходимымъ учредить еще 8-й классъ, чтобы додерживать въ немъ до необходимой зрѣлости, какъ драгоценный плодъ, злополучнаго русскаго юношу. Въ концѣ 70-хъ годовъ, въ развалъ увлеченія книжничествомъ, и восьми классовъ оказалось мало, такъ что нѣкоторые рьяные педагоги-классики выступали съ проектомъ 9-го класса, дабы съ его помощью уже окончательно упрочить судьбы латинской и греческой грамматики среди Россійскаго государства и довести

нашихъ юношей уже не до зрѣлости только, а до перезрѣлости. Въ сущности, впрочемъ, это были бы не 8-й и 9-й классы, а 10-й и 11-й, такъ какъ еще раньше состоялась незамѣтная прибавка къ существовавшимъ классамъ гимназій особаго «приготовительнаго класса», который очень скоро разбился на два послѣдовательныхъ отдѣленія и потребовалъ отъ нашихъ дѣтей новыхъ 2-хъ лѣтъ школьнаго ученія.

И удивительное дѣло! Въ прежнее время рѣдко кто кончалъ даже въ 7 классахъ гимназій, а люди были далеко не глупѣе, далеко не пустѣе, далеко не безталаннѣе теперешнихъ велемудрыхъ юношей, добросовѣстно проходящихъ всѣ 10 классовъ гимназій. Изъ прежнихъ плохихъ школъ выходила и Пушкины, и Гоголи, и Аксаковы, и Тургеневы, и Достоевскіе, и всѣ ученые, которыми гордится русская наука, и всѣ ея практическіе дѣятели войны и мира, которымъ пока еще нечему было учиться у ихъ многознающихъ преемниковъ.

Результатъ нашей школьной системы налицо. Книжничество показало теперь себя во всѣхъ своихъ послѣдствіяхъ. Изъ общества нашего исчезло здоровье, исчезла радость жизни, исчезла святая вѣра въ будущее. Всего три слова, но смыслъ ихъ роковой. Врачи, статистики, криминалисты, педагоги—всѣ свидѣльствуютъ одно. Ипохондрія, меланхолія, неврастѣнія, сумасшествіе, самоубійство—сдѣлались среди образованнаго общества нашего времени такими же обычными явленіями, какъ лихорадка и насморкъ. Веселье исчезло. Веселый человѣкъ, котораго мы видѣли на каждомъ шагу еще въ годы своей юности, словно сквозь землю провалился. Если еще уцѣлѣли кое-гдѣ проблески веселости и спокойнаго отношенія къ жизни, то въ старикахъ. Если еще сохранился въ комъ живой интересъ къ жизни и людямъ, то опять-таки въ

нихъ, этихъ неисправимыхъ сѣдыхъ идеалистахъ, надъ которыми снисходительно подтруниваетъ наша ничему не удивляющаяся и ни во что не вѣрующая молодежь. Малокровные, худосочные, близорукіе уже въ 15 лѣтъ, а въ 20 лѣтъ уже съ анемическими страданіями головы, съ хроническими катаррами желудка, скучно и сонно бредутъ по неинтересному для нихъ житейскому пути наши переученные юноши, съ очками на носу, съ бесполезными книжками подъ мышкой, сторбленные, какъ старики, съ презрительной насмѣшкой относясь и къ школѣ, и къ жизни, ни къ чему не привязываясь, ничего не желая, не ощущая въ себѣ готовности ни на какую борьбу, не вѣруя ни въ какой идеаль...

Результатъ десяти, пятнадцати лѣтъ трудовъ, заботъ, расходовъ и лишеній по истинѣ не особенно привлекательный и не особенно цѣнный!..

Результатъ, скажемъ откровенно, просто бессмысленный... Во имя чего должно совершаться это сознательное закланіе нашего юношества? Ради какихъ высшихъ благъ заставляемъ мы ихъ уничтожать свое здоровье, запираемъ ихъ на десятокъ лѣтъ въ тюрьмы своего рода, лишая ихъ воздуха, движенія, природы, полезнаго труда въ тотъ самый возрастъ, когда у нихъ складывается и ихъ тѣлесный и ихъ душевный организмъ?..

Можно смѣло сказать, что наша книжная школа со всѣми ея всеобъемлющими педантическими притязаніями, со всѣми ея деспотическими вторженіями въ семейную и домашнюю жизнь своихъ учениковъ, со всѣмъ ея трескучимъ арсеналомъ новѣйшихъ учебниковъ и усовершенствованныхъ программъ, оказалась совершенно безсильною помочь нашему юношеству въ его главнѣйшихъ жизненныхъ потребностяхъ.

Въ вопросѣ такой громадной практической важности необходимо быть откровеннымъ въ высшей степени,

необходимо посмотрѣть на дѣло глазами свободными отъ всякаго суевѣрія и пристрастія.

Если бы какая-нибудь латинская или греческая грамматика была грознымъ языческимъ богомъ, требующимъ себѣ постоянныхъ жертвъ, какъ нѣкогда требовалъ этого драконъ священной легенды, то тогда исполнѣ бы были бы понятны теперешнія педагогическія гекатомбы, ежегодно губящія сотни нашихъ дѣтей...

Но вѣдь юношество наше создано вовсе не для того, чтобы стать удобреніемъ для пышнаго расцвѣта какихъ бы то ни было цвѣтовъ грамматики. Если бы грамматика эта доказала свою пользу для достиженія житейскаго или душевнаго благополучія нашимъ юношествомъ, тогда она—дорогой гость въ нашихъ школахъ, тогда настезь передъ нею всѣ двери!.. Но если она является мертвою рукою своего рода, подъ гнилымъ дыханіемъ которой хирѣетъ и замираетъ всякое проявленіе молодой жизни, если она убиваетъ въ человѣкѣ его радость, любовь и даже тѣлесное здорье, то къ чему она и во имя чего необходимо поклоняться ей?

Кажется, нѣтъ семьи, которая не ужасалась передъ постояннымъ всенощнымъ бѣднѣемъ бѣдныхъ дѣтей за греческими, латинскими и всякими другими книжками и тетрадами.

Послѣ того какъ ребенокъ убьетъ свой день въ душевныхъ стѣнахъ класса, гдѣ онъ лишенъ солнца и свѣжаго воздуха въ самые драгоцѣнные для здоровья часы и въ самый необходимый для человѣка возрастъ, ему не оставляютъ времени ни на занятія какимъ-нибудь рукодѣліемъ или искусствомъ ни даже на необходимый сонъ. Всякій родитель знаетъ, что ученикъ общественной школы долженъ работать дома далеко за полночь, если хочетъ добросовѣстно выполнить все заданное. Бѣсть онъ также не во время, торопливо,

кое-что и кое-какъ. А если къ этому прибавить, что почти во всѣхъ школахъ крѣпко держится возмутительный обычай оставлять дѣтей безъ обѣда за дурные баллы и за шалости сейчасъ же послѣ классовъ, то-есть въ такое время, когда утомленный дѣтскій организмъ особенно жадно проситъ пищи,—то намъ не придется удивляться ни катаррамъ, ни худосочию, ни головнымъ болямъ, которыми обыкновенно страдаютъ наши учащіяся дѣти. Особенно губятъ здоровье дѣтей экзамены. Удивительно, какъ до сихъ поръ не придетъ никому въ голову, что экзамены совсѣмъ противны свойству дѣтской природы; что то обобщеніе и цѣльное представленіе всего пройденнаго предмета, которое съ нихъ требуется, усиленно только зрѣлому уму... Если есть еще какой-нибудь смыслъ требовать экзамена изъ полныхъ предметовъ отъ юношей 18, 20 лѣтъ, то для дѣтей 12 и 13-лѣтняго возраста вполне достаточно постепенное прохожденіе предмета, соединенное съ необходимыми повтореніями... Да и вообще экзамены могутъ имѣть значеніе, только какъ повѣрка практическихъ результатовъ обученія, въ родѣ того, какъ диктантъ служить повѣркою практическаго усвоенія ученикомъ грамматическихъ правилъ... Но ужъ если экзамены должны почему-нибудь существовать, то устраивать ихъ лѣтомъ и въ расцвѣтѣ весны,—болѣе чѣмъ безжалостно. Весеннее пробужденіе природы болѣе, чѣмъ на кого-либо, вліяетъ на молодой организмъ, въ порѣ его дѣятельнаго роста. Съ открытіемъ весны и въ немъ происходитъ такое же могучее теченіе соковъ жизни своего рода, какъ въ деревѣ и землѣ... Никогда ребенку не хочется такъ страстно упиваться солнцемъ, глотать полною грудью цѣлебные ароматы цвѣтущаго сада и зеленѣющаго лѣса, прислушиваться къ веселому рокоту потоковъ, восторгаться нѣжною лазурью неба,—

какъ именно въ нашемъ маѣ и іюнѣ, то-есть въ тѣ самые мѣсяцы, въ которые школа осуждаетъ его на сугубое тюремное заточеніе своего рода, на сплошное скрюченье грибомъ надъ книгой въ теченіе многихъ дней и ночей сряду...

Что мѣшало бы, на примѣръ, устраивать эти самые экзамены (если уже они такъ необходимы) въ декабрѣ, въ концѣ года, а вступительные въ январѣ, въ началѣ года? Тогда лѣтняя жара не томить ребенка, зимній холодъ бодритъ силы и болѣе настраиваетъ ихъ на усидчивый трудъ; а живительное материнское лоно весенней природы,—безъ котораго одинаково завядаетъ цвѣтокъ, птица, звѣрь четвероногій, какъ и разумный человѣкъ,—не отнималось бы отъ него въ самую впечатлительную и важную пору его тѣлеснаго и душевнаго роста. Никакого вреда не произошло бы отъ того, что учебный годъ былъ разрѣзанъ на двѣ половины не краткимъ святочнымъ отдыхомъ, какъ теперь, а длинными мѣсяцами вакацій; примѣнить же къ этому программы предметовъ такъ, чтобы полугодичный курсъ cadaго изъ нихъ представлялъ собою нѣчто цѣльное, было бы, конечно, ничуть не трудно.

Но одно переустройство экзаменовъ и даже полная отмѣна ихъ еще далеко не рѣшили бы вопроса о нашемъ школьномъ образованіи, о которомъ мы подробнѣе поговоримъ въ другой замѣткѣ своей.

Классическое суевѣріе.

(Мысли стараго педагога о нашей школѣ).

«Надобно въ особенности остерегаться, чтобы дѣти въ томъ возрастѣ, когда они еще не могутъ полюбить ученье, не были доведены до ненависти къ нему, по причинѣ горечи, которую оно имъ причинило».

КВИНТИЛИАНЪ.

Источникъ книжничества въ нашихъ школахъ, конечно, не одинъ классицизмъ, потому что и безъ латинскаго языка можно направить школьное ученье по безжизненному теоретическому пути. Но нѣтъ сомнѣнія, что классицизмъ—главный очагъ этой умственной заразы, что онъ именно даетъ руководящій тонъ книжничества и непрактичности всему нашему школьному ученью. Одинъ даровитый поэтъ русскій сказалъ очень мѣтко:

«Предразсудокъ—онъ обломокъ
Древней правды; храмъ упалъ,
Прахъ остался, но потомокъ
Смысль его не разгадалъ»...

Съ классицизмомъ вышла у насъ та же исторія. Классицизмъ былъ дѣйствительно «древнею правдою»,

истиннымъ храмомъ просвѣщенія въ свое время. Но «храмъ упалъ, прахъ остался», и вотъ мы, злополучные «потомки», не сумѣли разгадать смысла этого историческаго «предразсудка» и до сихъ поръ, до самаго порога XX столѣтія, пребываемъ въ траги-комическомъ заблужденіи, будто имѣемъ дѣло дѣйствительно съ «храмомъ» и «правдою», въ то время какъ онъ уже давнымъ-давно превратился въ почтенный мертвый обломокъ, весьма цѣнный для археолога, но уже совершенно бесполезный для нашихъ современныхъ жизненныхъ интересовъ.

Пройдетъ еще десятокъ-два лѣтъ, и съ какою ядовитою и вполне заслуженною нами насмѣшкою дѣти наши будутъ говорить о нашей непостижимой слѣпотѣ, которая держала насъ такъ долго въ плѣну одного изъ вреднѣйшихъ суевѣрій — суевѣрія классицизма, какъ какого-то всемогущаго воспитательнаго талисмана, единственной, ничѣмъ незамѣнимой панацеи отъ всякихъ умственныхъ и нравственныхъ немощей человѣчества.

Вѣдь давно ли было время, когда преподаваніе христіанскимъ дѣтямъ языческой миѳологіи считалось обязательнымъ предметомъ, безъ котораго немислимо было образованіе людей порядочнаго общества, безъ котораго поэтъ не могъ написать ни одного стиха, живописецъ не смѣлъ сдѣлать ни одного штриха, а скульпторъ дотронуться до рѣзца или глины.

Слава Богу, это миѳологическое суевѣріе отошло наконецъ въ вѣчность, и письма просвѣщенныхъ людей, труды писателей и художниковъ не требуютъ больше тщательнаго изученія разнообразныхъ амурныхъ шалостей никогда не существовавшихъ олимпійцевъ.

Но развѣ суевѣріе латинской грамматики и греческой просодіи для насъ, русскихъ, не такъ же дико, какъ

суевѣріе античной миѳологіи? Классицизмъ имѣлъ свое большое историческое значеніе и свою огромную заслугу въ умственной исторіи человѣчества, особенно въ исторіи народовъ Западной Европы, нашихъ учителей и образцовъ.

Послѣ долгихъ и тяжелыхъ столѣтій средневѣковой тьмы, послѣ многовѣкового рабства мысли въ тискахъ схоластики и нетерпящаго фанатизма католической церкви, когда ученыхъ и философовъ жгли на кострахъ, какъ колдуновъ, и малѣйшую тѣнь самостоятельности въ религіозныхъ вѣрованьяхъ преслѣдовали пытками и тюрьмами, творенья свободныхъ мыслителей, поэтовъ, историковъ античнаго мира, разумѣется, явились своего рода свѣтлымъ, всевозрождающимъ солнцемъ на горизонтѣ умственной жизни Европы. Тогда, конечно, только и возможно было почерпать и мысль, и знанье, и нравственныя правила жизни — изъ этого новооткрывшагося сокровища римской и греческой литературы; кромѣ Аристотелей, Платоновъ, Гораціевъ, Тацитовъ — некого было изучать, нечѣмъ было наслаждаться уму, искавшему свѣта. Языки Софокла и Виргилія дѣлались роковымъ образомъ единственнымъ, ничѣмъ незамѣнимымъ и всѣмъ одинаково необходимымъ орудіемъ просвѣщенія, волшебнымъ ключомъ, безъ котораго невозможно было никому войти въ желанный храмъ знанія. И, конечно, вполне заслуженно эти языки, ихъ грамматика, ихъ литература были признаны и дѣйствительно сдѣланы въ то время «классическими», то-есть предметомъ изученія въ классѣ, въ школѣ; точно также справедливо присвоено имъ было названіе *humaniora*, а благороднымъ труженикамъ, самоотверженно насаждавшимъ эти языки и литературы въ полуварварскихъ еще обществахъ Европы, — имя гуманистовъ. Античные авторы дѣйствительно внесли идеи гуман-

ности, т.-е. человѣчности, и сравнительно высокій строй мыслей и чувствъ въ мрачную среду взаимныхъ притѣсненій, преслѣдованій, въ царство вошіющей неправды и тьмы. Тогда не существовало еще ни литературы, ни науки ни у одного народа Европы, и латинскій языкъ, будучи кореннымъ основаньемъ для языковъ многихъ новыхъ народовъ, каковы французы, итальянцы, испанцы, португальцы, отчасти англичане, тѣмъ легче сдѣлался общимъ языкомъ всей Европы въ области медицины, юриспруденціи, науки, школы, дипломатіи и пр. Кромѣ того, латинскій языкъ еще гораздо ранѣе сталъ языкомъ католической церкви и былъ уже съ дѣтства знакомъ всякому европейцу по церковнымъ службамъ и молитвенникамъ. И папы, конечно, употребляли съ своей стороны всѣ усилія, чтобы образованіе европейскаго юношества было и оставалось навсегда всецѣло основаннымъ на языкѣ католической церкви, такъ какъ, расширяя его область, они въ то же время расширяли невольнымъ образомъ и предѣлы своей церкви. А осуществлять это было тѣмъ удобнѣе, что католическіе прелаты, патеры и монахи всевозможныхъ орденовъ очень долгое время были почти единственными людьми, посвящавшими себя въ тѣ воинственные эпохи образованію и воспитанію юношества, ученымъ изслѣдованіямъ и литературнымъ занятіямъ. Варварская Европа съ ея неразработанными языками, съ ея отсутствіемъ всякаго понятія о наукѣ и литературѣ, въ латинской или греческой книгѣ находила и разгадку міровыхъ тайнъ и удовлетвореніе чувству изящнаго. Тогда дѣйствительно классицизмъ былъ синонимомъ образованія. Зарождавшіяся изъ варварскихъ дружинъ государства Европы точно также сдѣлали все, чтобы претворить латинь въ плоть и кровь европейца. Тѣнь великой Римской имперіи, такъ долго повелѣвавшей міру, еще цѣлые

вѣка пріосѣняла молодыя государства, возникавшія на ея развалинахъ. Не было другого образца, другого идеала, кромѣ Рима.

На латинскомъ языкѣ молились, съ нимъ родились, вѣнчались, умирали, на латинскомъ языкѣ говорились рѣчи, проповѣди, велись ученые споры, читались лекціи, писались изслѣдованія, составлялись рецепты врачей и акты дипломатовъ, значитъ, языкъ этотъ изучался въ свое время съ самыми многообразными практическими цѣлями и удовлетворялъ тѣмъ многочисленнымъ житейскимъ потребностямъ, которымъ тогда не могъ еще удовлетворить никакой новой европейскій языкъ, не успѣвшій выйти изъ состоянія средневѣкового варварства; о мистическомъ же значеніи латыни, какъ незамѣнимаго орудія умственнаго развитія—никому не приходило тогда въ голову, и этому педагогическому суевѣрію стали давать ходъ уже гораздо позже, когда въ силу естественнаго развитія изученія новыхъ языковъ и разныхъ наукъ классическіе языки потеряли свое прежнее жизненное значеніе, и жрецамъ классицизма, державшимъ попрежнему въ своихъ рукахъ судьбы школы, приходилось изъ чувства самозащиты пріискивать оправданія продолженію господства въ школахъ этого отжившаго образовательнаго начала. Что начало это оказалось необыкновенно цѣпкимъ и живучимъ въ западно-европейской школѣ и могло дожить до нашихъ дней—удивляться нечего. Все старое, твердо установившееся, привыкшее въ теченіе цѣлыхъ столѣтій владѣть умами людей и направлять ихъ поступки, вросаетъ въ историческую почву народной жизни такъ глубоко и столькими вѣтвистыми корнями, что искоренить его и особенно замѣнить чѣмъ-нибудь новымъ, неизвѣданнымъ,—задача величайшей трудности, тѣмъ болѣе, что для большинства Западной Европы латинскій языкъ и въ

новѣйшее время еще не совсѣмъ потерялъ свое практическое значеніе, какъ грамматическая и лексическая основа большинства современныхъ языковъ и какъ языкъ богослужебныхъ книгъ и церковной молитвы католиковъ. Оттого въ Европѣ борьба освобожденія отъ классицизма дѣйствительно очень тяжела. Латинь для Европы не та неудобная модная одежда, которую неблагоразумные люди слѣпо заимствуютъ у другихъ, не обращая вниманія на свои собственныя условія и потребности. Нѣтъ, для Европы латинь — природная шкура, изъ которой дѣйствительно нужно вырости, чтобы она казалась не по плечу, которую перемѣнить можно только своего рода «процессомъ линянія», органическою метаморфозою, сопряженною съ болѣзненностью и требующею медленнаго и осторожнаго хода.

Однако кто не знаетъ, какія усилія предпринимались въ послѣднее столѣтіе въ Германіи, Франціи, Англіи, чтобы освободиться отъ вредоноснаго гнета этого мертвящаго начала, и сколько въ просвѣщеннѣйшихъ европейскихъ странахъ появилось школъ разныхъ наименованій, гдѣ классицизмъ или допущенъ только въ слабой пропорціи ради компромиса съ все-сильнымъ еще педагогическимъ предразсудкомъ, или даже вовсе изгнанъ изъ программы ученія. Если передовыя націи Европы, какъ Германія, Бельгія, Франція, Швеція, Норвегія, точно также какъ Америка, сдѣлали въ послѣднее время колоссальныя успѣхи въ области промышленности и техники всякаго рода, то только благодаря множеству устроенныхъ ими реальныхъ, техническихъ и ремесленныхъ школъ всякихъ степеней и названій въ рѣшительный разрѣзъ съ средне-вѣковымъ идеаломъ классическо-грамматической школы. Но особенную силу получило это движеніе передовыхъ умовъ Европы противъ классицизма школы—въ

самые послѣдніе годы, когда этотъ важнѣйшій вопросъ народной жизни перешелъ изъ тѣсныхъ предѣловъ педагогическаго міра на обсужденіе общественныхъ собраній, парламентовъ и всемірной печати. Нельзя сомнѣваться, что онъ уже почти предрѣшенъ общимъ настроеніемъ современныхъ народовъ, и что заинтересованный въ его защитѣ педагогическій цехъ при всемъ упорствѣ своемъ ненадолго еще успѣетъ задержать его неминуемое разрѣшеніе въ смыслѣ полного упраздненія классицизма въ обще-образовательной школѣ и ограниченія его изученія законно принадлежащими ему предѣлами спеціальныхъ школъ филологіи, археологіи, древней исторіи и т. п. Норвегія, идущая во многихъ отношеніяхъ впереди другихъ народовъ во всемъ, что касается практическаго удовлетворенія ея общественныхъ потребностей, еще 11 лѣтъ тому назадъ государственнымъ закономъ совершенно упразднила классицизмъ въ своихъ гимназіяхъ, и освобожденіе отъ него другихъ европейскихъ школъ, конечно, составляетъ теперь только вопросъ того или другого дня. Но если такая упорная вѣковая борьба за классицизмъ имѣетъ свой глубокой исторической смыслъ и свое разумное оправданіе въ западно-европейскомъ обществѣ у народовъ латинской расы и римско-католической религіи, то какая же непостижимая слѣпота заставляетъ насъ, русскихъ, подражать Европѣ въ ея, такъ сказать, родственной привязанности къ давно отжившимъ семейнымъ традиціямъ, къ домашнему предразсудку, отъ котораго она еще не успѣла совершенно освободиться, хотя и сознала его вредъ? Мы ровно ничѣмъ не связаны съ классической школою, мы не основали своего царства на развалинахъ Римской имперіи; нашъ народный языкъ не поглотилъ въ себя никакихъ латинскихъ корней; мы никогда не судились по римскому праву, не получали отъ Рима ни рели-

гій, ни образованія. Латынь къ намъ приклеена искусственно, вбита въ насъ насильственно гвоздями и молотомъ, оттого она такъ мало приносить намъ пользы и оттого же она очень легко отпадетъ отъ насъ. У насъ привыкли проповѣдывать съ большою самоувѣренностью, будто изученіе латинскихъ и греческихъ авторовъ обезпечитъ вѣрнѣе все наше юношество отъ всякихъ превратныхъ идей и вольнодумства, воспитаетъ въ нихъ политическую и религіозную благонадежность; творцы нашего новѣйшаго школьнаго классицизма, устраивавшіе для него академіи въ Германіи и выписывавшіе изъ Чехіи его учителей, нисколько не скрывали этой воспитательной тенденціи своей. Но даже ребенокъ засмѣется, когда вы станете его увѣрять, что идеи монархизма, христіанскаго благочестія и смиренномудрія онъ лучше всего можетъ почерпнуть изъ сочиненій языческихъ писателей, воспѣвавшихъ республиканскія доблести и описывавшихъ въ самыхъ ужасныхъ краскахъ звѣрства и развращеніе былыхъ владыкъ Рима и Греціи, непрекращавшіеся мятежи и интриги вокругъ ихъ престоловъ и глубочайшее нравственное паденіе окружавшаго ихъ и ими руководимаго общества,—или изъ поэтическихъ рассказовъ объ эротическихъ похищеніяхъ Венеры, Меркуріевъ и Марсовъ, о Ганимедахъ, Гебахъ, Пріапахъ и всей безконечно разнообразной божественной порнографіи веселаго Олимпа. Вообще наставляютъ въ принципахъ христіанской нравственности православное юношество черезъ посредство литературы того самаго народа, который зналъ христіанъ только на аренахъ цирковъ, гдѣ онъ любовался, какъ ихъ терзали дикіе звѣри и какъ зажигали ихъ вмѣсто факеловъ,—предпріятіе со всѣхъ точекъ зрѣнія довольно наивное.

Человѣчество уже имѣло случай видѣть одну очень яркую иллюстрацію этого плодотворнаго вліянія клас-

сическихъ идеаловъ на умы и сердца народа—въ дѣяніяхъ французскихъ террористовъ великой революціи. Всѣ эти Сень-Жюсты, Робеспьеры, Мараты бредили республиканскими доблестями Рима и искренно считали себя Брутами, Катонами и Гракхами, что не помѣшало имъ отрубить на плахѣ голову своему королю, упразднить во всей странѣ христіанскую религію и вмѣсто Бога, Всемогущаго Творца вселенной, поставить голую женщину съ титуломъ богини разума.

Впрочемъ, намъ нечего тревожить исторію, чтобы убѣдиться, какъ мало школьный классицизмъ содѣйствуетъ вкорененію въ молодя поколѣнія религіозныхъ чувствъ и монархическихъ убѣжденій. Вся просвѣщенная современная Европа, цитомица этого классицизма, ясно показываетъ намъ, въ какую сторону все больше и рѣшительнѣе направляются ея симпатіи и взгляды, да и въ нашемъ собственномъ отечествѣ самый завзятый сторонникъ латинской грамматики не рѣшится утверждать, что столь усердно вывариваемое нами въ котлѣ сугубаго классицизма россійское юношество послѣдняго времени обнаружило бы въ этомъ отношеніи какія-нибудь особенныя влеченія сравнительно хотя бы съ воспитанниками военно-учебныхъ заведеній, не осчастливленныхъ спасительнымъ талисманомъ классицизма. Кажется, одного этого живого наблюденія, доступнаго самому обыкновенному смертному, вполне достаточно, чтобы разоблачить пустоту и неправду такъ долго и такъ самоувѣренно навязываемаго намъ предразсудка о незамѣнимомъ будто бы вліяніи классицизма на «политическую благонадежность» его питомцевъ.

Въ такую же область пустыхъ сказокъ должно отойти и другое, еще прочнѣе установившееся среди педагоговъ-классиковъ суевѣріе,—будто изученіе классическихъ языковъ сообщаетъ духу учащихся, словно

искусная выдержка дорогому вину, — какой-то особенно тонкій букет изящества, идеализма и гуманности. Но восторженные проповѣдники латинской грамматики напрасно забиваютъ намъ буки своими краснорѣчивыми фразами; у насъ есть средство очень простое и опять-таки всѣмъ доступное познакомиться не яко зеркаломъ въ гаданіи, а лицомъ къ лицу съ этими классическими образцами душевной гуманности и умственного изящества. Ужъ кого, кажется, больше купали и полоскали въ морѣ классицизма, какъ не учителей и профессоровъ латинскаго языка? А вспомните, правдивый читатель, свои дѣтскіе и юношескіе годы, вспомните, что вы слышали отъ своихъ старшихъ и равныхъ объ ихъ юношескихъ годахъ, что вы прочли въ разныхъ мемуарахъ и литературныхъ произведеніяхъ и сдѣлайте безпристрастный мысленный смотръ всѣмъ ревностнымъ насадителямъ въ вашихъ мозгахъ классической премудрости. Я зналъ въ свое время не одну гимназію, не одинъ университетъ, и думаю, что воспоминанія мои въ общихъ чертахъ тѣ же самыя, что и у моихъ читателей, тѣмъ болѣе, что они не только въ общихъ чертахъ, но даже и въ характернѣйшихъ подробностяхъ подтверждаются впечатлѣніями всѣхъ моихъ знакомыхъ и друзей, проходившихъ такую же классическую школу, какъ и я, или даже только со стороны знакомыхъ съ этою школою. И что же? Положа руку на сердце, я долженъ признаться, что такихъ духовно-неуклюжихъ чудаковъ, такихъ комически-неказистыхъ типовъ, такихъ грубо-матеріальныхъ, чуждыхъ всякой идеальности чиновниковъ я не встрѣчалъ ни въ какой другой, даже педагогической, спеціальности.

Латинскій или греческій учитель у насъ почти всегда былъ типомъ односторонняго и недалекаго педанта, безжалостнаго въ своихъ требованіяхъ, грубаго,

черстваго въ обращеніи, и поистинѣ гомерическимъ смѣхомъ боговъ Олимпа отвѣтила бы цѣлая наша гимназія, цѣлый нашъ университетъ, если бы имъ вдругъ сообщили удивительную новость, что нашъ учитель греческаго языка, что нашъ профессоръ римской литературы суть образцовые носители эстетическаго чувства и возвышенной гуманности мыслей!

Надо сказать, что я съ самымъ добрымъ чувствомъ вспоминаю всѣхъ своихъ бывшихъ наставниковъ, хорошихъ и плохихъ, сердитыхъ и добрыхъ, чувствуя къ нимъ до сихъ поръ нѣкоторую родственную привязанность, можетъ быть изъ-за любви къ своему протекшему дѣтству. Но по классическому же правилу—«amicus Plato, sed magis amica veritas»—я не могу закрывать глаза на то, что они видятъ и видѣли.

У меня былъ, на примѣръ, учителемъ латыни превосходный знатокъ классическихъ языковъ, писавшій въ спеціальныхъ журналахъ, сдѣлавшійся потомъ профессоромъ римской литературы, очень любившій меня и котораго я любилъ за многія его стороны, но вмѣстѣ съ тѣмъ это былъ не человѣкъ, а ходячій латинско-греческій лексиконъ, для котораго не существовало на свѣтѣ никакой поэзіи, никакого художества, никакой природы, никакихъ жизненныхъ радостей и который кулаками, тычками, пощечинами неистово вбивалъ самыя неудобомыслимыя подробности излюбленнаго имъ языка въ несчастныя головенки полуграмотныхъ еще, десятилѣтнихъ и двѣнадцатилѣтнихъ мальчишекъ.

Намъ, дѣтишкамъ, искренне казалось тогда, что у него внутри не было ничего, кромѣ латыни. Латынь онъ ѣлъ, латынью дышалъ, латынь горячею струею текла вмѣсто крови по жиламъ его. Онъ былъ, казалось намъ, зачатъ и рожденъ въ латыни, сосалъ ла-

тынъ изъ груди матери, былъ вываренъ въ латыни, засушенъ въ латыни. Намъ представлялось даже, что его длинный носъ былъ зачиненъ такъ же остро, какъ окончаніе творительнаго падежа 3-го склоненія именъ существительныхъ на *i*, что тонкія гнѣвныя губы его были сложены въ педантически-незыблемое грамматическое правило, *infinita locutio* своего рода, и что даже синій виць-мундиръ облакалъ его сухой станъ, совсѣмъ какъ корешокъ немного подержанной латинской грамматики...

Въ жесткихъ, торчавшихъ врозь волосахъ нашего грознаго учителя, казалось, застряли, щетинясь во всѣ стороны, и издѣвались надъ нами неодолимая трудности разныхъ безчисленныхъ исключеній, а въ сердитомъ огнѣ его глазъ, съ неумолимою требовательностью устремленныхъ на недостойныхъ питомцевъ классицизма, казалось, сверкали жала самыхъ ядовитыхъ неправильныхъ глаголовъ.

Ужъ не онъ ли былъ представителемъ пресловутой классической гуманности и изящества духа?

Или, можетъ быть, другой римлянинъ російскаго издѣлія, о которомъ я теперь вспоминаю, изъ другой гимназіи, гдѣ мнѣ пришлось оканчивать курсъ. Этотъ прежде всего осуществлялъ собою извѣстное выраженіе Гоголя: «на Руси умный человекъ—или пьяница, или рожу такую корчитъ, что хоть святыхъ вонъ выноси!» И вѣдь, какъ нарочно, почти всѣ подобные римляне просились въ анекдотъ, дѣйствительно были или пьяницы, или рожи корчили, словно на смѣхъ надъ «облагораживающимъ и духъ возвышающимъ классицизмомъ». Нашъ чудакъ-римлянинъ страннымъ образомъ не могъ переносить самыхъ невинныхъ устремленныхъ на него взглядовъ своихъ учениковъ, хотя именно римляне-то, какъ извѣстно изъ исторіи, и отличались особеннымъ мужествомъ. Не-

смотря на всѣ ободряющіе примѣры Муція Сцеволы и Горация Коклеса, о которыхъ онъ зналъ еще съ 3-го класса духовнаго училища, нашъ малодушный классикъ не только не прыгалъ въ пучины водъ и не клалъ въ огонь ни правой ни лѣвой руки, но, какъ я сказалъ, приходилъ въ ужасъ отъ всякаго упорнаго взгляда на него. Стоило только поставить стоймя толстѣйшую латинскую грамматику Попова, составленную по Цумфту, Герену и другимъ великимъ ученымъ, и пристально поглядѣть изъ-за корешка въ глаза нашему классическому наставнику, какъ съ нимъ дѣлалась своего рода Виттова пляска. Онъ начиналъ ерзать на стулѣ, суетливо мокалъ перо въ чернильницу, шлепая по бѣлымъ листамъ класснаго журнала черныя звѣзды кляксъ и растерянно моргая своими безцвѣтными глазами, стертymi, какъ старыи гривенникъ, начиналъ изрыгать, при дружномъ смѣхѣ класса, совсѣмъ уже не эстетическія, хотя, можетъ быть, и античныя ругательства:

— Гнусный мальчишка, крокодилъ, что ты пялишь на учителя свои дурацкія буркалы?

Конечно, сейчасъ же всѣ парты будто по командѣ оцетинивались, какъ боевое поле батареями, поставленными на ребро книгами и вмѣсто одной пары уже цѣлая сотня радостно впивалась въ злополучнаго латиниста.

— Злодѣи, смертоубійцы, вандалы, варвары! Вы хотите учителя со свѣту сжить!—мечется въ бѣшенствѣ разъярившійся старикашка, и первая схваченная имъ со скамьи латинская грамматика въ толстомъ корешкѣ, составленная по Цумфту, Герену и прочимъ лингвистамъ, вѣсомъ по меньшей мѣрѣ въ 5 фунтовъ, летитъ обыкновенно съ тяжестью чугунаго ядра въ голову легкомысленнаго зачинщика и стучаетъ его такъ больно, словно въ нее въ самомъ дѣлѣ засѣли

вмѣстѣ съ Поповымъ всѣ эти Цумфты, Герены и прочіе многоученые нѣмцы.

Могъ бы я, пожалуй, остановиться мыслью на одномъ профессорѣ, который позднѣе, въ университетѣ, увѣнчивалъ грандіозное зданіе школьнаго классицизма глубочайшими и возвышеннѣйшими идеями древности. Но, къ сожалѣнію, его пузатенькая кругленькая фигурка, съ багровымъ лоснящимся лицомъ и сугубо-багровымъ отъ усердныхъ возліяній классическому богу Бахусу носомъ въ его центрѣ, была изумительна похожа на самоваръ сбитеньщика, торговавшего около университета, и совсѣмъ не напоминала ни Платона ни Горація, по крайней мѣрѣ столь же мало, сколько его бурсацки-хохлацкая рѣчь, уснащенная отрыжками водки и соленыхъ огурчиковъ, напоминала краснорѣчіе Цицерона.

Притомъ всѣмъ намъ доподлинно было извѣстно, что античный идеализмъ нашего профессора ограничивался содержаніемъ возможно большаго числа студентѡвъ-пансіонеровъ съ довольно дорогими уроками, да пріобрѣтеніемъ 2-хъ-этажнаго домика съ мезониномъ на имя своей статской совѣтницы. Вслѣдствіе такихъ несомнѣнно-реальныхъ вкусовъ этого жреца классицизма онъ даже сталъ олицетворять въ нашихъ студенческихъ представленіяхъ самый откровенный культъ брюха.

Въ ходившемъ тогда по рукамъ «студенческомъ катехизисѣ» чуть ли не первымъ членомъ студенческаго «символа вѣры» стоялъ знаменательный текстъ: «кто признаетъ въ профессорѣ X, кромѣ плоти, еще духъ, да будетъ анаѡема!» Это былъ своего рода эффектный антитезъ къ стоявшему рядомъ другому столь же глубокому изреченію нашего катехизиса: «кто признаетъ въ профессорѣ Z, кромѣ духа, еще плоть, да будетъ анаѡема!»

Бѣдняга Z, худой и длинный, какъ вязига, только-что вынутая изъ спины осетра, съ наивностью младенца всю жизнь собиралъ какія-то малороссійскія пѣсни, не приносившія ровно никакой прибыли, и во всю долгую жизнь свою не раздобылся ни домикомъ, ни круглымъ брюшкомъ, въ видѣ самовара, ни женою-купчихою съ кругленькимъ капиталцемъ.

Нѣтъ, читатель, хотъ подъ присягою передъ окружнымъ судомъ готовъ свидѣтельствовать, что хотя въ свое время мы долгіе годы сидѣли, погруженные выше своихъ чубовъ въ котлѣ классицизма и варились въ немъ до бѣлаго каленія, но по крайней мѣрѣ на географическую милю кругомъ насъ не пахло даже издали никакимъ античнымъ духомъ, никакимъ платонизмомъ и идеализмомъ, а, напротивъ того, воротило носъ самую неподдѣльную доморощенную «матерію».

Поистинѣ странное вліяніе классическаго гуманизма! И вѣдь если бы у насъ однихъ, въ однѣхъ гимназіяхъ, а то куда ни взглянешь—все то же. Ужъ на что, кажется, всегда были переполнены классицизмомъ наши семинаріи, а вѣдь тоже что-то было не слышно объ особенномъ изяществѣ чувствъ, объ особенномъ платонизмѣ мыслей ни у халатниковъ-бурсаковъ, ни у почтенныхъ отцовъ и наставниковъ ихъ, такъ живописно изображенныхъ покойнымъ Помяловскимъ. А ужъ это ли еще не опытъ!

Да и помимо этихъ живыхъ образчиковъ мнимаго идеализма и гуманизма было бы историческою и логическою ложью утверждать, будто идеальное и гуманное настроеніе челоѣческаго духа, иначе сказать нравственный характеръ его, можетъ достигаться въ христіанскомъ обществѣ европейскаго народа на порогѣ XX вѣка не иначе, какъ съ помощью поученій язычниковъ, жившихъ за 2,000 лѣтъ до насъ, не познавшихъ не только Евангельскаго ученія о любви

и братствѣ всѣхъ людей, но даже незнакомыхъ съ азбукой современной общественной науки, видѣвшихъ въ рабствѣ и насиліи вѣнецъ желаннаго общественнаго устройства. Допускать такой *pop-sens*—значить унижать безъ малѣйшаго основанія и христіанство и европейскую цивилизацію, отрицать очевидную для всѣхъ плодотворность ихъ вліянія на развитіе гуманныхъ чувствъ и гуманныхъ отношеній среди человечества. Если классицизмъ и послужилъ въ свое время, какъ мы уже говорили выше, дѣлу гуманизма въ борьбѣ съ средневѣковою схоластикой и суевѣрнымъ фанатизмомъ, стяжавъ этимъ себѣ великую историческую заслугу, положивъ между прочимъ и свои плодотворныя сѣмена въ основу современной культуры, то во всякомъ случаѣ эта новая культура, питавшаяся и многими другими, еще болѣе могучими корнями, далеко потомъ переросла его и, воплотивъ въ себя все жизненное, что было въ классицизмѣ, сдѣлала его въ настоящее время совершенно излишнимъ.

Защитники классицизма, выбитые изъ своихъ передовыхъ позицій, прячутся обыкновенно въ свой послѣдній, самый надежный, по ихъ мнѣнію, редутъ—мнимую незамѣнимость латинской и греческой грамматики для строгой дисциплины молодыхъ умовъ, для такъ называемой «умственной гимнастики». Этотъ предрасудокъ основываютъ на особенной полнотѣ, сложности и своего рода окаменѣлости грамматическихъ правилъ въ этихъ мертвыхъ уже языкахъ и на особенной трудности ихъ усвоенія. Но въ смыслѣ трудности какой-нибудь китайскій или еврейскій языкъ оказались бы, пожалуй, еще много труднѣе, а излишняя сложность правилъ и безчисленное множество исключеній изъ нихъ только насилуютъ память и могли считаться великимъ педагогическимъ достоин-

ствомъ только съ точки зрѣнія схоластики, для которой корни всякаго ученія должны быть непремѣнно горьки. Въ наше время взгляды на этотъ предметъ совсѣмъ иные и наука стремится не къ нагроможденью одинъ на другой отдѣльныхъ законовъ и положеній, а къ простотѣ и обобщенію, ибо истина всегда проста и едина. Нельзя, конечно, отрицать, чтобы систематическое и тщательное изученіе въ теченіе цѣлаго длиннаго ряда лѣтъ одного и того же языка, богатаго формами и словами, не вырабатывало въ юношѣ известной сосредоточности и основательности теоретическаго мышленія, не приучало его къ усидчивому труду и напряженію воли, хотя бы весьма одностороннему. Эти-то результаты классическаго ученія, достигаемые при наиболѣе благопріятныхъ условіяхъ, заслоняютъ обыкновенно въ глазахъ сторонниковъ классицизма вредное значеніе господства въ школахъ мертвыхъ языковъ. Но вѣдь педагогія наша съ самыхъ среднихъ вѣковъ до послѣднихъ дней только и дѣлала, что возилась съ излюбленными своими классическими языками, разрабатывая до виртуозности дидактику ихъ, сосредоточивая на нихъ всѣ свои усилія и помышленія, отнимая на нихъ все время и учителя и ученика, приучая ихъ видѣть въ латинскомъ и греческомъ языкѣ альфу и омегу всякаго образованія и принося въ жертву этимъ мертвымъ богамъ всѣ другія живыя знанія, какъ недостойныя развязать ремень у ихъ сандалій.

Развѣ не достигалъ бы юноша, можетъ быть, еще болѣе основательности, сосредоточенности и усидчивости, если бы его точно также воспитывали въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ на столь же тщательномъ и систематическомъ изученіи всякаго другого, хотя бы своего родного или живого иностраннаго языка, и если бы эти языки, въ свою очередь, подвергались та-

кой же многовѣковой любовной разработкѣ ихъ педагогами и были поставлены въ то самое господствующее положеніе въ школѣ, въ какое ставятся у насъ до сихъ поръ мертвые языки. Математика, судьбы которой были нѣсколько счастливѣе другихъ школьныхъ предметовъ, показала ясно, какихъ плодотворныхъ результатовъ для образованія извѣстныхъ сторонъ ума можно достигнуть долгою и заботливою выработкою дидактическихъ приѣмовъ для преподаванія науки. А между тѣмъ какая громадная разница между тою условною и узкою пользою, какую можетъ приносить изученіе мертвыхъ языковъ, и великимъ воспитательнымъ значеніемъ для юноши живыхъ знаній!

Классицизмъ не даетъ въ руки человѣку, вступающему въ жизнь, рѣшительно никакого орудія для правильной оцѣнки жизни и для борьбы съ неблагоприятными ему условіями ея. Мало того, онъ, можно сказать, заранѣе обезсиливаетъ человѣка, питая его юность однѣми теоретическими иллюзіями, устраняя его мысль, чувства и волю отъ всякаго живого, дѣйствительно существующаго интереса, скрывая отъ него тотъ мощный ликъ природы, безъ познанія котораго умъ человѣка остается пустопорожнимъ, а силы человѣка безплодными. Классицизмъ собственно и есть главный очагъ и источникъ того книжничества, которымъ страдаетъ наше современное поколѣніе и о гибельномъ вліяніи котораго на силы и счастье человѣка я говорилъ подробно въ недавней замѣткѣ своей. Классицизмъ наполняетъ наше общество идеологами и непрактичными мечтателями, не умѣющими оцѣнить жизненное значеніе дѣлъ и явленій, вѣчно недовольными жизнью съ высоты своихъ отвлеченныхъ, непримѣнимыхъ къ дѣйствительности требованій; классицизмъ, порывая своимъ подавляющимъ

господствомъ въ школѣ почти всякую связь учащихъ съ роднымъ языкомъ, родною исторіею, родною землею и природою, замѣняя реальныя чувства и мысли условными теоретическими представленіями, готовить изъ нашихъ юношей равнодушныхъ космополитовъ, не дорожащихъ ничѣмъ своимъ, не умѣющихъ любить и уважать свое родное и совсѣмъ не знающихъ его. Сосредоточивая все вниманіе молодыхъ поколѣній на грамматическихъ формахъ и литературныхъ вымыслахъ отжившихъ народовъ чуждаго намъ міросозерцанія, классицизмъ невольно развиваетъ въ своихъ питомцахъ одностороннюю способность діалектическихъ выводовъ, теоретическаго представленія, убивая въ корнѣ другую крайне важную способность—способность наблюденія, наведенія, живого опыта. Не говоря уже о томъ, что, оставляя воспитаннаго имъ юношу безъ малѣйшаго знакомства съ законами природы, онъ съ бессознательною жестокостью выбрасываетъ его изъ школы въ міръ неумолимой борьбы стихій и людей, невѣжественнаго и безсильнаго, какъ новорожденный младенецъ, во всѣхъ вопросахъ практическаго труда. Совсѣмъ иную, живую и радостную пищу вмѣсто этой мертвечины дало бы нашимъ молодымъ поколѣніямъ теперь заброшенное и незаслуженно посрамленное образованіе, основанное на изученіи окружающей насъ природы, родной страны, родной исторіи, родного языка, родной литературы, конечно, съ большимъ участіемъ математики и новыхъ языковъ.

Заподозрѣть и оклеветать, какъ педагогически неблагонадежную, великую науку о природѣ могли только потому, что воспитанные классицизмомъ и надменные своими отвлеченными идеями близорукіе мыслители не сумѣли вѣрно понять и прочесть открытую для всѣхъ неиспорченныхъ душъ божественную книгу

міра. Идеологи эти, привыкнувъ заниматься только твореніями чловѣка, выраженными въ языкѣ и литературѣ, примѣнили свои діалектическіе пріемы и къ тайнамъ вселенной, поставили свою собственную безсильную мысль ея безапелляціоннымъ судьей и, не сумѣвъ постигнуть въ ней присутствіе Вѣчнаго Разума и Вѣчной Воли, отвергли, какъ неразумныя дѣти, самое существованіе ихъ... А между тѣмъ чѣмъ безпристрастнѣе и глубже проникаетъ духовный взоръ чловѣка въ величественныя тайны природы, тѣмъ осязательнѣе и убѣдительнѣе сознаетъ чловѣкъ, что и онъ и все окружающее его подчиняются непостижимой нашему ограниченному уму Всемогущей Силѣ, направляющей всѣ изумительно сложныя и неисчислимыя явленія міровой жизни въ гармонически-чудномъ строѣ, по непоколебимо установленнымъ законамъ, къ опредѣленнымъ разумнымъ задачамъ. Нигдѣ мыслящій чловѣкъ такъ не чувствуетъ естественнаго предѣла своихъ собственныхъ силъ и господство надъ всѣмъ Высшаго Разума и Высшей Правды, какъ при изученіи законовъ природы. А это сознаніе есть необходимая основа нравственности и правильнаго взгляда на обязанности и права чловѣка, иначе сказать, на вопросъ житейскаго счастья. Да и въ смыслѣ «умственной гимнастики» изученіе великихъ органическихъ законовъ природы въ ихъ вѣковѣчной непреложности и ихъ дивной стройности производитъ ни съ чѣмъ не сравнимое по своей плодотворности вліяніе на мысль чловѣка. Въ этомъ отношеніи никакія грамматики и логики не могутъ даже близко стать по своему воспитательному значенію къ грандіозной живой логикѣ, положенной въ основу существующаго міра и наглядно подтверждаемой всѣми явленіями его. Если бы наша педагогія стряхнула наконецъ съ себя многовѣковую спячку въ грезахъ

давно отжившей мертвечины и со всѣмъ одушевленіемъ искренняго убѣжденія обратила свои усилія на учебную разработку природовѣдѣнія въ цѣляхъ школы, то въ рукахъ нашей средней школы очутился бы учебно-воспитательный матеріаль такой строгой систематичности, такой изумительной послѣдовательности и полноты, такой неподражаемой наглядности и общедоступности, рядомъ съ которымъ столь расхваливаемыя сторонниками классицизма педагогическія достоинства латинской и греческой грамматики возбуждали бы только улыбку сожалѣнія. Не говоримъ ужъ о томъ незамѣнимомъ живительномъ вліяніи, которое всегда производитъ на дѣтей и юношей изученіе живой природы, открывающее имъ красоту и чудеса вселенной, наполняющее ихъ сердца непосредственной радостью жизни и невольнымъ благоговѣніемъ къ Творцу этой красоты и этой радости. Не нужно забывать, что изученіе природы не можетъ происходить только въ стѣнахъ класса, а непременно выводитъ ребенка и юношу въ лѣсъ, въ поле, въ горы, на синія воды рѣкъ и озеръ; ужъ одно это условіе, спасающее молодой организмъ отъ вѣчно-сидячей жизни на скамьѣ, отъ однообразной возни съ лексиконами и грамматиками, освѣжающее не только его душевное настроеніе, но и его легкія, его кровь, его нервы, явилось бы великимъ воспитательнымъ преимуществомъ и однимъ изъ вѣрнѣйшихъ лекарствъ противъ теперешней преждевременной старости и скуки жизни нашихъ молодыхъ поколѣній.

Дальнѣйшее упрямое коснѣзіе наше въ суевѣріи средневѣковой педагогіи дѣлается особенно непростительнымъ и прямо непостижимымъ для здраваго ума, когда оглядываешься безпристрастнымъ взглядомъ на то, что дѣлается теперь кругомъ насъ, и видишь, что на сцену исторіи все властительнѣе и настойчивѣе

выступаютъ экономическія силы и экономическіе интересы народовъ, отодвигая на задній планъ когда-то господствовавшія политическія, религіозныя и всякія другія задачи.

Развитіе реальныхъ знаній и промышленной техники всякаго рода, какъ ихъ практическаго приложенія, опредѣляетъ въ наше время не только богатство и внутреннее благосостояніе народа, но вмѣстѣ съ тѣмъ и его положеніе среди другихъ народовъ, дѣлая болѣе знающій и лучше умѣющій народъ господиномъ своего рода надъ народами, отсталыми въ этомъ смыслѣ, которые волею-неволею обращаются въ данниковъ промышленно-передовыхъ народовъ, покупая у нихъ дорогою цѣною все то, чего не умѣютъ производить сами, и отдавая имъ за ничто свои сырые продукты, съ которыми не умѣютъ обращаться. Война кошелькомъ, война торговымъ рынкомъ сдѣлалась теперь рѣшительницею судебъ народа гораздо болѣе, чѣмъ война мечомъ, и какой великій грѣхъ мы совершимъ передъ будущими поколѣніями нашими, если, закрывъ глаза на грозныя явленія дѣйствительности, оставляя свое юношество позорными невѣждами въ самомъ на-сущно-необходимомъ для нихъ, будемъ убаюкивать себя старыми нянькиными сказками о какомъ-то чудотворномъ значеніи латинской грамматики для спасенія человѣчества. «Борьба за жизнь перенесла свою дѣятельность на поприще школы,—говоритъ Э. Ренанъ въ одной изъ своихъ образцовыхъ рѣчей, обращенныхъ къ лицеистамъ Louis le Grand,—нація, менѣе просвѣщенная, будетъ неминуемо вычеркнута или—что то же—будетъ отброшена на второй планъ націею болѣе просвѣщенною».

Нѣтъ, поучимся лучше у классицизма тому, чему онъ дѣйствительно можетъ съ пользою научить насъ. Вѣдь дѣйствительный «классицизмъ» классическихъ на-

родовъ, грековъ и римлянъ, состоялъ ни въ чемъ другомъ, какъ въ изученіи своей родной рѣчи съ нравственно-патріотическою цѣлью въ ея поэтическихъ произведеніяхъ, въ ея примѣненіи къ политическому и судебному краснорѣчію, въ изученіи математики и философіи природы, въ занятіяхъ музыкою и гимнастикою, иначе сказать, стремился къ совершенно практической цѣли — образовать добрыхъ гражданъ своей земли, здоровыхъ духомъ и тѣломъ, а вовсе не задавался фантастическими задачами изучать ради мнимой умственной дисциплины какой-нибудь чуждый имъ египетскій, финикійскій или индусскій языкъ. Да, трудно и повѣрить, чтобы Господь Богъ такъ чудно сотворилъ людей, что они могутъ стать умными и дѣльными членами своего общества не иначе, какъ посвятивъ всю свою молодость тщательнѣйшему изученію тѣхъ сочиненій и той рѣчи, на которой говорили и на которой писали народы, жившіе двѣ тысячи лѣтъ назадъ на маленькихъ полуостровкахъ Европы—Апеннинскомъ и Аттико-Пелопонезскомъ...

Какая школа нужна нашимъ дѣтямъ?

(Мысли стараго педагога).

Самъ Онъ даровалъ мнѣ не-
ложное познаніе существующа-
го, чтобы познать устройство
міра и дѣйствіе стихій, при-
роду животныхъ и свойства
звѣрей, стремленія вѣтровъ и
мысли людей, различія растений
и силы корней...

(«КНИГА ПРЕМУДРОСТИ»
СОЛОМОНА).

I.

Въ своихъ недавнихъ статьяхъ: «Живая душа въ школѣ», «Книжный изморъ» и «Классическое суевѣріе»,—я уже имѣлъ случай высказаться въ общихъ чертахъ о томъ, какою не должна быть школа, и съ тѣмъ вмѣстѣ, конечно, коснулся неизбѣжнымъ образомъ и своихъ положительныхъ взглядовъ на задачи школы.

Въ настоящей замѣткѣ мнѣ хочется, въ дополненіе и уясненіе уже высказанныхъ мыслей, дать читателю болѣе цѣльный набросокъ того, чѣмъ должна быть, по моему понятію, средняя русская школа, хотя я, ра-

зумѣтся, не собираюсь въ газетной статьѣ сочинять программы для этой школы и устанавливать систематическій планъ ея устройства.

Школа должна прежде всего не только учить тому, какъ готовить уроки, но и дѣятельно помочь своему питомцу сдѣлаться въ будущемъ полезнымъ членомъ своей семьи, своего общества, своего государства, словомъ—сдѣлаться человекомъ, достойнымъ имени человека. Школа должна быть родною школою, то есть воспитывать русскаго гражданина, а не какого-нибудь беспочвеннаго и безучастнаго къ своему народу космополита, въ родѣ тѣхъ, про которыхъ остроумно выразился оригинальнѣйшій изъ французскихъ мыслителей: «*Tel philosophe aime les tartares pour être dispensé d'aimer ses voisins*» (иной философъ готовъ полюбить татарина, чтобы только избавиться отъ обязанности любить своего сосѣда). Школа должна быть для своего ученика родною и въ другомъ смыслѣ, какъ родна ему его семья, т. е. должна основать свои отношенія къ дѣтямъ на любви и сердечномъ участіи. Школа должна быть практична и жизненна, должна избирать орудіями своего вліянія на воспитывающихся не одну книгу и не одни разговоры, но и дѣйствительную работу надъ тѣмъ или другимъ дѣломъ, но и наглядное знакомство съ явленіями жизни въ ихъ естественной обстановкѣ.

Наконецъ школа должна быть школою здоровья, не только умственнаго, но и тѣлеснаго, а не школою убійства этого здоровья.

Эти основныя начала должны лечь краеугольнымъ камнемъ всякой школы вообще, въ особенности же средней школы, которая охватываетъ собою самый важный и впечатлительный возрастъ нашихъ молодыхъ поколѣній и даетъ рѣшающее направленіе ихъ будущей судьбѣ.

Однимъ словомъ—нынѣшнія наши «учебныя» заведенія должны стать «воспитательными» заведеніями,— вотъ единственный плодотворный путь, который предстоитъ имъ, если мы не для одной только проформы, а со всею серьезностью озабочены улучшеніемъ нашего средняго образованія.

Какъ же достичь этого?

Во-первыхъ, переменною программы, то-есть матеріала, изучаемаго въ школѣ, во-вторыхъ, измѣненіемъ самаго духа школы, ея цѣлей и приемовъ. Первое, конечно, осуществить гораздо легче, чѣмъ второе, потому что для измѣненія школьныхъ программъ нужны только инныя книги и пособія, а для перерожденія внутренняго духа школы почти всегда необходимы инныя люди, ибо въ рѣдкихъ случаяхъ «мѣхи старыя» бываютъ способны вмѣстить въ себя «вино новое».

Переменную программу можно изложить въ общихъ чертахъ коротко и ясно: изгнать изъ общеобразовательной средней школы со всею рѣшительностью, безъ малѣйшихъ колебаній и компромиссовъ, латинскій и греческій языки, предоставивъ изученіе ихъ спеціальнымъ школамъ, подготовляющимъ филологовъ, археологовъ и т. п. Положить основою образованія, необходимаго каждому человѣку, познаніе окружающаго его міра, своего народа, своей земли, своего языка и письменности, а также, въ извѣстной мѣрѣ, жизни и языка тѣхъ народовъ, съ которыми нашему родному народу приходится жить и вести дѣла разнаго рода.

Давно необходимое изгнаніе изъ школы бесполезныхъ занятій мертвыми языками дастъ въ распоряженіе школы такой запасъ времени, въ который будетъ незатруднительно размѣстить необходимѣйшіе предметы преподаванія, не находящіе теперь себѣ мѣста.

Основы физики, химии, механики, астрономии, физической географии, геологии, зоологии, ботаники, включая въ нихъ физиологію и анатомію животныхъ и растений, вмѣстѣ съ математикою, какъ ихъ общимъ логическимъ закономъ, то есть то именно, что составляетъ содержаніе современной науки и на чемъ построена вся многообразная практическая дѣятельность просвѣщенныхъ народовъ современнаго міра, должны получить и въ школѣ подобающее имъ значеніе, сколько-нибудь соотвѣтствующее ихъ незамѣнимой важности въ дѣйствительной жизни человѣка.

Пусть не пугаются такого числа предметовъ и такихъ громкихъ научныхъ названій, да и не пугаютъ ими другихъ—сторонники схоластической школы.

Руководящимъ девизомъ жизненной школы должно стать здоровое педагогическое правило: *multum, sed non multa* (много, но не многое).

Никакой нѣтъ надобности да и никакой возможности заставлять дѣтей средней школы изучать во всѣхъ подробностяхъ всѣ безчисленные факты этихъ наукъ.

Вполнѣ достаточно основательнаго, облегченнаго живыми опытами и наблюденіями усвоенія ими самыхъ главныхъ явленій и законовъ, которыхъ касаются эти науки, составляющія въ сущности одну великую и нераздѣльную науку природы. Эти знанія необходимы для того, чтобы разсѣять умственную тьму учащихся и дать имъ возможность сколько-нибудь сознательно относиться къ ежедневно окружающимъ ихъ и возбуждающимъ ихъ глубокое любопытство чуть не съ самаго рожденія, загадочнымъ явленіямъ природы и ея таинственнымъ силамъ. Оставлятъ же подрастающаго юношу въ слѣпотѣ насчетъ тѣхъ вліяній и условій, которыхъ дѣйствіе онъ ощущаетъ на каждомъ своемъ шагу, отъ которыхъ тѣс-

нѣйшимъ образомъ зависить его собственная жизнь и его собственная дѣятельность,—было бы и безуміемъ и преступленіемъ. Человѣкъ не можетъ не знать, по какимъ законамъ двигаются надъ нимъ мѣсяць и звѣзды, восходить и заходить солнце, смѣняются времена года; человѣкъ не можетъ не знать, изъ чего состоитъ воздухъ, которымъ онъ дышитъ, откуда берется желѣзо и золото, играющія такую огромную роль среди людей, по какимъ законамъ паръ двигаетъ желѣзнодорожный поѣздъ, а вода—колеса мельницы, не можетъ не знать, отчего птица летаетъ, чѣмъ кормится животное, какъ изъ сѣмечка вырастаетъ большое дерево. Безъ этихъ знаній онъ слѣпецъ, онъ невѣжда, онъ само безсиліе, хотя бы и умѣлъ свободно перевести эклогу Виргилія или рѣчь Демосѣна.

Познаніе природы есть въ одно и то же время и нравственная обязанность человѣка,—ибо какой стыдь не знать этой общей матери нашей, родящей и кормящей человѣчество,—и величайшая практическая потребность его.

Но помимо этого, даже съ чисто учебной и воспитательной точки зрѣнія, никакой другой предметъ изученія не можетъ сравниться по своей глубочайшей поучительности съ преподаваніемъ науки о природѣ, если оно ведется такъ, какъ этого требуетъ внутренній характеръ этой единственной въ своемъ родѣ науки, науки по преимуществу, которой одной только и присвоено у просвѣщенныхъ народовъ Запада названіе «sciences», въ отличіе отъ «lettres», подъ которыми понимается весь циклъ грамматическихъ, литературныхъ и историческихъ свѣдѣній.

Хотя бы мы въ своемъ долговременномъ невѣжествѣ и слѣпотѣ относительно значенія для насъ науки о природѣ сообразили когда-нибудь, что даже са-

мый языкъ нашъ долженъ былъ давно навести насъ на мысль, что не даромъ же только одно изученіе природы именуется нами «естественными» науками и что слѣдовательно самое естественное дѣло для разумнаго человѣка изучать не что-нибудь неестественное, а именно то, что мы сами признали естественнымъ, т. е. дѣйствительно, а не вообразимо существующимъ.

Изученіе природы, конечно, должно быть по возможности среди природы и на живой природѣ нагляднымъ путемъ наблюдений и опытовъ, а ужъ никакъ не по однимъ книжкамъ. Иначе это будетъ повтореніе тѣхъ же вредныхъ заблуждений, отъ которыхъ страдаетъ наша современная школа, такое же одностороннее насилуваніе памяти ребенка и его способности теоретическихъ представленій; мало того, такой безжизненный способъ обученія убьетъ въ учащихся всякій интересъ къ природѣ, всякую любовь къ ней, ибо обратитъ въ сухую и скучную номенклатуру, въ трудно доступныя и ни сколько неубѣдительныя книжныя опредѣленія—всю живую и наглядную красоту, все радующее разнообразіе природныхъ явленій. Если же школа вызоветъ въ дѣтяхъ дѣятельное вниманіе къ этимъ явленіямъ и разумное пониманіе ихъ, если она осмыслитъ и разовьетъ въ нихъ врожденную въ каждомъ любовь къ матери-природѣ и искреннее влеченіе къ ней,—то вотъ уже и готова надежная нравственная и умственная почва, съ которой будетъ трудно сдвинуть молодой духъ. Природа и сама по себѣ, и какъ предметъ изученія обладаетъ удивительнымъ свойствомъ исполнять сердце человѣка чувствомъ успокоенія, довольства, бодрости, сочувствія къ міру и людямъ. Недаромъ еще древніе называли ее «матерью-цѣлительницею» духа и тѣла. Точно такъ же благодѣтельно дѣйствуетъ живое познаніе при-

роды и на мысль человека. Своею осязательно-убѣдительною, роковою закономѣрностью природа незамѣтно сдерживаетъ всякія болѣзненные и одностороннія увлеченія теоретической мысли и непрактичныхъ фантазій человека, приучаетъ его смиренно покоряться закону вещей и сознать естественные предѣлы возможнаго и невозможнаго человеку, воспитываетъ въ немъ правдивые взгляды, способность терпѣнія, внимательности и вмѣстѣ съ тѣмъ смѣлой борьбы, основанной не на случайной вспышкѣ сердца, а на твердомъ знаніи того, съ чѣмъ приходится бороться.

Вообще говоря, только знакомство съ неопровержимыми живыми фактами развиваетъ въ умѣ человека объективныя сужденія и объективныя отношенія къ міру; только при изученіи природы человекъ имѣетъ случай упражнять свои умственные силы въ самомъ плодотворномъ и самомъ жизненномъ методѣ мышленія—синтезѣ явленій, безъ котораго одна аналитическая способность ума, привыкшаго только разлагать явленія на ихъ составные элементы,—лишила бы его всякой силы творчества, остановила бы всѣ открытія и изобрѣтенія человечества.

Природа вмѣстѣ съ тѣмъ всегда была, есть и будетъ главнымъ источникомъ поэтическаго настроенія, располагающаго человека относиться съ удвоеннымъ сочувствіемъ къ людямъ и къ жизни и этимъ могуче помогающаго ихъ житейскому счастью.

Я глубоко убѣжденъ, кромѣ того, что истинное сближеніе человека съ природою, познание ея изумительныхъ тайнъ, наполняя мысль и сердце его невольнымъ восторгомъ передъ красотой міра, невольнымъ благоговѣніемъ къ недосягаемой мудрости и непостижимому могуществу невѣдомой Причины его бытія, прочнѣе и убѣдительнѣе всякихъ другихъ вліяній

поселяетъ въ сознаниі и даже въ инстинктахъ чело-
вѣка неустранимую потребность вѣры въ существо-
ваніе Высшаго Разума и Высшей Воли, вызвавшихъ
на свѣтъ все сущее и направляющихъ его по строго
установленнымъ законамъ.

Недаромъ природа у всѣхъ народовъ была первою
учительницею и насадительницею религіи, хотя сла-
бая мысль полудикаго челоуѣка и не умѣла еще под-
няться выше видимыхъ явленій природы къ ихъ
Источнику.

Недаромъ и Христосъ, принесшій намъ истинную
вѣру, почти всегда проповѣдывалъ свое Евангельское
ученіе не въ синагогахъ и школахъ, а на лонѣ жи-
вой природы, съ прибрежныхъ холмовъ или рыбац-
кихъ лодокъ Генисаретскаго озера, въ тѣни Геѳси-
манскаго сада, на заросшей маслинами горѣ Элеон-
ской, у колодца Іосифа...

По моему глубокому убѣжденію, устраненіе изъ вос-
питанія челоуѣка изученія природы, удаленіе его
отъ нея вредными распорядками нашей школьной
жизни, — послужило одною изъ главныхъ причинъ
той нравственной и умственной дряблости, отъ кото-
рой страдаетъ современная молодежь и которая, съ
своей стороны, вызываетъ столько печальныхъ обще-
ственныхъ явленій.

Вся жадная любознательность молодого мозга, всѣ
неясныя еще сочувствія молодого сердца, не полу-
чивъ естественнаго выхода въ любви къ природѣ, въ
познаніи природы, не подвергшись ея умиряющему и
направляющему вліянію, бросаются сами собою въ
единственную открытую передъ ними область отвле-
ченнаго мышленія, не провѣряемаго никакими фак-
тами дѣйствительности, и принимаютъ характеръ одно-
сторонняго и нерѣдко фанатическаго раціонализма.
Раціонализмъ этотъ обрабатываетъ на свой страстный

и неопытный манеръ весь тотъ поверхностный и удобоподвижный матеріаль, которымъ съ такою неосторожною щедростью снабжаетъ его школа книжничества, и приходитъ, какъ мы часто видимъ, къ самымъ фантастическимъ, самымъ неосуществимымъ выводамъ. Природа не дала бы ему возможности такъ свободно мудрить надъ ея ясными и твердыми законами, не полетѣла бы за нимъ на его крыльяхъ Икара, а притянула бы его къ себѣ, къ своей несомнѣнной правдѣ, и вдохнула бы въ него, какъ земля въ мифологическаго Антея, не воображаемую, а дѣйствительную силу.

Чтобы поставить науку о природѣ,—этотъ краеугольный камень всякаго знанія и всякаго практическаго умѣнья краеугольнымъ камнемъ нашей школы, разумѣется, нужно не мало. Мы слишкомъ много виноваты передъ этою наукою изъ наукъ, слишкомъ долго и слишкомъ упорно забывали ее,—чтобы можно было рассчитывать возстановить ея истинное значеніе въ воспитаніи нашихъ молодыхъ поколѣній безъ серьезныхъ усилій и серьезныхъ затратъ. Мы должны выработать тщательные и разумные методы для школьнаго преподаванія разныхъ вѣтвей этой науки, должны умѣло выбрать изъ громадной массы ихъ фактическаго матеріала наиболѣе характерные и наиболѣе важные факты, не гоняясь за мелочами и за формальною полнотою системы; должны составить дѣльные и талантливые учебники, не похожіе на огромное большинство теперь существующихъ, представляющихъ большею частію только нѣкоторое механическое сокращеніе специальныхъ научныхъ изслѣдованій, нисколько не приспособленное ни къ дѣтскимъ потребностямъ, ни къ задачамъ воспитанія. Мы должны снабдить наши среднія школы, не жалѣя на это средствъ, хотя бы скромными собраніями разныхъ на-

глядныхъ пособій по естествознанію, физикѣ, химіи, механикѣ и пр., такъ какъ изучать эти науки безъ необходимыхъ пособій—все равно, что учить столярству, не давая ученику въ руки ни рубанка, ни стамески, или обучать матроса мореплаванію безъ корабля и моря. Средняя школа не университетъ и не академія. Для ея воспитательныхъ цѣлей вполне достаточно имѣть не дорогія полныя коллекціи всевозможныхъ произведеній природы, не богато всѣмъ снабженные кабинеты и лабораторіи, а только немногихъ типическихъ представителей разныхъ царствъ природы, немногіе характерные модели и препараты для фізіологіи и анатоміи, нѣсколько приборовъ для подтвержденія основныхъ законовъ физики, химіи, астрономіи, географическіе глобусы, картины для волшебнаго фонаря и т. п. Тутъ важно не количество, а разумный и внимательный выборъ, который не пропустилъ бы ничего существеннаго, лежащаго въ основѣ многаго другого, что послѣ неизбежно должно встрѣтаться въ жизни человѣка. Кромѣ того, не нужно забывать, что разъ живетъ въ учителѣ страсть къ изученію природы, разъ этою страстью проникнутся ученики его, то въ самое короткое время въ заведеніи появится цѣлый богатый музей представителей мѣстной фауны, флоры и всего вообще мѣстнаго, а у искуснаго учителя будутъ еще устраиваться домашними средствами и многіе болѣе простые проборы для физики, химіи и т. п.

Но самое главное мы должны приготовить значительное число преподавателей, не только хорошо знающихъ свою науку, но еще умѣющихъ,—что гораздо труднѣе,—толково обучать ей; отъ учителя естествовѣдѣнія требуется больше условій, чѣмъ отъ всякаго другого. Онъ долженъ быть человѣкъ жизни, бодрый, подвижный, способный увлечь дѣтей своею

любовью къ природѣ и привить имъ эту любовь. Онъ долженъ быть къ тому же находчивымъ и ловкимъ, что называется практическимъ человѣкомъ, который не будетъ затрудняться, гдѣ что достать для демонстраціи или опытовъ, какъ подступить къ тому или другому наблюденію, какимъ образомъ устроить учебную экскурсію съ учениками, набить чучело убитой птицы или звѣрька, поймать нужную рыбу и пр. Словомъ—онъ долженъ быть душою своего класса, возбуждателемъ его энергіи къ работѣ и его любознательности, опытнымъ и сердечнымъ руководителемъ его въ изученіи природы.

Трудно достать много такихъ учителей при настоящихъ условіяхъ, когда естественныя науки считаются какою-то опасною ересью, изгоняемою изъ всѣхъ добропорядочныхъ учебныхъ заведеній. Но вѣдь давно ли мы расходовали значительныя суммы на искусственное распложеніе учителей никому ненужныхъ мертвыхъ языковъ, заводя на русскія деньги греко-римскія академіи даже въ Саксоніи, выписывая классиковъ-чеховъ, обращая чуть не насильственно общеобразовательные лицеи въ спеціальныя семинаріи для латинскихъ и греческихъ учителей и основывая, помимо нѣсколькихъ филологическихъ факультетовъ, наполнявшихся почти исключительно казенными стипендіатами, еще спеціальнѣйшій филологическій институтъ? Неужели же меньшей заботы и меньшихъ расходовъ заслуживаетъ такое важное дѣло, какъ подготовка хорошихъ учителей для обученія нашихъ дѣтей великой наукѣ природы, разъ мы признаемъ наконецъ ея настоящую необходимость?

Вообще вопросъ о подготовкѣ не преподавателей только, а учителей-воспитателей, и въ первую очередь учителей естествознанія, долженъ стать центральнымъ вопросомъ нашего обновленнаго школь-

наго дѣла. Безъ особенной педагогической выработки человѣкъ, даже хорошо усвоившій себѣ факты науки, еще далеко не можетъ считаться хорошимъ учителемъ. Знаніе науки и умѣнье преподавать ее, это—двѣ вещи совершенно различныя. Но, кромѣ умѣнья преподавать, учителю необходимо еще быть воспитателемъ. Это не значитъ, чтобы онъ непременно несъ формальныя обязанности воспитателя, но ему необходимо сообразовать свое преподаваніе со многими воспитательными цѣлями, содѣйствовать на почвѣ преподаванія общему воспитательному плану заведенія. Въ шестидесятыхъ годахъ военно-учебное вѣдомство, шедшее въ министерство Милютина и въ управленіе генерала Исакова впереди нашего образовательнаго движенія, учредило подъ ближайшимъ руководствомъ генерала Даниловича, бывшаго впоследствии воспитателемъ нынѣ благополучно царствующаго Государя Императора, особые педагогическіе курсы для подготовки учителей въ военно-учебныя заведенія.

Эти двухгодичные курсы, къ преподаванію на которыхъ были привлечены самыя свѣжія и талантливыя педагогическія силы того времени и къ слушанію которыхъ допускались только лица, окончившія курсъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, устроены были образцово и успѣли приготовить не мало превосходныхъ учителей по разнымъ предметамъ преподаванія. Къ сожалѣнію, въ министерство генерала Ванновскаго признано было полезнымъ закрыть эти крайне необходимые курсы и прекрасное помѣщеніе ихъ было отдано подъ какое-то училище военныхъ писарей.

Подобнаго рода педагогическіе курсы или семинаріи было бы насущно необходимо устроить и теперь для подготовки учителей-воспитателей нашей средней школы.

Въ самомъ дѣлѣ, не дико ли, не безумно ли, что мы учредили учительскіе институты для городскихъ школъ, учительскія семинаріи для школъ народныхъ, — и оставили безъ малѣйшей педагогической подготовки учебно-воспитательный персоналъ нашей средней школы, куда теперь поступаетъ учителемъ безъ малѣйшей провѣрки и выбора каждый, кто заручился университетскимъ дипломомъ, то-есть доказалъ нѣкоторое знаніе свое факультетскихъ предметовъ преподаванія.

Руководителей такихъ учрежденій слѣдовало бы избирать съ величайшимъ вниманіемъ, потому что только человекъ, всесторонне подготовленный къ такому важному дѣлу, человекъ, сердечно сочувствующій ему и готовый отдать ему всю свою душу, — будетъ способенъ зажечь и въ помощникахъ своихъ, и въ своихъ слушателяхъ тотъ святой огонь любви къ дѣтямъ, то благородное рвеніе къ самоотверженному исполненію своего долга, безъ которыхъ немислимъ истинный воспитатель.

Найти подходящихъ людей для немногихъ такихъ учрежденій, конечно, возможно. А между тѣмъ они стали бы педагогическими очагами своего рода, изъ которыхъ во всѣ концы нашего отечества выходили бы дѣятели школы, плодотворно настроенные, разумно подготовленные, сознательно усвоившіе себѣ высокія цѣли той учебно-воспитательной дѣятельности, которой они посвятили себя. И не слѣдовало бы жалѣть никакихъ матеріальныхъ средствъ на образцовую организацію такихъ педагогическихъ семинарій, потому что отъ ихъ успѣшнаго хода, отъ того жизненнаго духа, которымъ они сумѣютъ одушевить своихъ питомцевъ, будетъ зависѣть судьба всѣхъ тѣхъ безчисленныхъ учебныхъ заведеній, куда питомцы эти явятся потомъ наставниками, воспитателями, руководителями. Нечего говорить, что если и эти основные

центры воспитанія обратятъ въ педагогическіе казармы или учебный департаментъ, то изъ нихъ будутъ выходить только чиновники министерства народнаго просвѣщенія, интересующіеся мундирами, и циркулярами, нисколько не лучше тѣхъ, которыми переполнены наши теперешнія гимназіи и реальныя училища.

Тогда какой же будущности ждаты и отъ нашей средней школы! «Аще и соль обуяетъ, чимъ осолите?» Ни для какихъ другихъ наукъ такъ не важна педагогическая подготовка учителей, какъ именно для науки о природѣ. Она всѣхъ менѣе разработана дидактически и всѣхъ болѣе требуетъ строгой обдуманности и опытности. Неумѣлый учитель можетъ легко обратить въ пустую болтовню или въ скучный наборъ безчисленныхъ терминовъ эту самую систематическую и самую содержательную изъ наукъ. Не говоря уже о физикѣ, механикѣ и имъ подобныхъ наукахъ, основанныхъ на строгихъ законахъ математики, даже такъ называемая по старинному неудачному термину «естественная исторія», то-есть зоологія, ботаника, минералогія, представляетъ въ своихъ классификаціяхъ, въ данныхъ сравнительной анатоміи, морфологіи, кристаллографіи, такія изумительно стройныя и сложныя системы, такой рядъ наглядныхъ и для всякаго убѣдительныхъ аналогій, параллелей, постепенностей развитія, такое математически послѣдовательное и геометрически ясное проявленіе одной и той же органической идеи въ разнородныхъ типахъ, классахъ, родахъ и видахъ, что съ ихъ образовательнымъ вліяніемъ на закономѣрную правильность мысли ребенка, на полноту и жизненность его представленій не могутъ сравняться никакіе отвлеченные законы грамматики или логики.

Но, развивая помощью науки о природѣ объективныя познанія и синтетическія способности учащихся, знакомя ихъ съ тою вселенною, съ тѣмъ громаднымъ макрокозмомъ, ничтожную частицу котораго составляетъ ихъ собственный микрокозмъ,—средняя школа должна съ такимъ же вниманіемъ отнестись и къ другой, субъективной сторонѣ ума въ развитіи своихъ учениковъ.

Интересенъ человѣку міръ Божій, но въ этомъ Божіемъ мірѣ все-таки самое интересное для него онъ самъ. Познаніе законовъ человѣческой мысли; явленій человѣческой воли—безконечно важны для человѣка. Поэтому языкъ, выражающій мысли человѣка, въ своемъ строеніи и въ своихъ произведеніяхъ, иначе сказать—грамматика и литература, должны быть необходимыми предметами школьнаго преподаванія, точно также какъ исторія, излагающая явленія жизни человѣческой.

И то, и другое—и законы рѣчи, и законы исторіи человѣкъ легче всего и плодотворнѣе всего можетъ изучить на своемъ собственномъ прирожденномъ ему языкѣ, на своей собственной письменности, на событіяхъ своей народной жизни, потому что тутъ ему понятны самые тончайшіе оттѣнки мысли и выражений, потому что тутъ близки и дороги сердцу его малѣйшіе факты, касающіеся судьбы и дѣлъ его предковъ. Замѣнять же свой языкъ не только чужимъ, но еще давно омертвѣвшимъ языкомъ народностей совсѣмъ иного міра, иныхъ тысячелѣтій, ставить этотъ чужой языкъ, чужую литературу и чужую исторію основною осью современнаго образованія, альфою и омегою, которыми начинается и заканчивается вся дѣятельность школы, не только противоестественно, но и прямо безумно, ибо заставляетъ достигать той же цѣли чрезвычайно затруднительнымъ и длиннымъ пу-

темъ, нанося притомъ непоправимый вредъ многимъ важнѣйшимъ сторонамъ ученія и воспитанія, о чемъ мы уже подробно высказались въ своихъ предыдущихъ статьяхъ.

Но родной языкъ недостаточно изучать только грамматически; этимологія и синтаксисъ далеко не составляютъ еще самаго языка, а только знакомятъ съ внѣшними формами, измѣненіями и сочетаніями словъ. Лексическимъ же изученіемъ своего языка, то есть изученіемъ самаго матеріала его, самихъ словъ, составляющихъ языкъ, въ ихъ внутреннемъ значеніи, ихъ корняхъ, ихъ взаимномъ родствѣ, школа наша совсѣмъ не занимается, и оттого у насъ такъ мало даже среди писателей истинныхъ знатоковъ своего языка, обладающихъ тѣмъ тонкимъ чутьемъ родной рѣчи, тою творческою способностью создавать новыя слова, новыя обороты, требуемые дальнѣйшимъ развитіемъ нашего мышленія и нашихъ знаній, которыми изумляетъ нашъ простой народъ, не утерявшій, подобно намъ, черезъ одностороннія заботы о грамматическихъ формахъ, своей органической связи съ живымъ источникомъ рѣчи. Въ этомъ смыслѣ близкое знакомство съ народною поэзіею, пословицами, сказками, былинами, пѣснями, принесло бы незамѣнимую пользу, тѣмъ болѣе, что самое содержаніе этихъ произведеній народнаго творчества по своей простотѣ, здравомыслію, искренности и вмѣстѣ нѣкоторой дѣтской наивности—особенно доступно пониманію и интересамъ дѣтей. Только народная литература, точно также какъ литература новѣйшаго времени, то есть литература просвѣщенныхъ классовъ общества, — должны изучаться въ средней школѣ не столько съ критической и историко-философской точки зрѣнія, сколько непосредственно. Огромную ошибку дѣлаетъ наша современная педагогія, что заставляетъ учащихся подвергаться не живому влія-

нію художественныхъ созданій литературы, въ томъ цѣльномъ и естественномъ видѣ, какъ они вышли изъ глубины народнаго или писательскаго духа, а только вліянію ихъ отвлеченнаго и сухого образа, субъективно отраженнаго литературно-философскою критикою, часто весьма одностороннею, тенденціозною, и почти всегда непосильною и неинтересною для слишкомъ еще мало жившаго, мало наблюдавшаго и еще меньше разсуждавшаго дѣтскаго ума. Нужно быть довольно близорукимъ педантомъ, чтобы вообразить, будто въ произведеніяхъ народнаго творчества или въ созданіяхъ отдѣльныхъ художниковъ слова заключается только то скудное отвлеченное поученіе, которое сумѣлъ извлечь изъ него, руководясь большею частью излюбленными шаблонами и компиляціями изъ разныхъ авторовъ, какой-нибудь мало талантливый и не особенно мудрый журнальный критикъ или составитель учебника литературы. Мы заставляемъ учащихся заучивать, вѣря намъ на слово, недоступныя еще имъ наши собственные весьма сложные и часто путанныя сужденія о характерахъ, положеніяхъ, идеяхъ, приводимыхъ авторомъ въ его литературномъ произведеніи, упуская изъ виду, что имъ еще нужно довольно долго пожить самимъ, чтобы понять самое значеніе нашихъ точекъ зрѣнія, и что такимъ образомъ мы не развиваемъ ихъ, а дѣлаемъ изъ нихъ попугаевъ, повторяющихъ болѣе или менѣе вѣрно затверженныя ими, но далеко не усвоенныя истины, искусственно упреждаемъ своими преждевременными теоретическими выводами еще не прожитыя ими явленія жизни и этимъ сильнѣйшимъ образомъ содѣйствуютъ обращенію простыхъ и естественныхъ дѣтскихъ натуръ въ претенціозныхъ фразеровъ и самомнящихъ умниковъ, въ сущности очень мало знающихъ, для которыхъ нѣмцы придумали характерное названіе «*naseweise*».

Если вы просто дадите ученику читать избранное литературное произведение, если прочтете его съ нимъ сами, давая только самыя необходимыя поясненія, вызываемыя его собственными вопросами, то, повѣрьте, все, что есть въ этомъ сочиненіи еще недоступнаго и ненужнаго его дѣтскому пониманію, минетъ мимо него, лишь слабо задѣвъ его вниманіе, но зато онъ проникнется многимъ другимъ, что возбудитъ его интересъ, затронетъ его умъ и сердце и чего никакой педагогъ не въ силахъ впередъ угадать, при томъ проникнется не по-вашему, а по-своему, такъ именно, какъ отзовется на живое поученіе художественнаго творчества его живая и оригинальная душа, и вынесетъ изъ этого поученія навѣрное совсѣмъ не то, что предпишетъ ему вынести педантическій составитель курса литературы.

Вообще упражненія надъ глубокомысленнымъ анализомъ художественныхъ произведеній въ нашихъ гимназіяхъ, всѣ эти нелѣпыя требованія отъ дѣтей 15 и 16 лѣтъ сравнить между собою характеры Онѣгина и Печорина, показать отношеніе поэзіи Байрона къ поэзіи Пушкина, опредѣлить вліяніе Лермонтова на современное поколѣніе и т. п., всѣ эти широко-вѣщательныя разсужденія о ходахъ всевозможныхъ развитій,—напоминаютъ мнѣ всѣмъ знакомую картину, когда два взрослыхъ, подхвативъ подъ руки маленькаго мальчика, заставляютъ бѣжать вмѣстѣ съ собою, и бѣдняга, еле успѣвающій болтать ногами въ воздухѣ, искренно воображаетъ, что онъ поспѣваетъ наравнѣ съ большими.

Средняя школа не университетъ,—это нужно твердо помнить; въ средней школѣ достаточно и возможно заложить только самый матеріаль роднаго языка и родной письменности, отложивъ критическія и философскія умствованія надъ нимъ до той поры, когда

въ человѣкѣ, уже болѣе познавшемъ жизнь, естественно пробуждается потребность анализа и обобщенія фактовъ. Этимъ мы сохранимъ свѣжесть молодыхъ умовъ и ихъ жизнерадостное отношеніе къ явленіямъ жизни.

Грѣхомъ такого же рода страдаетъ обыкновенно и преподаваніе исторіи въ нашихъ среднихъ школахъ. При необыкновенной сухости и конспективности распространеннѣйшихъ учебниковъ исторіи, усердно гонящихся за голымъ перечисленіемъ мельчайшихъ фактовъ, въ другихъ руководствахъ исторіи, напротивъ того, слишкомъ много вниманія отдается общимъ выводамъ и философскимъ точкамъ зрѣнія на значенія различныхъ историческихъ событій и эпохъ.

Между тѣмъ въ обоихъ родахъ этихъ учебниковъ отсутствуетъ самый необходимый и самый плодотворный воспитательный элементъ. Для дѣтей гимназическаго возраста еще рано обнимать общимъ философскимъ кругозоромъ судьбы человѣчества и произносить безапелляціонные приговоры надъ народами и историческими эпохами; точно также имъ не можетъ быть никакого интереса зазубривать ни для чего имъ ненужныя и ничего имъ не говорящія имена Эдмундовъ, Эдвиновъ, Эдгаровъ, или хотя бы Святославовъ, Всеволодовъ, Мстиславовъ и Игорей, въ прибавку къ многочисленнымъ цифрамъ исторической хронологіи. Но для нихъ исторія можетъ и должна явиться незамѣнимымъ источникомъ нравственнаго и умственнаго поученія. Крупнѣйшія историческія событія и біографіи замѣчательныхъ историческихъ личностей, рассказанныя во всѣхъ своихъ живыхъ подробностяхъ, освѣщенныя еще ярче и нагляднѣе свѣтовыми и разными другими картинками и портретами, оставляютъ въ умѣ и сердцѣ учащихъся никогда неизгладимые образы, наполняютъ впечатлительныя души ихъ горячимъ сочувствіемъ къ подвигамъ добра, правды, мужества,

самоотверженія, благороднымъ негодованіемъ къ злымъ и несправедливымъ мучителямъ, притѣснителямъ и измѣнникамъ. вмѣстѣ съ тѣмъ эти жадно слушаемыя дѣтьми интересныя повѣствованія нарисуютъ имъ гораздо болѣе вѣрную и понятную картину былыхъ нравовъ человѣчества, былого устройства ихъ быта, характера различныхъ народовъ, обогатятъ ихъ умственный опытъ живыми портретами самыхъ оригинальныхъ и сильныхъ людскихъ типовъ, раскроютъ имъ разнородные способы ихъ мужественной борьбы съ тягостями и опасностями жизни, тайну ихъ успѣха и ихъ гибели и наконецъ внесутъ не одну поэтическую струю въ душевное настроеніе дѣтей. А во всемъ этомъ неоцѣнимое воспитательное значеніе. Особенно необходимо познакомить учащихъ возможно полнѣе и жизненнѣе съ важными событіями и замѣчательными дѣятелями русской исторіи, не ограничиваясь одною военною и политическою стороною ея, а черпая матеріалъ для преподаванія изъ самыхъ разнородныхъ областей жизни, отовсюду, гдѣ только могутъ найтись поучительные и характерные факты. Какъ ребенку естественно хочется знать былую жизнь своихъ предковъ, такъ и подрастающаго гражданина земли русской не могутъ не привлекать историческія судьбы родного ему народа, перенесенныя имъ нѣкогда опасности и бѣдствія, совершенные имъ подвиги. Помимо общепоучительнаго значенія этихъ свѣдѣній, они воспитываютъ въ молодомъ поколѣніи инстинкты патріотизма, незамѣтно, но прочно приобщаютъ его вкусы, взгляды, привязанности къ вкусамъ, понятіямъ и симпатіямъ родного народа, дѣлаютъ его нераздѣльною составною частью его могучей духовной личности, одною изъ безчисленныхъ волнъ великаго народнаго моря, живущею общею съ нимъ жизнью и въ немъ черпающею свою силу. Основать съ дѣтства развитіе

нашихъ молодыхъ поколѣній на самомъ широкомъ и серьезномъ изученіи родного языка, родной литературы, родной исторіи,—значить не только неизмѣримо облегчить, сдѣлать доступнѣе и радостнѣе усвоеніе учащимся юношествомъ общихъ законовъ рѣчи и мысли, условій исторической жизни народовъ и всякаго рода важныхъ истинъ, которыя старается передать ученику преподаванье языковъ, литературы и исторіи вообще,—но еще и воспитать русское юношество русскимъ, какимъ оно должно быть.

Всякій народъ долженъ дорожить своей духовной фізіономіей, долженъ съ уваженіемъ и любовью охранять свои характерныя черты. Если непростительна и вредна во всѣхъ отношеніяхъ проповѣдь національной исключительности, горделивое пренебреженіе другими народностями, а тѣмъ болѣе притѣсненіе и насиліе надъ ними во имя господства своей собственной національности; если народъ-фарисей, тщеславящійся передъ Богомъ, что онъ не такой грѣшникъ, какъ другіе человѣцы, возмущаетъ наше нравственное чувство нисколько не менѣе, чѣмъ фарисей Евангельской притчи,—то уважительное отношеніе народа къ историческимъ и этнографическимъ особенностямъ своего національнаго типа составляетъ только необходимое условіе его нравственнаго достоинства и его внутренней силы.

При всемъ сходствѣ людей между собою, каждый народъ развиваетъ въ себѣ свои особенныя, ему одному свойственныя способности и силы, имѣетъ свой спеціальный духовный цвѣтъ и запахъ, не похожіе ни на какіе другіе, и свое спеціальное значеніе въ общемъ ходѣ міровой жизни. Въ этомъ естественномъ разнообразіи составляющихъ его народовъ красота и сила человѣчества. Деревья всѣ одинаковы по общимъ законамъ своего устройства и своей жизни, но однако

дубъ въ лѣсу всегда остается дубомъ, береза березою и сосна сосною, и сосна не въ силахъ замѣнить дуба, а дубъ березы; всѣ же они вмѣстѣ содѣйствуютъ, каждый по-своему, общей дѣятельности лѣса, и онъ точно также потерялъ бы свою красоту и силу, если бы вдругъ исчезло это естественное и необходимое разнообразіе его организмовъ... Ничего нѣтъ слабосильнѣе, бесплоднѣе и вмѣстѣ несчастнѣе, какъ человѣкъ безъ отечества, для котораго нигдѣ нѣтъ дорогаго ему родного угла и близкой его сердцу родной души. Ничто не вдохновляетъ его, и всѣмъ онъ чужой; ему не на кого потрудиться, не за кого страдать. Такіе люди живутъ обыкновенно однѣми отвлеченными доктринами, но холодныя умствованія не выдерживаютъ серьезныхъ жизненныхъ испытаній и чаще всего приводятъ человека къ нравственному банкротству.

Человѣкъ, какъ миѳическій Антей, долженъ прикасаться къ родной землѣ, къ могучему духу своего народа, чтобы въ немъ черпать силы для жизненной борьбы.

II.

Національно-русскія основы школы не требуютъ, конечно, устраненія иностранныхъ языковъ, иностранной литературы. Языки эти имѣютъ огромное практическое значеніе для большинства учащихся, помимо ихъ обще-педагогической пользы. Самое познаніе родного языка сдѣлается осмысленнѣе и полнѣе въ сравнительной картинѣ другихъ языковъ, и многіе общіе законы рѣчи уяснятся гораздо нагляднѣе и убѣдительнѣе, когда явится возможность прослѣдить ихъ проявленіе въ различныхъ языкахъ и съ различными видоизмѣненіями. Изучать эти языки слѣ-

довало бы не только теоретически по учебникамъ грамматики, но по возможности живымъ способомъ, путемъ чтенія замѣчательныхъ авторовъ, разговоровъ, писемъ и т. п. Но все-таки думаю, что обязывать непременно изучать какой-нибудь иностранный языкъ всѣхъ безъ исключенія воспитанниковъ средней школы нѣтъ никакого основанія. Множество людей поступаютъ въ среднюю школу съ цѣлями ограничиться ею и потомъ избрать какую-нибудь скромную практическую дѣятельность, не имѣющую никакого отношенія къ иностраннымъ языкамъ и поэтому никакой потребности въ нихъ. Изъ-за чего же навязывать этимъ людямъ ненужное имъ знанье и отвлекать ихъ отъ болѣе необходимыхъ имъ занятій? Жажда практическихъ знаній всякаго рода и стремленье пробиться къ болѣе выгоднымъ ступенямъ общественной дѣятельности, не говоря уже о подражаніи однихъ другимъ, безъ того достаточно сильны въ нашемъ обществѣ, такъ что и при необязательности новыхъ языковъ въ средней школѣ, — несомнѣнно значительное большинство учащихся захочетъ изучать какой-нибудь изъ нихъ.

Преподаваніе Закона Божія въ средней школѣ имѣетъ огромное значеніе, и крайне важно, чтобы оно достигало тѣхъ высокихъ глубоко-жизненныхъ цѣлей, на которыя оно рассчитано. Опытъ довольно долгой и довольно разнообразной жизни поселилъ во мнѣ непоколебимое убѣжденіе, что религіозно-нравственное направленіе человѣка есть одинъ изъ самыхъ главныхъ источниковъ его душевнаго равновѣсія, его жизненной стойкости. Думаю, что внѣ такого настроенія человѣку крайне трудно быть счастливымъ и съ спокойной твердостью переносить неизбѣжныя испытанія жизни; думаю также, что религіозно-нравственные

люди,—я говорю, разумѣется, не о ханжахъ и не о фанатикахъ, а о людяхъ съ истинными евангельскими идеалами, — самые полезные для челоуѣчества, для своей родины, для своихъ близкихъ; на нихъ вѣрнѣе, чѣмъ на кого-нибудь, можно положиться во всякомъ дѣлѣ, требующемъ самоотверженія и безкорыстнаго труда на пользу другихъ. Ихъ не соблазнить никакая Панама, никакая Дрейфусіада.

И если бы преподаваніе въ школахъ религіи могло дѣйствительно дѣлать учащихся религіозно-нравственными,—нельзя бы было достаточно оцѣнить громадную воспитательную пользу этого предмета. Но такъ ли у насъ въ средней школѣ обучаютъ обыкновенно религіи, чтобы достигать подобнаго желаннаго результата?

Ужъ одно то, что Законъ Божій втиснуть въ общія рамки другихъ предметовъ, что за него также ставятъ единицы и пятерки, наказываютъ, оставляютъ въ томъ же классѣ, обращаютъ его въ одно изъ орудій для пріобрѣтенія аттестата, ясно показываетъ наше глубокое непониманіе истиннаго характера религіозныхъ наставленій. Заставить вызубрить вопросы и отвѣты мало-понятнаго дѣтямъ православнаго катехизиса, заучить по книжкѣ обряды богослуженія и событія священной и церковной исторіи, — еще далеко не значитъ научить учащихся религіи. Казенный, чисто формальной характеръ преподаванія религіи въ нашей средней школѣ сдѣлалъ то, что Законъ Божій, религія, большею частію представляются воображенію учениковъ, какъ «урокъ батюшки», который нужно знать и отвѣчать въ какой-нибудь тамъ четвергъ или субботу, на 2-хъ или 3-хъ часахъ, но который не имѣетъ ничего общаго со всѣмъ складомъ ихъ жизни, точно также какъ не имѣетъ съ нимъ ничего общаго грамматика Кюнера или географіи Смирнова.

— Голубчикъ, дай законца позубриться! — помню, приставалъ часто ко мнѣ одинъ изъ лѣнтяевъ-товарищей, считавшій излишнею роскошью обзаводиться собственными учебниками.

Это было самое характерное отношеніе къ религіи почти всѣхъ нашихъ учениковъ. Къ «законцу» относились именно, какъ къ переплетенной въ корешокъ книжкѣ, которую необходимо было зубрить, и за незнаніе которой приходилось сидѣть безъ обѣда, а въ наши счастливыя времена даже и подвергаться субботней экзекуціи. Если столяры и сапожники нерѣдко еще дѣлаютъ изъ своихъ учениковъ дѣльныхъ мастеровъ помощью колотушекъ и дранья волосъ, то не нужно забывать, что тутъ дѣло идетъ не о внутреннемъ развитіи духа, а о механической сноровкѣ рукъ. Но религіозное настроеніе человѣка, но нравственныя стремленія его можно вызвать только единственнымъ путемъ искренняго воздѣйствія на свободную душу человѣка.

Система же зубренія «законца» со всею ея свитою балловъ, взысканій, аттестатовъ, служебныхъ правъ, обязательныхъ всенощныхъ съ перекличками и т. п., способна только вспугнуть и утнать далеко, словно робкую птицу, такое глубоко-искреннее, чуткое и тонкое чувство, какъ религіозное настроеніе человѣка. Вообще замѣна въ нашей школѣ свободныхъ влеченій души человѣческой къ Божеству принудительною церковною повинностью убиваетъ религію гораздо вѣрнѣе, чѣмъ свободомысліе немногихъ философовъ, мало доступныхъ даже образованной толпѣ. Оттого наше просвѣщенное общество не можетъ похвастаться особенною религіозностью, оттого, быть можетъ, и священники наши не являются среди насъ наставниками, совѣтниками и утѣшителями семьи въ ея затрудненіяхъ и горѣ, какими обыкновенно бываютъ священники протестантовъ и католиковъ.

Намъ кажется, что священникъ могъ бы гораздо лучше наставлять своихъ учениковъ истинамъ вѣры и правиламъ религіозной нравственности въ своихъ свободныхъ бесѣдахъ съ ними, чуждыхъ всякой угрозы и не связанныхъ ни съ какими внѣшними выгодами. Гораздо менѣе богословскихъ мудрствованій и догматическихъ положеній, непосильныхъ еще полудѣтскому разуму, и гораздо больше чтенія Евангелія, его дивныхъ притчъ и поученій, доступныхъ всякому младенцу. Священникъ, духовникъ, имѣеть столько удобныхъ случаевъ проникать въ довѣрчивыя и неиспорченныя дѣтскія души и примѣнять къ событіямъ ихъ собственной жизни свои религіозныя и нравственныя наставленія, входя добрымъ евангельскимъ пастыремъ, съ любовью и участіемъ, а не жесткимъ обличителемъ и преслѣдователемъ, въ интересы этой жизни.

Нужно вспомнить исторію распространенія христіанства, чтобы увѣровать въ возможность и теперь насаждать религіозныя чувства убѣжденіемъ, а не приказаніями и наказаніями.

Вообще наши недалъновидные защитники и оберегатели религіи, сами того не замѣчая, оскорбляютъ въ нѣкоторомъ смыслѣ ея священный авторитетъ, не довѣряя ея собственной внутренней силѣ, трепеща за ея судьбу при всякомъ прикосновеніи къ ней свободаго чувства и испытующей мысли. На этомъ же малодушіи основано и господствующее у насъ ложное убѣжденіе, будто развитіе знаній, высшія ступени образованія непременно уничтожаютъ въ чловѣкѣ его религіозныя вѣрованія. Если бы это было такъ,—то это было смертнымъ приговоромъ религіи. Но, къ счастью, она достаточно убѣдительно доказала свою побѣдоносную силу, овладѣвъ безъ всякихъ стороннихъ союзниковъ чуть не цѣлымъ міромъ, со всѣми

его учеными, философами и скептиками, не нуждаясь для своей побѣды въ содѣйствіи полиціи и уголовнаго кодекса. Наука же, всестороннее изученіе природы и человѣка, менѣе всего могутъ считаться опасными для религіи. Напротивъ того, чѣмъ серьезнѣе и глубже испытывается истина міра, тѣмъ ближе и яснѣе чувствуется тотъ оживляющій міръ «духъ истины», «иже вездѣ сый и вся исполняяй», по выраженію священной пѣсни, и присутствіе котораго во вселенной, хотя и невидимое нашими тѣлесными глазами, невольно дѣлается для нашей души убѣдительно, чѣмъ все внѣшне-существующее...

Предыдущія страницы, я думаю, дали читателю нѣкоторое общее понятіе: какого рода предметы, въ какихъ цѣляхъ и въ какомъ духѣ должны были бы преподаваться въ нашей обще-образовательной средней школѣ, могущей замѣнить нынѣшнія гимназіи и реальныя училища. О географіи я отдѣльно не говорилъ потому, что знаніе природы немыслимо безъ знанія шара земного, и вслѣдствіе этого я разумѣлъ географію въ общемъ составѣ природовѣдѣнія, какъ одну изъ самыхъ важныхъ и поучительныхъ отраслей его.

Но ограничить занятія въ школѣ одними научными предметами и религіей было бы большою ошибкою. Человѣкъ живетъ далеко не одною умственною жизнью, у него еще есть крайне важные для него органы чувствъ, которые также требуютъ правильнаго ухода и развитія; у него есть множество практическихъ житейскихъ потребностей, къ удовлетворенію которыхъ необходимо ему извѣстнымъ образомъ подготовиться въ школѣ, выработавъ въ себѣ, кромѣ знаній, и разнообразныя «умѣнья». У него наконецъ еще есть трудно заглушимыя эстетическія потреб-

ности разнаго рода. Наша современная школа книжничества пока еще знать не хочетъ всѣхъ этихъ естественныхъ потребностей и законныхъ правъ своихъ воспитанниковъ.

Въ подражаніе тому, какъ во Франціи стараго режима надъ экономическимъ строемъ деревни господствовалъ весьма короткій, но и весьма выразительной догматъ: «*Le vilain est impôtisable et corvéable à merci*» (мужика можно облагать оброками и барщиной, сколько душѣ захочется), наша классическая школа, кажется, тоже избрала себѣ девизомъ: «*L'écolier est enseignable à merci*» (ученика можно заставлять учиться, сколько душѣ угодно).

Не полагается развивать у него ни вѣрнаго глаза, ни ловкой руки, ни мелодическаго уха, ни крѣпости ногъ, ни правильнаго дыханія, ни здоровой крови, ни ясности духа, ни веселья сердца.

Ничего этого не нужно нашей угрюмой и безучастной схоластической школѣ.

Ей нужно только зубрить книжки, корпѣть надъ тетрадами, спрашивать заданное, взыскивать за неуспѣхъ. А тамъ хоть провались все — всякое практическое умѣнье, всякое здоровье, всякое радостное настроеніе растущихъ поколѣній. Это до нея не касается, это не ея прихода. Словно она, эта мудреная школа, устроена не для приготовленія людей къ ожидающей ихъ впереди жизни, а для уродованія ихъ.

Истинно-образовательная школа должна проникнуться совершенно противоположными взглядами и обязана удѣлять воспитанію упускаемыхъ теперь важныхъ сторонъ жизни столько же вниманія, сколько и книжному обученію. Рисованіе и черченіе необходимо поставить на первый планъ учебной программы. Умѣть наглядно изобразить формы предметовъ, составить правильный чертежъ поля, строенія, орудія—

такъ же безусловно необходимо всякому человѣку,—какого бы состоянія онъ ни былъ и къ какой бы профессіи ни готовился,—какъ и умѣніе прочесть книгу или написать записку. Это своего рода азбука образованія. Помимо своего значенія для воспитанія эстетическаго чувства человѣка, для его душевнаго сближенія съ природою, которой красоту стремится воспроизвести рисующій, рисованіе еще сильнѣйшимъ образомъ вырабатываетъ въ человѣкѣ способность тонкаго наблюденія и точной передачи наблюдаемаго, подготавливаетъ его руку къ отчетливой работѣ всякаго рода, развиваетъ въ немъ изящный вкусъ, который не можетъ не отразиться на послѣдующей практической дѣятельности человѣка.

Рисованіе, конечно, не должно преподаваться по теперешней схоластической программѣ, убивающей всякую охоту рисовать даже въ дѣтяхъ, чувствующихъ особенное влеченіе къ рисованію; не должно начинаться съ обязательнаго копированія по нѣсколькимъ мѣсяцевъ сряду носовъ, глазъ, ручекъ съ гравированныхъ оригиналовъ, что вполнѣ соответствуетъ былому обученію грамотѣ по методамъ Цифиркина и Кутейкина: буки-азъ-ба, рцы-онъ-ро и т. д. Дѣйствительные предметы во всей ихъ привлекательной цѣлости и живая природа, чарующая своей красотой воображеніе ребенка, — должны быть единственными его моделями, а свободный выборъ ихъ, руководимый только совѣтами опытнаго художника, одушевленнаго любовью къ своему искусству,—единственнымъ методомъ.

Значеніе черченія для развитія различныхъ практическихъ умѣній человѣка нельзя достаточно оцѣнить. Черченье—есть наглядная математика своего рода, геометрія, воплощенная въ сложныя комбинаціи линій, примѣненная къ жизненнымъ задачамъ вся-

каго рода. Нѣтъ ни одного ремесла, ни одной отрасли техники, вѣрнѣе сказать, ни одного самаго обыкновеннаго практическаго дѣла, гдѣ бы черченіе не играло огромной роли и гдѣ бы незнакомство съ черченіемъ не служило величайшимъ препятствіемъ. Можно сказать, ничуть не преувеличивая, что въ дѣйствительной жизни безъ черченія шагу ступить нельзя. Кромѣ того, черченіе чрезвычайно плодотворно вліяетъ на самое развитіе молодого ума, внося въ него приемы строгой правильности и математической точности, приучая его къ осязательной ясности представленій. А между тѣмъ такіе абсолютно необходимые предметы преподаванія, какъ рисованіе и черченіе, въ высокой степени интересные для дѣтей и вполне посильные ихъ способностямъ,—или вовсе выкидываются нашею близорукою классическою школою, или терпятъ ею только приличія ради, какими-то заброшенными паріями, на которыхъ никто не обращаетъ вниманія, ни ученики, ни руководители ихъ.

Музыка и пѣніе въ извѣстной степени могли бы также стать доступными для всѣхъ предметами школьнаго преподаванія. Музыкантами станутъ, конечно, немногіе, но каждый, даже наименѣе одаренный голосомъ и слухомъ, въ силу обученія познакомится съ основными условіями музыкальности и невольно сколько-нибудь разовьетъ свой слухъ и голосъ. А свободное участіе въ общемъ хорѣ или оркестрѣ доставитъ молодому сердцу много незамѣнимыхъ минутъ и лучшей отдыхъ отъ умственнаго напряженія. Такія совмѣстныя упражненія дѣтей способствуютъ развитію среди нихъ дружбы, корпоративнаго чувства и свѣтлаго настроенія духа. Меня часто поражало, отчего это среди нашего простаго деревенскаго люда всѣ безъ исключенія дѣвушки охотно поютъ и пляшутъ, всѣ твердо знаютъ свои народныя пѣсни, игры,

обряды, а изъ нашихъ барышень только рѣдкія рѣшаются выступать съ романсами или садиться за фортепіано. Разгадка этому именно въ томъ, что простой народъ живетъ своего рода табунною жизнью; тамъ каждый считаетъ себя обязаннымъ дѣлать то, что дѣлаютъ другіе; всѣ работаютъ въ полѣ, всѣ варятъ кушанья, всѣ поютъ и пляшутъ. Но если въ простомъ народѣ оказывается рѣшительно у всѣхъ въ известной мѣрѣ слухъ, въ известной мѣрѣ голосъ, то нельзя сомнѣваться, что нашлись бы они и въ нашей школѣ, если бы она привлекала къ пѣнію и музыкѣ всѣхъ своихъ учениковъ, разнообразя и оживляя этимъ ихъ книжныя занятія и укрѣпляя ихъ эстетическое чувство. А при разумномъ выборѣ пѣсенъ и музыкальныхъ пьесъ упражненія эти могли бы имѣть немалое значеніе для воспитанія въ дѣтяхъ любви къ своей родной землѣ, къ своему народу и его музыкально-поэтическому творчеству.

Въ средне-образовательной школѣ невозможно задаваться задачами технического характера, но тѣмъ не менѣе нѣкоторыя ремесленныя и хозяйственныя занятія—столярство, слесарство, садоводство, огородничество и т. п., внесли бы много живого интереса въ бытъ воспитанниковъ и могли бы послужить очень полезнымъ противоядіемъ слишкомъ однообразному и утомительному занятію надъ книгою и перомъ. Послѣ напряженной работы мозга всегда хорошо дать хоть небольшую работу мускуламъ, отвлечь кровь отъ головы къ рукамъ. Въ полезной и привлекательной работѣ надъ какимъ-нибудь столомъ, задвижкой или посадкою фруктоваго дерева естественная потребность молодого организма развернуть на чемъ-нибудь силушку свою—найдетъ себѣ вполне достаточное и вмѣстѣ съ тѣмъ спокойное удовлетвореніе, такъ что ремесленныя занятія сдѣлаютъ почти совсѣмъ ненужными среди

учащейся молодежи безсодержательныя шалости, драки, ссоры, порождаемыя обыкновенно совершеннымъ отсутствіемъ физическаго труда въ той порѣ ихъ школьной жизни, когда по выраженію старой русской пѣсни:

«Силушка по жилочкамъ такъ живчикомъ
и переливается»...

Вмѣстѣ съ тѣмъ занятія такого рода невольно воспитываютъ въ подрастающемъ поколѣніи разныя практическія сноровки и вкусы, пополняющіе односторонность ихъ книжнаго воспитанія.

Я даже думаю, что столярство или огородничество, даже простая рубка дровъ и чистка снѣга полезнѣе и пріятнѣе для учащихся всякихъ искусственныхъ гимнастическихъ упражненій, которыя могутъ имѣть значеніе только съ точки зрѣнія болѣе правильнаго и красиваго развитія организма и должны служить только дополненіемъ, а не замѣною физическаго труда. Когда средняя школа будетъ основана не на одномъ изученіи языковъ и математики, а еще и на широкомъ знакомствѣ съ природою, то учебныя прогулки сами собою должны будутъ занять важное мѣсто въ ряду учебно-воспитательныхъ мѣръ заведенія. И я не сомнѣваюсь, что они сдѣлаются однѣми изъ самыхъ плодотворныхъ во всѣхъ отношеніяхъ. Ни откуда ученики не извлекутъ болѣе существенныхъ, болѣе нужныхъ имъ и прочно-усвоенныхъ знаній, ни откуда не вынесутъ болѣе живыхъ и благотворныхъ впечатлѣній, большаго душевнаго довольства и тѣлеснаго здоровья, какъ изъ этихъ мирныхъ походовъ въ тѣсной товарищеской семьѣ, подъ дружественнымъ руководствомъ любимаго воспитателя. Природа должна, конечно, быть при этомъ на первомъ планѣ, изученіе ея — главною цѣлью прогулки; поэтому прогулка эта

не должна вырождаться въ пустое собраніе цвѣтковъ и бабочекъ, а имѣть точно опредѣленные цѣли, приучать дѣтей къ наблюдательности и вниманію, вести къ наглядному уясненію ученикомъ основныхъ законовъ и важныхъ явленій природы, для которыхъ всякія собранія коллекцій служили бы только иллюстрирующимъ матеріаломъ. Нечего говорить, что воспитатель, устраивающій подобныя прогулки, долженъ хорошо подготовиться къ своему дѣлу и обстоятельно обдумывать планъ каждой предстоящей экскурсіи, а главное дѣло онъ долженъ прежде всего любить природу, любить дѣтей, любить дѣло воспитанія; его одушевленіе невольно одушевитъ учениковъ его и обратитъ въ радостный праздникъ эти живыя встрѣчи свѣжихъ, стремящихся къ знанію, дѣтскихъ душъ съ изумительными тайнами могучей общей матери-природы.

Но, преслѣдуя свою основную цѣль, воспитатель сдѣлалъ бы большую ошибку, если бы оставилъ безъ вниманія многое другое, помимо природы, что могло бы встрѣтиться ему и его молодой школьной дружинѣ въ такихъ «походахъ знанія». Быть народа, общественныя учрежденія, пѣсни и преданія старины, историческія событія и памятники,—все это можетъ и должно служить темою для разумнаго объясненія дѣтямъ, для тѣхъ или другихъ научныхъ и нравственныхъ выводовъ. Скажу больше, — учебныя прогулки могли бы предприниматься по временамъ не одними только преподавателями природовѣдѣнія и географіи, но и другими воспитателями, напр., учителями Закона Божія, исторіи, которые также могли бы найти во многихъ мѣстностяхъ Россіи очень поучительный матеріаль для живого знакомства съ нимъ учениковъ школы.

Учебныя прогулки, какъ въ цѣляхъ изученія природы, такъ и другихъ, болѣе общихъ цѣляхъ, сильно

развиваются теперь на Западѣ. Швейцарскій педагогъ Кауфманъ приобрѣлъ въ этомъ отношеніи особенную извѣстность, и когда онъ назначаетъ своимъ ученикамъ подобную экскурсію, то не только дѣти, а и родители ихъ и даже посторонняя публика стараются по возможности принять участіе въ этихъ высокоучительныхъ и для всѣхъ интересныхъ походахъ...

И у насъ на Руси учебныя прогулки начинаютъ прививаться въ послѣднее время. Одинъ изъ первыхъ примѣровъ въ этомъ хорошемъ дѣлѣ подала 1-я тифлисская гимназія, давно уже идущая впереди другихъ нашихъ гимназій въ смыслѣ живого и разносторонняго воспитанія своихъ учениковъ. Поѣздка ея учениковъ и учителей съ директоромъ во главѣ въ г. Баку для самаго основательнаго обзора нефтяного городка, керосиновыхъ заводовъ и разныхъ другихъ достопримѣчательностей этой оригинальной мѣстности была прекрасно описана самими же учениками и издана отдѣльною книгою. Воронежскій кадетскій корпусъ, также стремящійся поставить воспитаніе своихъ кадетъ на жизненный и плодотворный путь, сдѣлалъ относительно учебныхъ поѣздокъ, можетъ быть, болѣе, чѣмъ всѣ другія наши учебныя заведенія, сумѣвъ устроить, благодаря энергіи генерала Рѣпина, своего разумнаго директора, весьма обширныя и далекія путешествія кадетъ подъ руководствомъ директора и воспитателей и на Кавказъ, и въ нашъ рудный Придонскій районъ, и въ Кіевъ, и въ Нижній-Новгородъ, и въ Москву. Наконецъ всѣмъ извѣстны строго обдуманныя, содержательныя и также многочисленныя поѣздки учениковъ симферопольской гимназіи въ разные города Крыма при ея директорѣ Тимошевскомъ, о чемъ подробно писалось въ газетахъ.

Намъ скажутъ, но гдѣ же взять время для всѣхъ этихъ наукъ, искусствъ, ремеслъ и прогулокъ? Какъ умѣстить всѣ эти разнородныя занятія въ строго-отмѣренныя рамки учебныхъ часовъ.

III.

Думаю, что чортъ далеко не такъ страшенъ, какъ его пишутъ, и что время для разнородныхъ занятій найти гораздо легче, чѣмъ для сплошнаго погруженія въ книжничество. Начать съ того, что огромная масса часовъ освобождается отъ латини и Греціи; а такія занятія, какъ ремесла, музыка, пѣніе, гимнастика, учебныя прогулки вовсе и не требуютъ непременно утреннихъ часовъ, а могутъ отлично происходить, если бы это понадобилось, и послѣ обѣда, не вызывая никакого обремененія ни учителей, ни учениковъ. По моему глубокому убѣжденію, учебный день долженъ начинаться гораздо раньше, чѣмъ онъ начинается у насъ. Раннее вставаніе, какъ и ранній отходъ въ постель, есть основной догматъ гигиены,—науки здоровья. Приучаться къ этому необходимо съ дѣтства, и кто испыталъ на себѣ всю незамѣнимую прелесть и пользу раннихъ утреннихъ часовъ, тотъ повѣритъ нѣмецкой пословицѣ: «Morgenstunde hat Gold im Munde» (у утреннихъ часовъ золото во рту). Съ утра память и мысль работаютъ необыкновенно свѣжо и потому утро особенно пригодно для ученья. Не даромъ говорится «утро вечера мудренѣе». А если бы классы начинались лѣтомъ въ 7, зимою въ 8 часовъ, то являлась бы возможность отпускать учениковъ на продолжительную прогулку около полудня, въ самое необходимое для нихъ время, когда грудь дышетъ цѣлебными лучами солнца, а глаза и сердце наслаж-

даются красотою міра Божьяго. Этотъ довольно длинный перерывъ, посвященный отдыху, играмъ, гулянью, настолько ободрялъ бы утомившійся дѣтскій мозгъ и засидѣвшееся на скамейкѣ дѣтское тѣло, что они съ свѣжими силами и обновленнымъ вниманіемъ могли бы приступить къ продолженію своихъ клас- сныхъ занятій.

Что въ мечтаемой мною новой школѣ было бы вполне возможно ввести въ извѣстной мѣрѣ всѣ роды занятій, о которыхъ я говорю въ этой статьѣ,—можетъ служить самымъ убѣдительнымъ доказательствомъ примѣръ уже упомянутой мною 1-й тифлисской гимназіи.

Въ этомъ поистинѣ образцовомъ учебно-воспита- тельномъ заведеніи давно уже, гораздо ранѣ всякихъ комиссій и циркуляровъ, и совсѣмъ не по командѣ начальства, а по искреннему самобытному убѣжденію разумныхъ руководителей его, вложившихъ свою душу въ дѣло образованія дѣтей,—укоренились почти всѣ тѣ животворные приемы воспитанія, о необходимости которыхъ у насъ стали все чаще говорить въ послѣд- нее время и систематическая организація которыхъ проповѣдуется теперь, какъ идеаль «новой школы».

Тифлисская гимназія едва ли не первая достигла серьезныхъ успѣховъ въ музыкальномъ образованіи дѣтей, которое введено въ ней болѣе 25 лѣтъ назадъ; концерты ея, составляемые обыкновенно изъ очень серьезныхъ музыкальныхъ вещей, посѣщаются взрослой публикой съ неменьшимъ удовольствіемъ, какъ и концерты заправскихъ артистовъ. Изъ учениковъ составлены два оркестра, духовой—въ 28 человѣкъ и струнный—въ 44 человѣка. Оба учителя музыки выписаны изъ пражской консерваторіи и получаютъ вмѣстѣ съ ежегодною наградой одинъ не менѣе 1000 рублей, другой—свыше 800 рублей. На выпуску ноть

и новыхъ инструментовъ гимназія жертвуетъ отъ 600 до 800 рублей въ годъ, а иногда и больше 1000 рублей. Кромѣ участниковъ оркестра, еще много другихъ учениковъ обучаются музыкѣ, составляя, такъ сказать, подготовительный питомникъ школьныхъ музыкантовъ; всего учится музыкѣ ежегодно отъ 120 до 140 человекъ, большая часть у гимназическихъ преподавателей, а нѣкоторые въ музыкальной школѣ. Въ теченіе гимназическаго курса дѣти-музыканты успѣваютъ такъ солидно овладѣть своимъ искусствомъ и такъ пристращаются къ нему, что и въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, и на службѣ продолжаютъ эти занятія, такъ освѣжающія душу и такъ свѣтло разнообразящія прозу жизни. Между прочимъ одинъ изъ воспитанниковъ тифлисской гимназіи въ настоящее время капельмейстеромъ въ варшавской оперѣ. Гимназія пользуется своими очень популярными въ Тифлисѣ музыкально-вокальными вечерами и утрами, чтобы распространять на этой далекой окраинѣ государства знакомство съ русскою національною музыкою въ лицѣ ея лучшихъ композиторовъ. Тифлисская гимназія находитъ достаточно времени для такого серьезнаго обученія музыкѣ даже и при существующихъ классическихъ программахъ, которыя въ ней выполняются не только не хуже, но и значительно лучше многихъ другихъ гимназій. Классъ музыки назначается ежедневно отъ 3¹/₂—5 часовъ дня одновременно у обоихъ учителей, а въ двѣ недѣли разъ происходитъ игра цѣлыми оркестрами. Пансіонеры и недостаточные приходящіе обучаются даромъ, остальные желающіе платятъ всего по 20 руб. въ годъ.

Пѣніе играетъ въ этой гимназіи такую же роль, какъ и музыка, и гимназическій хоръ, давно уже знакомый тифлиссцамъ по своимъ концертамъ и пѣнію въ гимназической церкви, — считается однимъ изъ лучшихъ въ городѣ.

Кто имѣлъ счастливый случай посѣтить тифлисскую первую гимназію и ознакомиться воочию съ ея поучительными педагогическими учрежденіями, тотъ былъ, навѣрное, пріятно изумленъ замѣчательнымъ устройствомъ ея рисовальной студіи. Она занимаетъ совсѣмъ отдѣльное обширное помѣщеніе, специально приновренное къ рисованію, превосходно освѣщенное, и предназначена не только для официальныхъ уроковъ рисованія, но и для свободныхъ занятій учениковъ-любителей по вечерамъ и праздникамъ. Особыя лампы съ рефлексорами, достигающія силы 600 свѣчей, служатъ для вечерняго рисованія съ гипсовъ и моделей. Отъ 30 до 40 добровольцевъ посвящаютъ себя обыкновенно этому искусству. Многіе изъ нихъ пишутъ масляными и акварельными красками, рисуютъ перомъ, выжигаютъ по дереву. Эта вольная рисовальная школа богато снабжена всевозможными коллекціями статуй, бюстовъ, картинъ, гравюръ, дорогихъ и очень серьезныхъ иллюстрированныхъ изданій. Каждые 3 года гимназія посылаетъ работы своихъ учениковъ на конкурсъ въ Академію Художествъ и каждый разъ получаетъ почетныя награды въ видѣ медалей и похвальныхъ листовъ; кромѣ того, Академія присылаетъ по временамъ въ подарокъ гимназіи для ея рисовальнаго класса гипсовые статуи и бюсты, премированные масляныя картины своихъ учениковъ и т. п. Директоръ гимназіи, устроившій этотъ классъ, избранъ совѣтомъ Академіи въ «почетные вольные общники» ея, а его записка о преподаваніи рисованія въ тифлисской гимназіи напечатана въ отчетѣ Академіи о конкурсѣ. Нужно замѣтить еще, что всѣ богатые пособія этого рисовальнаго класса, стоящія нѣсколько тысячъ рублей и большею частью выписанныя отъ лучшихъ фирмъ изъ за границы, пріобрѣтены, какъ и многое другое въ тифлисской гимна-

зіи, исключительно на пожертвованія или на экономическія средства гимназіи. Немудрено, что при такой удобной и привлекательной обстановкѣ страсть къ живописи овладѣваетъ многими изъ учениковъ тифлисской гимназіи до того, что по окончаніи курса они специально посвящаютъ себя этому искусству, почему въ числѣ современныхъ нашихъ художниковъ можно встрѣтить далеко не одно имя бывшихъ воспитанниковъ тифлисской гимназіи. Года три тому назадъ въ той же рисовальной студіи гимназія устроила и бесплатные классы технического рисованія для ремесленниковъ и учениковъ низшихъ школъ, которыхъ она къ тому же великодушно снабжаетъ всѣми пособіями для рисованія.

Ремесленные занятія тоже введены въ тифлисской гимназіи; для этого построены особыя мастерскія, гдѣ ученики занимаются по собственному выбору: столярствомъ, токарствомъ, выпиливаньемъ (Laubsägearbeiten), переплетнымъ и картонажнымъ мастерствомъ. Два мастера, столяръ и переплетчикъ, постоянно живутъ для этого въ гимназіи, получая при готовой квартирѣ и казенномъ содержаніи по 240 рублей въ годъ жалованья. Воспитатель, специально знакомый съ этого рода занятіями, руководитъ ими. Занятія эти необязательны и происходятъ ежедневно въ свободное отъ уроковъ и вечернихъ занятій время отъ 2—3 часовъ пополудни и отъ 3¹/₂—5 часовъ вечера; обыкновенно занимается въ мастерскихъ до 50 человекъ пансіонеровъ. Ежегодно переплетаются ими тысячи книгъ изъ гимназической и пансіонской бібліотеки, учебники и проч.; вся починка гимназической мебели, а иногда и постройка новой дѣлается въ своей мастерской; одинъ изъ классовъ гимназіи даже снабженъ исключительно собственноручною мебелью учениковъ. Издѣлія тифлисскихъ учениковъ нерѣдко фигурировали на школь-

ныхъ выставкахъ и обращали на себя вниманіе изяществомъ и точностью работы. Содержаніе ремесленныхъ классовъ обходится гимназіи ежегодно не менѣе 1.000 рублей изъ ея спеціальныхъ средствъ. Такую же отрадную, совершенно исключительную у насъ картину представляютъ и разумныя заботы тифлисской гимназіи о физическомъ здоровьѣ ея воспитанниковъ.

Войдите въ отдѣльный, садикомъ окруженный домикъ ея больницы и вы сразу почувствуете, какимъ семейнымъ и сердечнымъ духомъ проникнуты эти заботы. Всѣ комнаты залиты солнцемъ, зеленѣютъ и пестрѣютъ горшками цвѣтовъ; зеркала, картины, коврики, мягкіе диваны и кресла, ничего казеннаго, ничего похороннаго, — мирная и уютная обстановка семейнаго дома; добрыя услужливыя старушки вмѣсто грубыхъ сторожей, добрая опытная женщина — хозяйкою этой симпатичной дѣтской больнички.

Въ ней же и амбулаторія для приходящихъ учениковъ.

Для заразныхъ больныхъ построена особая, совсѣмъ изолированная маленькая больница, выходящая не въ гимназическій дворъ, а на глухую улицу, со своею ванною, ватеръ-клозетомъ и проч. принадлежности. При ней и упрощенная печь для дезинфекціи вещей съ зараженныхъ больныхъ.

Гимнастика существуетъ въ тифлисской гимназіи также уже четверть вѣка; но вполнѣ научно она поставлена 11 лѣтъ назадъ, послѣ того, какъ гимназія стала приглашать учителями гимнастики людей, спеціально подготовленныхъ для ея преподаванія съ педагогической и гигиенической точки зрѣнія. По рекомендаціи президента пражскаго общества «Соколь» — доктора Шейнера — гимназія выписывала въ теченіе этого времени уже 3-хъ такихъ спеціалистовъ. Учитель гимнастики получаетъ отъ гимназіи при казенной

квартирѣ и полномъ содержаніи вмѣстѣ съ наградными 1.000 рублей въ годъ, что одно уже показываетъ, насколько серьезно смотритъ гимназія на выборъ талантливаго преподавателя этого важнаго предмета.

Обширный залъ, обильно снабженный выписанными изъ Хемница въ Саксоніи самыми усовершенствованными гимнастическими снарядами, построенный на спеціальныя средства гимназіи (около 6.500 рублей), и громадная открытая галерея на 800 человекъ, также стоившая гимназіи болѣе 11.000 рублей изъ ея спеціальныхъ средствъ, — служатъ ареною гимнастическихъ упражненій въ такую погоду, когда ихъ неудобно производить прямо на дворѣ. Тутъ же происходятъ и игры всякаго рода, хороводы, упражненія въ военномъ строѣ, фехтованіе, борьба подъ руководствомъ того же учителя. Военнымъ строемъ, впрочемъ, заправляетъ офицеръ стрѣлковаго батальона, приучающій старшихъ воспитанниковъ не только къ военнымъ экзерциціямъ, но и къ ружейнымъ приемамъ на настоящихъ берданкахъ, 60 штукъ которыхъ съ Высочайшаго разрѣшенія было дано тифлисской гимназіи княземъ Дондуковымъ-Корсаковымъ.

По временамъ въ гимназіи происходятъ своего рода олимпійскія игры, сопровождаемыя духовою музыкою, на которыхъ присутствуетъ очень многолюдная тифлисская публика, весьма сочувственно любующаяся на здоровыя и веселыя упражненія своихъ молодыхъ гимнастовъ, борцовъ и фехтовальщиковъ...

Рядомъ съ гимнастическою галлереею, — этою истинною классической Палестрой — 3 года назадъ устроена гимназіей стоившій также немало денегъ, огромный цементный бассейнъ для воды, въ отдѣльномъ зданіи, въ которомъ съ апрѣля до октября воспитанники гимназіи купаются и учатся плавать. Чтобы регулировать температуру воды, приливающей изъ водопровода, бас-

сейнъ соединенъ трубами съ прекрасною гимназическою банею, отдѣланной бѣлымъ итальянскимъ мраморомъ, откуда можно по произволу напускать потребное количество теплой воды.

Каникулы, продолжающіяся на Кавказѣ около 3 мѣсяцевъ, тоже не оставлены тифлисскою гимназіею безъ разумнаго вниманія. Для пансіонеровъ-сиротъ и для слабыхъ здоровьемъ она приобрѣла на собственные средства пансіонъ за 10.000 рублей въ вѣчное владѣніе въ горномъ мѣстечкѣ Манглисѣ, куда обыкновенно уѣзжаетъ на лѣто тифлисская публика, прекрасную дачу съ тѣнистымъ садомъ въ исключительныхъ санитарныхъ условіяхъ, среди сосновыхъ лѣсовъ, съ превосходною родниковою водою. Въ дачѣ этой легко помѣщается 50 учениковъ. Изъ Тифлиса и въ Тифлисъ они обыкновенно продѣлываютъ весь путь въ 60 верстъ пѣхтурой, съ веселыми пѣснями, съ отрадными роздыхами подъ тѣнью лѣсовъ, да и все лѣто проводятъ въ прогулкахъ и играхъ на чистомъ воздухѣ. Самыя слабыя дѣтишки обыкновенно отлично поправляются за одно лѣто въ этомъ горномъ и лѣсномъ воздухѣ, а о больныхъ во время дачной жизни почти никогда не слышно.

Я нарочно остановился подробно на педагогическихъ мѣрахъ тифлисской гимназіи, направленныхъ къ поддержанію въ воспитанникахъ ея живого духа и здороваго тѣла, — чтобы доказать практическую возможность даже и въ школахъ нынѣшняго устройства противоборствовать одностороннему книжничеству. Но такое плодотворное направленіе воспитанія не случайно является въ гимназіи учебнаго округа, руководимаго маститымъ дѣятелемъ Пироговской эпохи, разумные жизненные взгляды котораго на воспитаніе, недавно высказанные въ печати, представили утѣшительный

контрастъ съ господствовавшими въ послѣднее время теченіями.

Недаромъ и непосредственный организаторъ тифлисской гимназіи, ея теперешній директоръ, уже 26 лѣтъ стоящій во главѣ этой гимназіи, и заканчивающій въ нынѣшнемъ году 40 лѣтъ своей педагогической дѣятельности,—воспитывалъ когда-то свою молодую энергію въ оригинальной педагогической лабораторіи тульской гимназіи 60-хъ годовъ, насквозь проникнутой живительными принципами Пироговской эпохи.

Я считалъ нужнымъ изложить своеобразное воспитательное направленіе тифлисской гимназіи, не стѣсняясь тѣмъ, что ея директоръ — мой родной братъ. Это дѣло у всѣхъ на виду, и мой личный голосъ ничего тутъ ни прибавить, ни убавить. Тифлисскую гимназію подробно осматривало столько авторитетныхъ и компетентныхъ лицъ, что педагогическая репутація ея не нуждается ни въ какихъ услугахъ. Покойный императоръ Александръ III, посѣтивъ тифлисскую гимназію, былъ настолько доволенъ всѣмъ, что нашелъ тамъ, что пробылъ въ гимназіи значительно долѣе назначеннаго времени, слушая ея оркестры, присутствуя на ея гимнастическихъ играхъ, и по его приказанію было тогда же предложено циркуляромъ всѣмъ гимназіямъ имперіи озаботиться обязательнымъ введеніемъ въ нихъ многого того, что было учреждено въ тифлисской гимназіи; директоръ же тифлисской гимназіи удостоенъ былъ послѣ Высочайшаго посѣщенія совершенно исключительной награды, обыкновенно не получаемой директорами (звѣзды Св. Владимира 2-й степени).

Но если у живыхъ людей можетъ существовать живая школа даже при мертвящихъ условіяхъ классицизма, то какимъ бы новымъ могучимъ ключомъ жизни забило наше школьное воспитаніе, если бы принципы жизненности и истины стали общимъ знаменемъ школьнаго дѣла, если бы скинуть былъ, наконецъ, со школы удручающій ее и умерщвляющій ея душу чиновничій мундиръ, если бы вмѣсто насильственнаго питанья ея латинскою и греческою мертвечиною ей дали бы, наконецъ, необходимую ей и привлекательную для нея пищу живой природы, родного языка, родной земли, родной исторіи, если бы вообще и въ учебномъ, и въ воспитательномъ смыслѣ въ школѣ нашей стали бы, наконецъ, стремиться къ той единственно-вѣрной цѣли, высокочеловѣческой и вмѣстѣ высоко-христіанской, которую поставилъ ей когда-то честный умъ Пирогова—«быть, а не казаться!» .

Не балуйте дѣтей!

(Мысли стараго педагога).

«Терпѣніе да трудъ—все
перетрутъ»...

(РУССКАЯ ПОСЛОВИЦА).

Въ статьяхъ своихъ, посвященныхъ устройству средней школы ¹⁾, я высказалъ мысли свои о томъ общемъ духѣ и о тѣхъ практическихъ средствахъ, которыя, по моему мнѣнію, должны быть положены въ основу нашего общественнаго воспитанія.

Но школа, какъ бы удачно ни устроили мы ее, какія полезныя вліянія ни проводила бы она, все-таки останется школою и при самыхъ счастливыхъ условіяхъ не въ силахъ стать семьею, не въ силахъ замѣнить семью.

Уже одно то, что дѣти поступаютъ въ среднюю школу 10-ти, 11-ти и 12-ти лѣтъ, а иногда и позже, ясно указываетъ, что они должны приносить и дѣйствительно приносятъ въ школу уже много чертъ характера, много понятій и вкусовъ, воспитанныхъ въ нихъ семьею. А если вспомнить, что формированіе

¹⁾ «Живая душа въ школѣ» («В. Евр.», 2 ч., 1900 г.), «Книжный изморъ», «Классическое суевѣріе» и «Какая школа нужна нашимъ дѣтямъ?» («Нов. Время». 1900 г.).

характера, вкусовъ и наклонностей человѣка начинается съ самыхъ первыхъ дней его жизни и въ ранней молодости развивается съ особенною быстротою и силою, то вполне станетъ понятно, почему школа принимаетъ подъ свое руководство уже очень опредѣленно сложившіяся дѣтскія натуры, которыя далеко не легко направить на иной путь.

Оттого-то нѣкоторые педагогическіе умы останавливались на мысли начинать воспитаніе ребенка еще тогда, когда онъ сосетъ грудь матери. Если въ извѣстной системѣ Фребеля и его послѣдователей было безспорно много преувеличенія, нѣмецкаго педантизма и самоувѣренной мелочности; если однообразною механичностью своихъ пріемовъ она была способна убить въ зародышѣ всякое самостоятельное развитіе ума, талантовъ и характера въ ребенкѣ, то тѣмъ не менѣе въ основѣ этой системы лежала великая истина, добытая многолѣтнимъ опытомъ, что воспитаніе человѣка должно начинаться съ его колыбели, и въ исторіи педагогіи имя Фребеля, основателя дѣтскихъ воспитательныхъ игръ и упражненій, всегда останется однимъ изъ самыхъ почтенныхъ именъ, заслуживающихъ глубокой признательности человѣчества.

Да и помимо ранняго, дошкольнаго возраста, въ свой долгій школьный періодъ жизни, подрастающее поколѣніе не перестаетъ находиться подъ сильнымъ и постояннымъ вліяніемъ семьи, которое въ большей части случаевъ значительно пересиливаетъ вліяніе школы. Особенно приходящіе ученики школъ, не живущіе въ стѣнахъ заведенія, имѣютъ гораздо менѣе случаевъ подвергаться нравственному воздѣйствію школьныхъ воспитателей, чѣмъ вліянію своихъ родныхъ и близкихъ.

И хотя школа должна всѣми мѣрами стремиться вступить въ тѣсный дружескій союзъ съ семьею, чтобы

при посредствѣ ея усилить свое просвѣтительное вліяніе на воспитанниковъ и предотвратить противодѣйствіе ему со стороны семьи,—но, при существующемъ положеніи дѣла, при слишкомъ еще скудно развитомъ просвѣщеніи въ нашемъ обществѣ, задача эта представляется пока очень трудною, и школа во многихъ случаяхъ бываетъ въ правѣ оправдывать безсиліе своихъ воздѣйствій на учениковъ неблагоприятными условіями нашей семейной и общественной среды.

Поэтому наши стремленія поставить школу на болѣе разумный путь и вдохнуть въ нее болѣе живой духъ не могутъ ни въ какомъ случаѣ упускать изъ вида и воспитаніе дѣтей въ ихъ семьяхъ.

Вопросъ этотъ слишкомъ обширенъ и сложенъ, чтобы его можно было охватить въ бѣглой газетной статьѣ. Но мнѣ хотѣлось бы въ настоящую минуту обратить вниманіе родителей и воспитателей на одну, какъ мнѣ кажется, основную ошибку нашего современнаго домашняго воспитанія въ достаточныхъ семьяхъ, объясняющую и обусловливающую очень многія печальныя явленія нашей умственной и общественной жизни. Я разумѣю здѣсь «систему воспитательнаго баловства», зачавшуюся, развившуюся и укоренившуюся уже на моихъ глазахъ, проникшую было ненадолго и въ общественную школу, но въ настоящее время тѣмъ болѣе вредную, что разслабленныя этою системою дѣти вступаютъ потомъ въ нынѣшней общественной школѣ въ жестокою и часто непосильною для нихъ коллизію съ безучастностью и механическою требовательностью, которыя многихъ изъ нихъ доводятъ до отчаянія и до вражды не только къ этой бездушнѣйшей школѣ, но и ко всѣму современному общественному устройству.

Крайне важно положить ясную грань между тою умственною и нравственною распушенностью, въ ко-

торой такъ часто воспитываются наши дѣти въ своей семьѣ, и тѣмъ свободнымъ и живымъ характеромъ учебнаго труда, тѣми сердечно-дружественными отношеніями учителя къ своимъ ученикамъ, о которыхъ я только-что сочувственно высказался въ своихъ недавнихъ статьяхъ.

Свобода и искренность отношеній между родителями и дѣтьми, между воспитателемъ и воспитанникомъ,—состоитъ вовсе не въ томъ, чтобы позволять этимъ дѣтямъ, этому воспитаннику руководиться только своими желаніями, вкусами и минутными настроеніями, а въ томъ, чтобы внушить имъ путемъ разумнаго воздѣйствія, непрерывнаго вниманія, плодотворнаго примѣра, и не иначе, какъ на почвѣ неподдѣльнаго дружескаго участія,—тѣ правильныя понятія, тѣ нравственные принципы и нравственныя привычки, безъ которыхъ никто не можетъ сдѣлаться честнымъ и полезнымъ членомъ своей семьи, своего общества, своего государства.

Я убѣжденъ, что высоко цѣнимая мною система образованія, основанная на живомъ изученіи природы, роднаго языка и родной исторіи, могла бы дать особенно много способовъ къ духовному оздоровленію молодыхъ умовъ и характеровъ, разслабленныхъ въ дѣтствѣ умственной и нравственной распущенностью, потому что роковая незыблемость законовъ природы и ея вѣчно продолжающееся терпѣливое «тихое дѣланье», по счастливому выраженію Гете, точно такъ же, какъ поучительныя картины тяжелой многовѣковой борьбы русскаго народа со всевозможными препятствіями и опасностями на пути его историческаго роста,—не могутъ не повліять самымъ плодотворнымъ образомъ на изучающій ихъ молодой духъ.

Я постараюсь въ нижеслѣдующихъ строкахъ обрисовать болѣе наглядно и точно тотъ основной, по-

моему, грѣхъ нашего семейнаго воспитанія, о которомъ я повелѣ рѣчь.

Современный намъ образованный человѣкъ вырастаетъ «баловнемъ», какъ говорили старыя няньки. Въ весьма естественной заботливости о нашихъ дѣтяхъ и отчасти въ видѣ реакціи прежнему, совсѣмъ уже невнимательному отношенію родителей къ потребностямъ дѣтей,—мы обратили воспитаніе ихъ въ какую-то систему ухаживанія. Если прежде интересы дѣтей были слишкомъ заброшены, если родители стараго времени отводили подъ дѣтскія самыя плохія помѣщенія дома и спокойно сдавали ихъ на руки невѣжественнымъ крѣпостнымъ нянькамъ и дядькамъ, то теперьшніе родители стараются, наоборотъ, сдѣлать дѣтей какими-то кумирами дома, которымъ все приносится въ жертву, центромъ, вокругъ котораго обращается весь міръ семейной жизни.

Мы приучаемъ уже грудного ребенка видѣть вокругъ себя только восхищающіяся имъ лица, умоляющія его не плакать или скушать кашки, преклоняющіяся передъ всѣми его капризами. Когда ребенокъ подрастетъ, мы больше всего думаемъ объ его удовольствіяхъ и развлеченіяхъ, до того боимся его разсердить или стѣснить въ чемъ-нибудь его волю, что дозволяемъ ему почти все, что ему вздумается; онъ можетъ всюду войти, вездѣ быть, все взять, во все вмѣшаться. Мало того, мы боимся хотя немножко утомить его головку напряженіемъ мысли, его ручки и ножки какимъ-нибудь физическимъ усиліемъ, и стараемся предупреждать его любознательность подробнымъ разжевываніемъ вещей, которыми ему было бы гораздо полезнѣе заинтересоваться самому, всмотрѣться и вдуматься по самостоятельному побужденію, безъ нашего рановременнаго навязыванія. И въ духовной,

и въ тѣлесной его жизни мы постоянно подстилаемъ ему соломку подъ ноги, чтобы онъ не расшибся, и черезъ это отучаемъ и его духъ, и его мускулы отъ смѣлыхъ шаговъ за свой страхъ, лишаемъ его истиннаго жизненнаго опыта, истиннаго познанія дѣйствующихъ въ мірѣ силъ, и, создавая кругомъ него искусственную атмосферу, не даемъ ему возможности воспитать въ себѣ способность борьбы съ ними.

Человѣкъ болѣе грубаго, необразованнаго общества воспитывается сурово и съ дѣтскихъ лѣтъ проникается инстинктивнымъ сознаніемъ, что всѣ вокругъ него имѣютъ гораздо больше правъ, чѣмъ онъ, что онъ обязанъ покоряться многимъ другимъ, считаться съ ихъ волею, пріобрѣсти трудомъ и усиліями право на всякое удобство; словомъ, онъ вырастаетъ въ сознаніи, что на свѣтѣ господствуетъ далеко не одна его воля, что всякое положеніе, всякая выгода добывается тяжелою борьбою, съ многимъ терпѣніемъ и многими лишеніями. Такой человѣкъ не будетъ испуганъ при встрѣчѣ съ дѣйствительностью жизни, не будетъ ждать отъ нея ничего того, чего она не можетъ дать, а будетъ спокойно и стойко добиваться возможнаго, извлекая изъ жизни всѣ тѣ скромныя радости, которыя она способна дать.

Въ этой грубой системѣ воспитанія основная мысль совершенно правильна, отчего и люди тяжелаго труда, наши крестьяне, солдаты, рабочіе—переносятъ почти невозможныя условія жизни не только просто и спокойно, но даже гораздо радостнѣе, чѣмъ мы относимся къ своей несравненно болѣе счастливой обстановкѣ.

Въ системѣ этой другой грѣхъ—она связана обыкновенно съ возмутительною грубостью отношеній, съ такими вредными условіями жизни, которыя часто уничтожаютъ дѣтей раньше, чѣмъ они успѣютъ закалиться противъ этихъ губительныхъ вліяній. Люди,

не задавленные нуждою, конечно, могли бы усвоить себѣ то, что здорово и истинно въ этой единственной практической системѣ воспитанія, очистивъ ея отъ всѣхъ невѣжественныхъ примѣсей.

Предки наши, у которыхъ и характеры, и организмы были много здоровѣе нашихъ, и которымъ совсѣмъ была незнакома современная «скука жизни», держались именно этой естественной системы воспитанія. Ея жѣ держатся и тѣ просвѣщенные народы Европы, подобные, напр., шведамъ или голландцамъ, которые до сихъ поръ сумѣли сохранить завидное равновѣсіе духа и плоти и не потеряли даже въ наши дни жизнерадостнаго взгляда на міръ Божій.

Нетерпѣніе, самомнѣніе, безмѣрная гордыня—вотъ обычные свойства разбалованнаго человѣка нашего времени, дѣлающія его совершенно безсильнымъ въ столкновеніяхъ съ жизнью. Онъ нетерпѣливъ и требователенъ не только въ своихъ себялюбивыхъ и корыстныхъ стремленіяхъ, но и въ самыхъ великодушныхъ идеалахъ своихъ, въ самыхъ горячихъ попыткахъ устроить счастье другихъ. Онъ приходитъ въ отчаяніе отъ того, что нельзя воплотить сейчасъ же, сразу, рая на землѣ; онъ не можетъ помириться съ мыслью, что въ каждомъ человѣческомъ устройствѣ непременно должны быть крупныя недостатки и ошибки, что человѣчество состоитъ изъ грѣшныхъ людей, а не изъ ангеловъ. Утопіи мои не осуществляются, ожиданія не исполняются,—я не хочу жить или я не позволю существовать этому скверному міру...

Стоитъ ли хлопотать о жизни, если она не можетъ быть совершенною, если она полна пороковъ, несчастій, несправедливостей!...

А то наоборотъ: у меня самыя роскошныя вкусы, самыя широкія требованія,—мнѣ необходимо богат-

ство, свобода наслажденія,—и вдругъ я обреченъ на прозаическое существованіе въ скромной квартиркѣ, на безмолвное исполненіе чужихъ приказаній, на скучный ежедневный трудъ. Стоитъ ли опять жить? Не отвратителенъ ли этотъ міръ? и чѣмъ скорѣе кончится онъ, тѣмъ лучше!

Это своего рода негодованіе капризнаго ребенка, колотящаго кулакомъ гвоздь, на который накололся.

И все оттого, что мы съ дѣтства приучаемъ чело-вѣка смотрѣть на свои собственныя желанія, даже на свои капризы, какъ на какой-то обязательный законъ природы, какъ на руководящій мотивъ для поступковъ всѣхъ его окружающихъ. А обратились бы мы и обратили дѣтей своихъ къ познанію дѣйстви-тельныхъ законовъ природы и чело-вѣческой исторіи, —мы бы сами убѣдились и убѣдили дѣтей своихъ совершенно въ противномъ.

Только полнымъ незнаніемъ этихъ основныхъ за-коновъ существованія можно объяснить себѣ пагуб-ное заблужденіе нашего воспитанія, подготовляющаго людей не въ терпѣливой борьбѣ съ жизнью, а къ капризнымъ требованіямъ отъ нея.

Въ самомъ дѣлѣ, оглянитесь сознательно на окру-жающій насъ міръ, на явленія природы, на судьбу всего живого, взгляните и вдумайтесь хорошенько. Вездѣ на первомъ мѣстѣ мы увидимъ тяжкій трудъ, необходимость долгой и терпѣливой борьбы. Создатель вселенной вовсе не обезпечилъ живущимъ существамъ празднаго и бездѣятельнаго благополучія, цвѣты ко-торого они могли бы рвать, лежа на мягкихъ ложахъ, не имѣя надобности даже нагнуться или протянуть руку.

Напротивъ того, въ самостоятельномъ достиженіи собственными усиліями всякаго благополучія и удоб-ства заключается все внутреннее достоинство чело-вѣ-

ческой дѣятельности, вся нравственная цѣнность и красота жизни.

Самое рожденіе человѣка, его ношеніе во чревѣ матери недаромъ уже сопряжены съ тягостями и заботами всякаго рода, не даромъ требуютъ долготерпѣнія и твердости духа. Потомъ начинается воспитаніе ребенка, уходъ за его тѣлеснымъ здоровьемъ, за его духовнымъ развитіемъ,—опять полная чаша настойчивыхъ и усиленныхъ трудовъ, самообладанія и терпѣнія. И этого требуетъ не только воспитаніе человѣка, подобія Божьяго,—но даже воспитаніе лошади, дерева, цвѣтка...

Вся хозяйственная дѣятельность человѣка, его поле, фабрика, садъ,—все это сложная школа того же терпѣнія, настойчивости, бдительнаго вниманія и труда.

Въ области духовныхъ интересовъ такого же упорнаго труда, неусыпнаго вниманія, строгой послѣдовательности, спокойнаго терпѣнія требуетъ всякое нравственное совершенствованіе человѣка, всякое пріобрѣтеніе знаній и умѣній. Даже дружба между людьми, даже взаимная любовь жены и мужа, отца и дѣтей создается не иначе, какъ терпѣливымъ снисхожденіемъ къ слабостямъ другъ друга, великодушнымъ подавленіемъ многихъ своихъ личныхъ влеченій и твердостью въ испытаніяхъ... А смерть? Даже умереть, прекратить свое существованіе человѣкъ не можетъ безъ труда, борьбы, величайшаго терпѣнія и величайшей твердости духа.

Такимъ образомъ вся безъ исключенія жизнь человѣка, отъ рожденія до могилы, точно такъ же, какъ и жизнь животнаго,—одна сплошная плетеница тяжелыхъ трудовъ и терпѣливой борьбы.

Вотъ эту-то естественную правду, эту коренную основу міровой жизни,—и необходимо положить краеугольнымъ камнемъ нашего семейнаго воспитанія, не

въ видѣ, конечно, философскихъ тезисовъ, а какъ органическую привычку, какъ бессознательное побужденіе всѣхъ поступковъ ребенка. Его надо воспитать въ трудѣ, терпѣніи и смиреніи. Гдѣ трудъ и терпѣніе,—тамъ смиреніе является само собою, какъ естественный плодъ. Заноситься, зазнаваться можетъ только праздная фантазія, не знакомая собственными своими ребрами и мозолями съ суровыми условіями дѣйствительности, витающая въ созданныхъ ею же самой эмпиреяхъ.

Смиреніе же — необходимое условіе правильныхъ взглядовъ человѣка на жизнь и спокойно-счастливаго настроенія. Смиреніе—вовсе не рабское чувство и не ложится мертвящимъ камнемъ на свободные порывы человѣческаго духа, на самостоятельность его мысли и чувствъ. Смиреніе, напротивъ того, придаетъ твердость и энергію всѣмъ духовнымъ силамъ человѣка, ясно ограничивая предѣлы ихъ и направляя ихъ по естественному ихъ руслу. Смиреніе не позволяетъ человѣку возомнить себя «аки боги», не увлекаетъ его въ безбрежныя сферы ему недоступнаго, напрасно раздражая и растрачивая его внутренній огонь, бесплодно надрывая его силы въ погонѣ за фантазмагоріями.

Смиреніе—это не что иное, какъ трезвое сознаніе человѣкомъ скромнаго размѣра человѣческихъ силъ и человѣческихъ правъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ сознаніе всемогущества Верховной Силы, устрояющей міръ и направляющей дѣла его.

Современный человѣкъ, подъ вліяніемъ своихъ дѣйствительно изумительныхъ завоеваній и побѣдъ въ области знанія, послѣ безчисленныхъ научныхъ открытій и изобрѣтеній текущаго вѣка, зазнался и потерялъ голову, какъ тщеславный школьникъ, блестяще сдавшій экзамень, и вообразившій, что онъ постигъ

въ своихъ ученическихъ тетрадкахъ и учебникахъ всю глубину человѣческихъ познаній.

Не постигнувъ въ сущности ни одной основной тайны міра, проникнувъ своею наукою только немного глубже во внѣшнюю оболочку явленій, зазнавшійся современный человѣкъ уже воображаетъ, что передъ нимъ теперь открылась или по крайней мѣрѣ откроется завтра таинственная завѣса, скрывавшая отъ него до сихъ поръ внутреннія пружины бытія, и что онъ можетъ теперь устроиться въ мірѣ безъ Бога, безъ Высшаго Промысла, не нуждаясь болѣе въ этой «гипотезѣ», по характерному выраженію одного изъ свѣтилъ науки.

На мѣсто отвергнутаго всемогущества Божія невольно ставится всемогущество человѣка, воплощенное въ его всеобъемлющей и безконечно развивающейся наукѣ.

Эта наука должна успокоить всѣ мучительныя сомнѣнія человѣчества, отвѣтить на всѣ его роковыя вопросы, уяснить ему съ точностью алгебраической формулы цѣль его жизни, устранить всѣ препятствія къ общему счастью человѣчества и обезпечить ему чуть не вѣчную блаженную жизнь на землѣ.

И вотъ юноша, не познавшій съ дѣтства истинныхъ условій жизни, не воспитавшій въ себѣ привычекъ труда, терпѣнія и смиренія, а увѣровавшій съ налета въ мнимое всемогущество человѣка, въ науку, будто бы владѣющую секретомъ человѣческаго счастья,—создаетъ себѣ смѣлыя задачи, альтруистическія или эгоистическія, смотря по натурѣ, — съ наивнымъ убѣжденіемъ, что стоитъ только ему захотѣть, — и все сейчасъ будетъ; нехорошо существующее устройство общества, — онъ завтра переустроитъ его по своему, и все пойдетъ отлично. Напишетъ сегодня законъ, основанный на идеальной спра-

ведливости, докажетъ статистически и логически необходимость любви и самотверженія,—и завтра люди переродятся: злые станутъ добрыми, глупые умными, лѣнивые дѣятельными.

И когда на дѣлѣ никто и ничто отъ его пустыхъ желаній и словъ не перемѣнится, мнимаго всемогущества въ человѣческой наукѣ не окажется, а зло попрежнему будетъ продолжать себѣ кишѣть на землѣ — разочарованный фантазеръ станетъ совсѣмъ незаслуженно проклинать и міръ, и человѣчество, и науку, какъ неспособные подняться изъ тьмы зла, какъ осужденные самою природою своею на позоръ и гибель... Стоитъ ли жить ему въ такомъ мірѣ, съ такими людьми?.. Стоитъ ли трудиться для нихъ и даже жалѣть о нихъ его возвышенному разуму, жаждущему гораздо болѣе свѣтлыхъ и благородныхъ сферъ?

Таково бываетъ настроеніе разочарованныхъ идеалистовъ. А юноша-матеріалистъ, которыхъ, конечно, неизмѣримо больше, чѣмъ идеалистовъ,—тотъ выразитъ свое разочарованіе въ жизни осмѣяніемъ всѣхъ альтруистическихъ принциповъ, наглымъ попраніемъ всякаго великодушнаго чувства, всякихъ нравственныхъ обязанностей человѣка къ человѣку, самъ мучаясь въ то же время безцѣльностью и скукою жизни.

Правда же совсѣмъ не въ томъ. Правда не въ фантазіяхъ утопистовъ, не понимающихъ законовъ жизни и по-дѣтски гнѣвающихся на нее за то, что она не сію минуту раскладываетъ передъ человѣчествомъ коверъ-самолетъ и скатерку-самобранку а разрастается постепенно и медленно, какъ могучее дерево, способное существовать цѣлые вѣка,—изъ маленькаго жолудя въ широкоцвѣтущаго колосса. Правда въ томъ, чтобы человѣкъ съ уваженіемъ, вниманіемъ, съ свѣтлою радостью относился къ этимъ, хотя и медленнымъ, но безостановочнымъ шагамъ вѣчно разви-

вающейся жизни; сообразуя съ ними свою дѣятельность и направляя ее не въ разладъ, а въ ладъ съ нею, сознавая себя нераздѣльнымъ элементомъ ея плодотворнаго и прекраснаго роста; конечная цѣль этой жизни хотя и скрыта отъ ограниченнаго разума человѣческаго, но направляется премудрою и всемогущею рукою, которая вездѣ проявляетъ себя челоуѣку и въ которую онъ поэтому не можетъ не вѣрить, если окончательно не ослѣпленъ своимъ дѣтскимъ тщеславіемъ.

Жизнь трудна, жизнь требуетъ терпѣнія и выдержки — не даромъ говорится: «жизнь прожить не поле перейти»;—но жизнь и хороша, жизнь полна смысла, красоты и радости, которыя чувствуются самымъ простымъ сердцемъ, постигаются самымъ скромнымъ умомъ, если только это умъ и сердце душевно здороваго челоуѣка, не мнящаго себя богомъ на землѣ, самодовлѣющимъ существомъ, ни отъ кого и ни отъ чего не зависящимъ, никому не обязаннымъ отчетомъ въ своихъ дѣлахъ, и не воображающаго, что для него судьба обязана была приготовить на грѣшной темной планетѣ фантастическіе элизіумы... Существо, рождающееся безсильнымъ жалкимъ червячкомъ, требующее долгихъ заботъ и ухода, готовое при малѣйшемъ неблагопріятномъ обстоятельстве разбиться или испортиться, какъ хрупкое сырое яйцо, существо, осужденное на ограниченность и зависимость во всемъ и вездѣ самымъ устройствомъ тѣла своего, исчезающее съ лица земли, какъ листья съ дерева въ осенній листопадъ, настолько наивно, что можетъ воображать себя единственнымъ разумомъ, единственнымъ сознаниемъ и единственною волею въ той вселенной, гдѣ самая земля, на которой онъ копошится незамѣтною бактеріей, — не что иное, какъ ничтожная темная песчинка среди мириадъ безчи-

сленныхъ міровъ... Погибнетъ, стало-быть, чело-вѣчество на своемъ шарѣ земномъ отъ какой-нибудь геологической или метеорологической катастрофы, и вся неизмѣримая вселенная обратится въ бесполезную бессмыслицу!..

Нетерпѣливые хулители жизни научились бы многому, если бы отвели на время свои взоры, прикованные съ мистическимъ благоговѣніемъ къ идеальнымъ перспективамъ будущаго, къ темному прошлому, изъ котораго сравнительно такъ недавно вышло чело-вѣчество, и оцѣнили бы поистинѣ исполинскіе шаги, какіе уже успѣло совершить оно по своему плодотворному историческому пути.

Пусть бы вспомнили они, что еще не вполне сгнили бревна свайныхъ построекъ, въ которыхъ, подобно бобрамъ, жили люди, сидящіе теперь въ парламентахъ, несущіеся по электрическимъ дорогамъ и бесѣдующіе съ другою частью свѣта черезъ моря и океаны посредствомъ никому невидимаго телеграфа; пусть бы вспомнили, что еще и теперь, рядомъ съ нашими высоко-цивилизованными европейскими колонистами, милліоны людей ведутъ жизнь гориллы или медвѣдя, прячась на деревьяхъ и въ пещерахъ, голые, какъ звѣри, едва умѣя связывать членораздѣльные звуки, питаюсь сырою рыбою и сырыми кореньями...

Эти картины, быть-можетъ, излечили бы ихъ отъ малодушнаго отчаянія передъ темными сторонами чело-вѣческой жизни и одушевили бы ихъ на терпѣливую работу ея постепеннаго усовершенствованія; имъ стало бы ясно, что міръ прожилъ свои самыя тяжелыя тысячелѣтія и добился самыхъ важныхъ завоеваній своихъ въ такихъ, повидимому, безнадежныхъ обстоятельствахъ и при такихъ, повидимому, неодолимыхъ препятствіяхъ, сравнительно съ кото-

рыми наше настоящее есть одно свѣтлое торжество и могущество... Имъ стало бы ясно, что всѣ эти завоеванія челоѳчества совершены именно терпѣливою и мужественною борьбою людей живой жизни и живого дѣла, упорнымъ взятіемъ ими съ боя каждаго вершка впередъ, а уже никакъ не малодушнымъ капризничаньемъ нетерпѣливыхъ утопистовъ, разочарованныхъ баловней судьбы.

Въ этихъ взглядахъ на темное прошлое челоѳчества—могучій источникъ вѣры въ его свѣтлое будущее, въ силу его самостоятельнаго духа, который хотя медленно и постепенно, но съ тѣмъ вмѣстѣ неудержимо одоѳваетъ враждебныя ему вліянія и освобождается мало-по-малу отъ связывающихъ его путъ невѣжества и зла...

Въ энергіи отдѣльныхъ личностей, въ твердомъ дружелюбномъ союзѣ ихъ на общее дѣло исторія челоѳчества почерпаетъ силы для своего движенія впередъ, къ свѣту, правдѣ и счастью. И эту-то спокойную внутреннюю энергію, это-то свѣтлое братское расположеніе челоѳка къ челоѳку должны всѣми мѣрами воспитывать въ ребенкѣ семья и школа, научая его труду, терпѣнію, смиренію во имя блага всѣхъ, а не вызывая въ немъ искусственно, какъ это такъ часто дѣлаютъ наши близорукіе родители и воспитатели, самопоклоненіе и себялюбивыя инстинкты личныхъ наслажденій...

Тогда исчезла бы нетерпѣливая требовательность сторонниковъ «прогресса вскачь», которые недовольны ничѣмъ потому только, что не всѣ ихъ мечты и желанія осуществляются сразу по щучьему велѣнію, и которые, наполняя міръ своимъ вѣчнымъ нытьемъ и укоризненными причитаніями, обращаютъ его въ какой-то унылый госпиталь сплошныхъ страданій и язвъ челоѳчества, откуда совсѣмъ изгнанъ радост-

ный свѣтъ солнца и веселый смѣхъ, когда-то составлявшіе незамѣнимую привлекательность жизни. Слушая это малодушное нытье слабонервныхъ друзей челоѳчества, не умѣющихъ помочь ему ничѣмъ, кромѣ разслабляющихъ его жалкихъ словъ, подумаешь иногда, что въ самомъ дѣлѣ когда-то свѣтлый міръ обратился теперь въ мрачную темницу и что челоѳчеству не осталось впереди ничего, кромѣ бѣдствій и гибели, такъ что оно въ правѣ, пожалуй, сказать, какъ философъ времянь разложенія Римской имперіи: «смерть есть единственная награда за горе рожденія, и, лишенные счастья не родиться, неужели мы лишены счастья уничтожиться?»

Но нѣтъ! Это больныя грезы больныхъ людей, и прочь онѣ отъ насъ!

Станемъ воспитывать своихъ дѣтей просто, правдиво, спокойно, въ трудѣ, въ терпѣніи, въ смиренной вѣрѣ въ Бога, въ братской любви къ людямъ, въ нравственныхъ обязанностяхъ передъ людьми, — и кошмаръ разсѣется, безсильные утописты и капризные себялюбцы, размножившіеся среди насъ въ послѣднее время, станутъ рѣдкими исключеніями, а изъ нашихъ семействъ, изъ нашихъ школъ двинется дружною ратью здоровый молодой народъ, готовый работать бодро и радостно, умѣющей жить и любящей жизнь, любящей не только свое настоящее, но и прошлое будущее, и умиряющую мать-природу и собрата-челоѳка...

